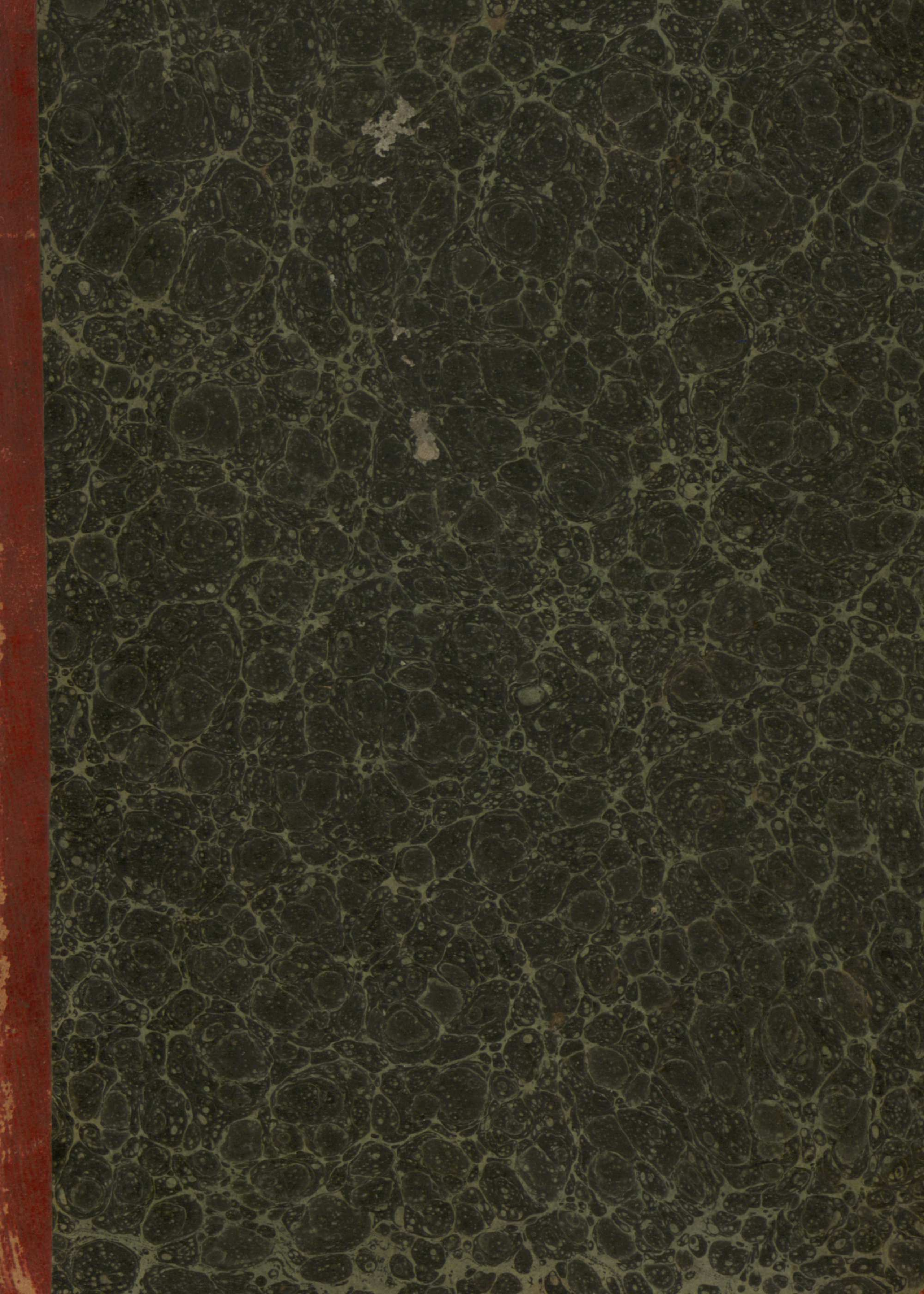


ЕНЕЙ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА

ПУБЛІЯ ВИРГИЛІЯ МАРОНА.

Переведена съ Латинскаго

Васильемъ Петровымъ.

Андрея Хвостова

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ЦЕСАРЕВИЧУ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,

Россiйскаго Престола Наслѣднику, Герцогу Голштейншлезвигскому, Сторманскому и Дитмарсенскому, Графу Олденбургскому и Делменгорстскому

и прочая

Милостивѣйшему Государю.

Маронова ума во вѣкъ прехвальный плодъ,
Пречудный образецъ витїйственныхъ красотъ
Въ стихи Россїйскаго переложенный слова
Прими, Великїй Князь, подъ ону тѣнь покрова,
Какую самъ ему Октавїй подавалъ,
Что свѣта скиптръ всего въ десницѣ обращалъ;
Какую Мать Твоя простерла на науки
Звукъ славы новыми всегда сугубя звуки.
Хоть римскаго орла паренїе и шумъ
Не можетъ мой постичь еще незрѣлый умъ:
Охота къ знанїямъ, что мудра кроетъ древность,
Рожденна отъ тоя ко общей пользѣ ревность
Приводитъ робкое въ движенїе перо.
О естьлибъ то текло, какъ жаръ велитъ, быстро,
Я мыслей въ высотѣ Марону подражая,
И большимъ, нежель онъ, усердїемъ пылая
Потщился бы предъ всей вселенной показать,
Чѣмъ выше Августа Твоя Авгу́ста Мать!
Пусть силамъ моего то духа необъятно,
Мнѣ ликъ Ея добротъ воображать прїятно;
Прїятно вображать о будущей судьбѣ
Готовящей открыть намъ зрѣлый плодъ въ Тебѣ:
Какъ рождшей въ слѣдъ паря звукъ Россскихъ хвалъ умножишь!
Какъ гордыхъ подъ пяту́ противниковъ положишь!

Какъ будешь подданнымъ щедроты проливать!
Гряди, куда Тебѣ какъ солнце свѣтитъ Мать,
Куда стремитъ Тебя природы превосходство,
Премудра Ментора премудро руководство.
Уже намъ зримыя въ лицѣ Твоемъ черты
Являютъ рай Твоей душевной красоты.
Ты слабый трудъ принять въ покровъ Свой удостоишь,
Снизшествïемъ къ нему злыхъ ропотъ успокоишь;
Ты станешь съ кротостью внимать Мароновъ тонъ;
Ты мысль мнѣ озари и будь мой Аполлонъ.

Генваря 1 дня, 1770 года.

ПРЕД-

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Кто былъ * П. Виргилій Маронъ, ученому свѣту извѣстно. Пѣвецъ достойный тогдашней величести Римской доказалъ онъ, до какого совершенства можно достигнуть подражаніемъ. Начавъ пастушскою свирѣлью кончилъ свое пѣніе военною трубою. Римъ перестал завидовать Греціи въ славѣ наукъ, нашедъ въ немъ единомъ Ѳеокрита, Гезіода и Гомера. Сочиненія его хотя всѣ въ своемъ родѣ превосходны, но Героическая поема для важности матеріи и особеннаго витійства прочимъ предпочитается. И подлинно Виргилій приступя къ сему труду съ твердостію разума многими опытами искусившагося, будучи уже сорока двухъ лѣтъ отъ рожденія, употребилъ

(*) Виргилій родился 684 года отъ созданія Рима; осмью годами прежде Августа. Отецъ его былъ мѣщанинъ Мантуанской. Обучался Греческому языку, врачебной и математической наукѣ; философію слушалъ у Цирона Епикурянина. Началъ писать 30 лѣтъ. Въ еклогахъ подражалъ Ѳеокриту, въ земледѣльственныхъ стихахъ Гезіоду, въ героической поемѣ Гомеру. Былъ въ Римѣ въ великомъ почтеніи, любимъ Августу, Меценату, Полліону, Галлу, Туккѣ, Вару и другимъ. Волтеръ примѣчаетъ, что благоволеніе и дружба сихъ особъ къ Виргилію, много споспѣшествовали ему къ чести у его современниковъ, которые безъ того можетъ быть не столь бы охотно отдали ему справедливость. Пятыйнадесять день Октября навсегда славенъ остался для его рожденія *Octobres Maro consecrauit idus.* Марціал. надпис. кн. 12. 68.

билъ на оный всю силу своего воображенія, весь огнь, который одушевляетъ прямыхъ стихотворцовъ. Начавъ съ сильнымъ напряженіемъ духа постепенно громъ свой умножаетъ, и съ продолженіемъ поемы въ вящшее краснорѣчіе разливается, на подобіе быстрой и многоводной рѣки, которая чѣмъ далѣ протекаетъ, тѣмъ больше, наводняясь посторонними ручьями, сугубитъ шумъ и стремленіе. Правда, въ послѣднихъ пѣсняхъ онъ ослабѣваетъ, но сквозь всю слабость видѣнъ жаръ его стихотворства; притомъ любопытнымъ очамъ не непріятно смотрѣть, какъ собираетъ духъ, какъ порывается взлетѣть до прежней высоты истощенный въ силахъ Виргилій. Здѣсь то онъ весьма живо представляетъ въ себѣ того подвижника, который перебѣжавъ знатную часть разстоянія, въ концѣ назначеннаго поприща изнемогаетъ отъ того самого, что въ началѣ подвига не щадилъ своей силы. Неосторожность его велика, но послѣдовавшимъ ему въ семъ родѣ писателямъ была чрезвычайно полезна. Взирая на сего, * отъ без-

---

(*) Ежели бы Виргилій оставилъ только шесть первыхъ пѣсней своей поемы, онъ бы былъ безъ изъятія славенъ; но малой ущербъ его славы въ шести послѣднихъ пѣсняхъ послужилъ къ великому словесныхъ наукъ приращенію. Вездѣ перо Виргиліево видно. Сей промѣнъ для наукъ выгоденъ. Г. Ломоносовъ въ двухъ пѣсняхъ своей поемы оставилъ намъ трудную загадку. Поема его начата съ великимъ напряженіемъ духа; кто отгадаетъ, съ какимъ бы успѣхомъ она была кончана? Ему предлежали превеликія трудности. Надобно было оказать плодовитость въ вымыслахъ, остроту разума въ заплетеніи узла и искусномъ разрѣшеніи онаго, жаръ стихотворства въ описаніи Полтавскаго сраженія, благоразумную осторожность въ порядочномъ разположеніи всѣхъ частей поемы и сцѣпленіи оныхъ, способность въ изобрѣтеніи многихъ красотъ не заимствуемыхъ отъ науки, ниже отъ какого писателя, кромѣ великости собственныя своея души, въ чемъ каждаго сочиненія состоитъ

безмѣрнаго усилія, паче чаянія всѣхъ, изнурившагося исполина, научились они беречь пылкость своего воображенія, и разливать оную равномѣрно на всѣ своего сочиненія части. Хотя и то весьма вѣроятно, что онъ могъ бы исправить * свой трудъ, и привести оный въ совер-

главная доброта и совершенство, и проч. Правда, взирая на преклонность его вѣка и преждевременное прекращеніе труда, можно бы, въ удовольствіе его критиковъ, сказать, что сей мужъ почувствовавъ самъ въ себѣ оскудѣніе силъ, толь великое предпріятіе умышленно оставилъ. Съ другой стороны, твердость природнаго въ немъ разума просвѣщеннаго науками, подкрѣпленнаго многими опытами вещей и сильнымъ чтеніемъ книгъ, пылкость воображенія оказанная въ сочиненіяхъ его при старости лѣтъ, изобиліе высокихъ и благородныхъ мыслей, безпримѣрная долгота духа, искусство Россійскаго языка, и особливый нѣкій даръ изображать тѣже идеи съ нѣкоторымъ разширеніемъ, новыми и всегда громчайшими словами, объ успѣхѣ дѣла не допускаютъ сомнѣваться. Какъ бы то ни было, трудъ сей никому неприступенъ; а хотя бы кто теперь и сочинилъ съ подобною красотою, или издалъ подъ своимъ именемъ оставшуюся послѣ Ломоносова третію пѣснь, предразсужденіе возопіетъ изо всей мочи, что тутъ и тѣни нѣтъ Ломоносовыхъ мыслей. Великимъ людямъ часто мы, не понимая ихъ великости, удивляемся.

(*) Въ семъ намѣреніи поѣхалъ онъ въ Грецію, что бы тамъ въ спокойномъ уединеніи переправить свое сочиненіе, но на дорогѣ встрѣтившись съ Августомъ, и помышляя опять въ Римъ вмѣстѣ съ нимъ возвратиться заболѣлъ, и какъ отъ морской ѣзды болѣзнь въ немъ умножилась, прибылъ въ Тарентъ, или, какъ множайшіе думаютъ, въ Брундузій, гдѣ преставился Сентября 22. Житія его было 50 лѣтъ 11 мѣсяцовъ и 7 дней. Тѣло его, по завѣщанію его, пренесено въ Неаполь, и погребено на Путеоланской дорогѣ. При смерти своей осудилъ онъ на сожженіе свою поему яко неисправленную; но какъ пріятели его толь опасной приговоръ въ дѣйство произвесть не хотѣли, отказалъ оную Туккѣ и Вару, которые исправили сіе безсмертной славы достойное сочиненіе, отсѣченіемъ того, что въ немъ за излишнее усмотрѣли, не прибавляя отъ себя ни слова.

шеннѣйшій плодъ человѣческаго разума, ежели бы преждевременная смерть его не восхитила. Онъ умеръ на пятьдесятъ первомъ году отъ рожденія, и препровожденъ во гробъ слезами услажденныхъ его пѣніемъ римлянъ. Сочиненія его переведены на всѣ Европейскіе языки; а на нѣкоторые, многіе ученые мужи, въ разныя времена съ разными успѣхами переводъ предпринимали. Въ трудахъ обществу полезныхъ соперничество всегда похвально. Главный способъ къ успѣшному въ семъ дѣлѣ упражненію вольной и спокойной духъ, и благоразумное сомнѣніе. Торопливость рѣдко удачна, но въ преложеніи Виргиліевой поемы особливо опасна. Мужъ, употребившій на свой трудъ одиннатцать лѣтъ, заслуживаетъ больше вниманія, нежели что бы смотрѣть въ немъ на одну поверьхность стиховъ, не проникая сокровеннаго смысла. И переводчикъ, по моему мнѣнію, отнюдь не погрѣшитъ, ежели * мѣдленности Виргиліева пера послѣдовать, и по примѣру его, не довѣряя самъ себѣ, при каждой строкѣ будетъ остонавливаться, покушаясь, не можно ли изобразить съ вящшею красотою. Вожеласъ ни отъ кого еще не понесъ нареканія за то, что тритцать лѣтъ положилъ на переводъ К. Курція; но Виргилій Курція труднѣе. И одно мѣсто въ семъ великомъ творцѣ, не больше напримѣръ четырехъ строкъ, переведенное щасливо, можетъ замѣнить цѣлую

главу

(*) Самъ Виргилій можетъ нѣкоторымъ образомъ предостеречь переводчика. Шесть перьвыхъ пѣсней сочинялъ онъ съ лишкомъ шесть лѣтъ, по чему въ оныхъ усматривается безпримѣрная красота и сила: послѣднія шесть сочинилъ безъ мала въ четыре года, но онѣ перьвыхъ слабѣе. Его извиняетъ старость и благородное стремленіе окончать трудъ, пока смерть не постигла: переводчика ничто не принуждаетъ торопиться. Виргилій одинъ въ своемъ родѣ, переводчики его могутъ быть многіе.

главу изъ К. Курція, или изъ другаго какого либо прозаичнаго писателя. Естьли кому, наипаче Виргиліеву переводчику, дозволяются вольности, которыя, по причинѣ разнаго свойства языковъ, и въ прозѣ необходимы. Можно перемѣнить, прибавить и убавить, лишь бы только сіе было безъ нарушенія красоты Виргиліевыхъ мыслей. Напр. Виргилій говоритъ

et terris iactatus et alto

былъ верженъ по земли и по морю. Слово *iacto* значитъ *изъ стороны въ сторону мечу, вержу, кидаю.* И Виргилій хочетъ сказать, что Еней различными напастьми былъ верженъ, на подобіе корабля сильными вѣтрами въ морѣ носимаго и изъ стороны въ сторону порываемаго, или другой какой вещи удобно возметаемой, не получая ни малѣйшаго отдохновенія. Но понеже такое * образованіе Россійскому языку не столь свойственно, какъ Латинскому, оное *iactatus* можно перевести *стеналъ*, или *страдалъ*

(*) *Образованіемъ* называю я мысль писателя представленную подъ образомъ ощущаемой вещи; или изображенную такими словами, которые услаждаютъ воображеніе. Французы сіе называютъ l' image. напр.

Сквозь страхи проходя познесъ свою страну. также
Но промыслъ въ глубину десницу простираетъ,
Окопы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ.

Въ премѣненіи образованій потребна крайняя осторожность, и переводчикъ долженъ знать свойство обоихъ языковъ, что бы не поставить хуждьшаго. Точно тоже значащія слова въ сіе разсужденіе не входятъ. Напр. вмѣсто

Отхуду пронстекъ Латиновъ родъ преславный
Албанскіе цари и Римъ позникъ державный,

хотя преложить

Отхуду славный родъ Латиновъ происходитъ
Цари Албански, Римъ, что верьхъ свой толь возводитъ,

разумѣемой нами перемѣны не будетъ.

далъ подъ игомъ золъ , не теряя важности Виргиліевой мысли. Что до прибавленій , оныя безбоязненно употреблять можно , 1) когда служатъ къ дѣлу , 2) сильнѣе выражаютъ Виргиліевы мысли , 3) утверждаются на другомъ какомъ либо сходномъ мѣстѣ въ Виргиліи , или въ другомъ важномъ Латинскомъ стихотворцѣ туже мысль изображающемъ , напр.

Несется по волнамъ *въ влагалищѣ богатомъ*
Сребролюбиваго стяжаніе царя.

косыми буквами напечатанныхъ словъ въ Виргиліи нѣтъ ; но понеже въ самой вещи стяжаніе Пигмаліона заключено было во влагалищахъ , оныя слова въ семъ мѣстѣ имѣютъ свое приличіе. Такъ же слѣдующіе два стиха

Ni faciat , maria et terras , caelumque profundum
Quippe ferant rapidi secum , verrantque per auras.

отъ слова до слова : *ежели бы онъ сего не дѣлалъ , (не смирялъ ихъ) то бы стремительные вѣтры , моря , земли и отдаленнѣйшее небо посхитили съ собою , и потлекли по воздуху* , хотя и переведены въ шести строкахъ :

Когда бы не смирялъ онъ ихъ по вся минуты ,
Напрягшибъ мощь свою сіи творенья люты
И рѣки и моря , и горы и лѣса ,
Всю тяготу земли́ , и дальны небеса
Восторгнувъ , повлекли по воздуху съ собою ,
Непостижимою стремяся быстротою.

Но понеже сіе учинено для того , что бы живяе изобразить мысли писателя , такая вольность не можетъ быть предосудительна. И въ слѣдующемъ стихѣ

Подъ оными внизу понтъ , чистый какъ лазурь ,
Стоитъ неколебимъ , не зная страшныхъ бурь.

сего подобія , *какъ чистый лазурь* , также въ Виргиліи не находится ; но оно не дѣлаетъ пустаго расширенія его

мыслей ,

мыслей, потому что Латинскіе стихотворцы не рѣдко называютъ море *лазоретымъ*, и Виргилій въ 3 пѣсни говоритъ *caerula verrunt.* По сему читая оныя слова всякъ можетъ догадаться, что подъ вершиною горъ вода стоитъ неколебима на подобіе помоста сдѣланнаго изъ чистаго лазуря. Но въ разсужденіи сихъ прибавленій надлежитъ имѣть великую предосторожность. Во всякомъ славномъ писателѣ, а особливо въ Виргиліи встрѣчаются такія мѣста, кои никакого отнюдъ излишнаго слова не терпятъ, напр.

En Priamus ! ſunt hic etiam ſua premia laudi,
Sunt lacrymae rerum, et mentem mortalia tangunt.

прелож: Се нашъ Пріамъ! и здѣсь добротамъ должна честь,
И сострадательство къ нещастьямъ смертныхъ есть.

Здѣсь чѣмъ больше вложишь словъ между *се* и *Пріамъ*, тѣмъ больше ослабишь стремленіе Виргиліева слога. Слово *нашъ* потому оное ослабляетъ, что Еней смотря на картину говоритъ къ стоящему близъ себя Ахату объ извѣстной обоимъ имъ особѣ. За рѣченіемъ *Пріамъ* поставь хотя одно противъ подлинника излишнее слово, опять отнимешь силу Виргиліевой мысли; потому что Еней послѣ *се Пріамъ* помавая главою, и устроевая лице къ жалости спѣшитъ выговорить *и здѣсь добротамъ должна честь* и проч. Огороди словами всего Пріама, онъ вовсе будетъ не видѣнъ. Убавлять можно такія слова, которыя или тоже значатъ, что и другія подлѣ нихъ стоящія, или приложены отъ Виргилія для дополненія стиха, или въ другихъ словахъ удобно могутъ доразумѣваться. напр.

Italiam ——— Lauinaque venit
Littora.

Достигъ Италіи и Лавинскихъ бреговъ.

Латинскіе брега понеже тожъ значатъ, что *Италія*, того ради сіи два рѣченія при переводѣ опустить не токмо можно, но и должно. Подобнымъ образомъ въ сихъ стихахъ

Vina bonus quae deinde cadis onerarat Aceſtes
Littore Trinacrio, dederatque abeuntibus heros,

видно, что слово *heros* Виргиліемъ приложено для дополненія стиха; по чему и переведено:

И виногдрадный сокъ (дѣлитъ) даръ щедраго Ацеста,
Чѣмъ сей снабдилъ Троянъ во время ихъ отъѣзда.

Но хотя бы преложить безъ прилагательнаго *щедрый*, и вовсе оставить другую строку *чѣмъ сей* и проч. то бы и тогда не были нарушены Виргиліевы мысли: Ацеста слово *даръ* дѣлало бы щедрымъ, а оба вмѣстѣ рѣченія *даръ Ацеста* довлѣли бы доразумить читателя, что виноградное вино взято въ Сициліи, гдѣ Ацестъ княжилъ. Однако читателя, безъ важной причины, не надлежитъ утруждать доразумѣніями; и сіе предлагаю я точію для показанія способа, какому можно въ преложеніи Виргилія послѣдовать. Вообще, въ исключеніи словъ потребна не меньшая осторожность, какъ и въ прибавленіи, тѣмъ наипаче, что Виргилій иногда однимъ рѣченіемъ много витійствуетъ. напр.

Aut ſpumantis apri curſum clamore ſecutae

Хотя Латинскіе стихотворцы не рѣдко съ существительнымъ *векрь* соединяютъ прилагательное *пѣну точащій*, и индѣ можетъ оно изключено быть безъ урону красоты Латинскаго слова, но понеже здѣсь говоритъ Виргилій объ испуганномъ вепрѣ, который бѣжитъ отъ ловительницы запыхаясь, и изъ отверстаго рта испускаетъ пѣну, въ такомъ случаѣ оставить сіе прилагательное была бы непростительная погрѣшность. Сверьхъ употребляемыхъ съ разсужденіемъ вольностей, вящшая трудность и неминуемый

мый долгѣ состоитѣ вѣ томѣ , что бы сберечь долготу Виргиліева духа , свойство общее Епическихѣ стихотворцовѣ. Напр. вѣ сей первой пѣсни , гдѣ говоритѣ кѣ Дидонѣ восхищенный радостію Еней ,

О ты , что двигнулась жалѣніемѣ и проч.

совершенный смыслѣ кончится уже на десятой строкѣ. Естьли разсѣчь вѣ мѣлкіе періоды , сіи у Виргилія однимѣ духомѣ текущія строки , погибнетѣ вся красота его мыслей. Сіе особливо наблюдать должно вѣ тѣхѣ мѣстахѣ , гдѣ Виргилій приводитѣ какое либо страстію волнуемое лице , или дѣлаетѣ живое изображеніе вещи. Напр. не разрывая смыслу говоритѣ онѣ о пораженномѣ отѣ Ахиллеса Троилѣ

Parte alia fugiens amiſſis Troilus armis
Infelix puer atque impar congreſſus Achilli,
Fertur equis, curruque haeret reſupinus inani
Lora tenens tamen ; huic ceruixque comaeque trahuntur
Per terram , et verſa puluis inſcribitur haſta.

перевед : Обезоруженный тамѣ начертанѣ Троилѣ
Младый нещастный князь , боецѣ неравныхѣ силѣ
Противѣ раженія Ахилловой десницы ,
Влекомѣ коньми , и взничь повисшій сѣ колесницы ,
Сѣ вожжми вѣ рукахѣ ; власы влачатся по земли ;
Пробивше грудь копье черту ведетѣ вѣ пыли.

Начни разрѣшать вѣ мѣлкіе періоды сіе шестистрочіе , напр. слѣдующимѣ образомѣ :

Обезоруженный тамѣ начертанѣ Троилѣ.
Сей князь для младости еще не вѣ силахѣ былѣ
Удары отражать Ахилловой десницы.
Онѣ былѣ влекомѣ коньми и проч.

чувствительно ослабѣваетѣ сила Виргиліева слога. При всемѣ томѣ надлежитѣ кѣ чести Виргилія признаться, что какое

бы ни употреблено было раченіе съ стороны переводчика, подлинникъ всегда останется несравненно превосходнѣе. Кто можетъ прибрать не токмо рѣченія, но и самыя буквы у Виргилія звономъ своимъ точно соотвѣтствующія дѣйствію имъ изображаемой вещи? Напр.

——— at ipsam ter fluctus ibidem
Torquet agens circum, et rapido *vor*at aeq*uore vor*tex.

Здѣсь, сверьхъ пристойныхъ рѣченій изображающихъ всѣ подробности поглощаемаго морскою хлябію или водоворотомъ корабля, послѣднія три слова съ повторяемыми въ нихъ тремя одинакими слогами, кои отличены косыми буквами, для скораго выговора, звономъ своимъ точно сходствуютъ съ шумливостью жерла, все что ни попадетъ, мгновенно въ себя пожирающаго. Но таковыя красоты на Россійскомъ языкѣ и на всякомъ другомъ, не токмо не изобразимы; онѣ и ощутительны одному, такъ сказать, Латинскому слуху. По чему такое совершенство перевода, что бы оный казался вольнымъ и непринужденнымъ сочиненіемъ на отечественномъ языкѣ, въ разсужденіи Виргиліевой поемы, паче желательно, нежели возможно. И хотя то справедливо, что великость начинанія не оправдаетъ нашей неуспѣшности въ ономъ, но въ настоящемъ предпріятіи благородныя сердца недостатокъ силъ должны простить усердію къ пользѣ. Виргиліевъ громкій и парящій слогъ, щаніе уберечь долготу его духа, и изящность выраженій не нарушая свойствъ природнаго языка, краткость Латинскаго слова, въ нѣкоторыхъ Россійскихъ рѣченіяхъ, кои въ прочемъ сильно вещь выражаютъ, излишность слоговъ, въ иныхъ недостатокъ, и самые риѳмы дѣлаютъ такое затрудненіе, что переводчикъ принужденъ иногда допустить малую нелѣпость, что бы отвратить бо́льшую, и не меньше совѣтоваться съ чувствительностію сердца, какъ и съ разумомъ;

зумомъ; не упоминая о безпрерывномъ чтеніи Гомера, который одинъ можетъ быть больше всѣхъ толкователей къ выразумѣнію Виргилія споспѣшествуетъ. Признаюсь чистосердечно, что я отнюдъ бы не осмѣлился приступить къ сему труду, ежели бы мнѣ нѣкоторой къ успѣху надежды не подавало Славенороссійскаго языка богатство и сила. Въ прочемъ, сколь я ни слабъ для толь важнаго упражненія, веселитъ меня онаго неповинность. Трудъ мой никому не обидѣнъ. Лежитъ Виргилій на срединѣ, и сладостію своего витійства молодые умы къ себѣ привлекаетъ; кто хочетъ, пускай испытаетъ въ немъ свои силы. И мнѣ кажется, тѣ, которые желаютъ свѣту доказать свои въ наукахъ успѣхи, больше бы сдѣлали и обществу пользы и самимъ себѣ чести, ежели бы въ таковыхъ или подобныхъ симъ благородныхъ трудахъ упражнялись; вмѣсто того, что они, принимая на себя ненавистной долгъ нескромныхъ сатириковъ, учатся нападать на всѣхъ безъ разбору, что бы со временемъ притти въ мѣру возраста прямыхъ * Алжирцовъ, которые отнюдъ не терпятъ, что бы тотъ на морѣ ученія явился, кто съ ними не въ союзѣ. То ли плодъ просвѣщенныхъ науками мыслей напоенные ядомъ лоскутки бумаги,

)( )( )(которые

(*) Волтеръ малой руки критиковъ, которые цѣпляются за слова, называетъ челядинцами, кои въ ученомъ обществѣ навозъ роютъ. Клерикъ *въ наукѣ о критикѣ* большихъ озорниковъ, кои съ остервѣненіемъ пишутъ противъ другаго, сравниваетъ съ ловчими рогатиною прободающими звѣря. Всего приличнѣе сихъ послѣднихъ уподобить Янычарамъ, кои прошлаго лѣта съ великимъ остервѣненіемъ нападали на Россовъ, но бѣдные! сколь безуспѣшно, свѣтъ видѣлъ, и впредь еще больше увидитъ. Въ самомъ дѣлѣ, что бы осквернить перо свое подлостьми свойственными злому сердцу, недостойными нынѣшняго вѣка, надобно напередъ нѣсколько времени побыть въ училищѣ Магомеда, въ казармѣ Янычаровъ.

которые мы во вредъ ближняго по свѣту разсѣваемъ? То ли потребной къ * критикѣ запасъ злость перо и чернилы? Когда Воссій и Гроновій, именитые въ ученомъ обществѣ герои, и славный Лудовикова вѣка Сатирикъ Боало понесли хулу отъ просвѣщенныхъ потомковъ за то, что въ сочиненіяхъ своихъ недостойную учености своея желчь изъявили: что сказать о нашихъ новоявленныхъ критикахъ, которые, будучи велики въ одной только ватагѣ своихъ знакомцовъ и пріятелей, судятъ и рядятъ всѣ дѣла по своему произволенію, и лавроноснымъ стихотворцамъ назначаютъ мѣста, гдѣ кому быть, съ чрезвычайнымъ повелительствомъ, какъ снабдѣнные на сіе жалованною отъ Аполлона грамотою Ценсоры. Нещастны бы были истинные наукъ подвижники, когда бы, по смерти ихъ, честь ихъ зависѣла отъ пера недозрѣлыхъ умовъ, которые только что вольными по́черками по бумагѣ роскошствуютъ! Нещастны разума человѣческаго дарованія, когда мы при жизни своей долженствуемъ оныя употреблять, яко на главный предлогъ нашихъ стараній, на отраженіе злобы, и рушеніе клеветъ, кои противу неповинности умышляетъ зависть! Что до меня, видя безполезное сихъ удальцовъ повредить мнѣ покушеніе, сердечно сожалѣю, что они употребляютъ на зло свои таланты и драгоцѣнную вольность дарованную умамъ ** отъ ЕКАТЕРИНЫ Премудрой. Подаваемое мнѣ отъ высокихъ и просвѣщенныхъ особъ ободреніе, въ сердцѣ моемъ всегда сильнѣе будетъ дѣйствовать тѣхъ укоризнъ, какія обыкновенно праздныя головы противъ другихъ выдумываютъ. Одинъ сѣдинами и премудростію украшенный мужъ, котораго я наставленіямъ много долженъ, усмо-

(*) О надобности, свойствахъ и пользѣ здравой критики показано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

(**) Наказъ *глав.* 20. *стат.* 484.

усмотрѣвъ сочиненныя на меня отъ сихъ безъимянныхъ рыцарей ругательныя письма, не оставилъ при семъ случаѣ сдѣлать мнѣ увѣщаніе, которое я, съ позволенія, сообщу здѣсь читателямъ. „Тебя ругаютъ, пишетъ онъ, не дивись: „ таковые варвары оскорбляющіе неповинное трудолюбіе во „ всѣхъ вѣкахъ бывали. Имъ обыкновенная казнь презрѣніе. „ Худо тотъ разумѣетъ честь, кто съ ними вступаетъ „ въ поединки. Ибо, сверьхъ того что раздраженная злость „ больше проливаетъ яду, въ такихъ сварахъ достоинство „ разума человѣческаго страждетъ. Сбери свои силы; тебѣ „ предлежитъ вышшій подвигъ. Принялъ * ты на себя „ бремя тяжчае Аѳинъ и Кратиппа, имянитое въ цѣломъ „ свѣтѣ Наукъ святилище и Великую ЕКАТЕРИНУ. Стыдись, имѣя все отъ Нея, самъ себя оставить. Уступи „ врагамъ твоимъ ученость; Она слабыя твои дарованія „ возвыситъ. Прилѣжи къ наукамъ: мала ли награда трудовъ твоихъ, слабо ли побужденіе, похвала тѣхъ устъ, „ которыми вѣщаетъ премудрость, воззрѣніе очей, кои „ проливаютъ радость, та десница, кою ты лобызаешь, „ тотъ щитъ, которымъ Минерва тебя покрываетъ? и „ проч. Спасительное наставленіе! признаю съ глубочайшимъ смиреніемъ мое щастіе. Ибо, когда Платонъ радовался, что ему случилось при Сократовой жизни родиться, коль справедливѣйшую я имѣю причину радоваться, и отъ всея души благодарить Небу, что я не токмо рожденъ во дни Великія ЕКАТЕРИНЫ, правотою сердца Сократа превосходящей, но еще, куда надежда и желанія мои отнюдъ простираться не смѣли, будучи принятъ подъ вожделеннѣйшую тѣнь Матерняго Ея покровительства,

 удостоенъ

(*) Такъ увѣщавалъ Цицеронъ своего сына: *Принялъ ты на себя не легкое бремя Аѳины и Кратиппа, смотри, чтобъ тебѣ имѣющему все отъ меня самого себя неоставить.*

удостоенъ въ близости созерцать тѣ добродѣтели, которыя далечайшіе свѣта концы удивляютъ. Т. Ливій не преминулъ въ своей исторіи вмѣстить, что Августъ, водя его по архивѣ, имѣлъ снисхожденіе удостовѣрять его самъ о истиннѣ нѣкоторыхъ дѣяній, назнаменуя чрезъ то особливое сего Монарха къ наукамъ благоволеніе; въ какой книгѣ сообщу я потомству неусыпающую Великія ЕКАТЕРИНЫ къ познанію ревность, искреннѣйшее ко всѣмъ наукамъ любленіе и покровительство? Гдѣ изображу Ее, отъ среды древнихъ и новыхъ мудрецовъ, которыми Она по удовлетвореніи Монаршему долгу сѣдитъ окруженна, ко мнѣ свѣтъ лица обращающу, и освященнымъ перстомъ указующу мнѣ свитки, въ которыхъ достопамятныя славныхъ нашихъ праотцовъ дѣянія начертáнны? Когда сердце мое отрыгнетъ слово Царицѣ Матери, и возвѣститъ свѣту тѣ истинны, которыя философствующая въ уединеніи Монархиня произноситъ? Щастливъ, ежели бы я въ самомъ дѣлѣ хотя малою частію возмогъ соотвѣтствовать сладчайшему Ея гласу меня ободряющему. Сей самый Виргилій, слабый плодъ моея прилѣжности, исходитъ въ свѣтъ не стыдяся своихъ недостатковъ, когда любящая Маронову Музу Монархиня, удостоивъ оную неоднократнаго вниманія въ некрасныхъ стихахъ своего питомца, боязливость его разрѣшила. Я въ началѣ труда оными стихами,

Non iniuſſa cano. etc.
A te principium, tibi deſinet, accipe caeptis
Carmina iuſſa tuis.

которые Виргилій прилагаетъ къ Августу, имѣю множайшія и справедливѣйшія причины воззвать къ покрывающей меня Монархинѣ:

Ты пѣти мнѣ велишь, Владычица сердецъ!
Тебѣ моихъ трудовъ начало и конецъ.

)o(

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

СОКРАЩЕНІЕ.

По разореніи Трои, Еней, въ седьмое лѣто своего странствованія, изъ Сициліи въ Италію плывя по Тирренскому морю претерпѣваетъ ужасную бурю, отъ Еола, царя вѣтровъ, по прошенію Юноны насланную. По укротѣніи оной пристаетъ къ Ливійскому брегу. Изшедъ на сушу поражаетъ стрѣлами седмь превеликихъ еленей, изъ коихъ по одному на каждой корабль раздѣляя, унывающихъ сопутниковъ къ понесенію оставшихся трудностей ободряетъ надеждою будущаго покоя. Между тѣмъ Венера объ Енеѣ своемъ и Троянахъ ходатайствуя предъ Юпитеромъ, всѣхъ оныхъ бѣдствій вину возлагаетъ на Юнону. Юпитеръ, открывая порядокъ судебъ, прискорбную дщерь утѣшаетъ обѣтованіемъ щастливаго Енеева потомства и могущества Римлянъ. Симъ утвержденная Венера встрѣчается съ Енеемъ на пути; возвѣщаетъ ему разсыланныхъ кораблей благополучной возвратъ въ пристанище, показуя недалеко отстоящій Карѳагенъ, который въ то время въ Африкѣ основала Дидона. Еней, чудотвореніемъ своей матери, округлымъ облакомъ покровенный, съ Ахатомъ вшедъ въ Карѳагенъ, и сопутниковъ своихъ невредимыхъ обрѣтши, удостоевается благосклон-

 наго

наго прїема отъ Дидоны. Но Венера, для лучшей безопасности своего сына, усыпивъ Асканїя въ Идалїйскихъ рощахъ, по образу его посылаетъ въ Карѳагенъ Купидона, который Царицѣ, среди объятїй и лобызанїй ея тайно вдыхаетъ любовную страсть ко Енею.

Пою оружїй звукъ и подвиги Героя,
Что первый, какъ легла вся въ прахъ отъ Грековъ Троя,
Судьбой гонимъ достигъ Италїи бреговъ;
Страдалъ подъ игомъ золъ, средь суши и валовъ,
Насланнымъ отъ руки злопамятной Юноны;
Въ кровавыхъ браняхъ несъ тяжчайшїе уроны;
Когда въ Италїи градъ новый возводилъ,
Въ Латинскую страну боговъ своихъ вносилъ;
Откуду происшекъ Латиновъ родъ преславный,
Албанскїе Цари, и Римъ возникъ державный.
Повѣждь, о Муза, мнѣ, чѣмъ сильно божество
На толь неслыханно подвиглось суровство;
Повѣждь, за что боговъ Царица негодуя,
Послушника боговъ золъ бурею волнуя,
Неизглаголаннымъ подвергнула трудамъ?
Толь тяжкїй сроденъ ли гнѣвъ щедрымъ небесамъ!
Противъ Италїи, гдѣ Тибръ лилъ въ море воды,
Вдали, отъ Тирянъ градъ воздвигнутъ въ древни годы,
Богат-

---

8) *Въ Латинскую страну. Латинская страна*, или *Латїй* есть часть Италїи, простирающаяся отъ Тибра даже до Вултурны, названа такъ отъ Латинскаго слова *lateo*, *скрываюсь*, потому что Сатурнъ согнанный съ неба Юпитеромъ, скрылся въ сей странѣ у царя Януса. Но подъ именемъ *Латїя* у Виргилїя почти вездѣ цѣлая Италїя разумѣется.

Богатствомъ славенъ былъ и браньми Карѳагенъ,
Юноной всѣмъ странамъ, и Саму предпочтенъ;
Въ немъ скиптръ ея, въ немъ щитъ хранился съ колесницей:
Она намѣрила вселенныя столицей
Сей градъ произвести, коль есть на то предѣлъ;
Подъ особливымъ онъ ея покровомъ цвѣлъ.
Но предувѣдавъ, что вождей Троянскихъ племя
Окружность стѣнъ его въ свое разсыплетъ время;
Владѣтельный народъ, величествомъ побѣдъ
Гордящійся, мечемъ всю Африку пожретъ;
Что строятъ то Судьбы; такихъ ждать должно слѣдствій:
Боялась таковыхъ своимъ грядущихъ бѣдствій.
Еще Троянска брань въ умѣ ея была,
Что за любимыхъ ей Аргивцовъ начала;
Еще кипѣлъ въ ней гнѣвъ; скрытъ въ сердцѣ судъ Парида,
И красоты лица презрѣнныя обида,

---

19) *Карѳагенъ*, чрезъ долгое время въ славѣ Риму ревнитель, былъ наконецъ разрушенъ Сципіономъ въ лѣто Рима 608. Виргилій открываетъ театръ симъ приключеніемъ, яко единымъ изъ главныхъ источниковъ величности Римской.

20) *Самъ*, или *Самосъ* островъ на Егейскомъ морѣ, гдѣ возрасла Юнона, и бракомъ сочеталась съ Юпитеромъ.

23) *Коль есть на то предѣлъ. Коль* вмѣсто *когда*, *естьли*, *ежели*; *чтобъ* вмѣсто *да*, *дабы*, хотя кажется ниско для поемы, но краткость Латинскаго языка принуждаетъ прибѣгать къ такимъ сокращеніямъ; и они стерпимы, естьли только употреблены для сбереженія другихъ вышшихъ красотъ Латинскаго слова.

29) *Что строятъ то Судьбы.* на Латинскомъ: *что такъ опредѣляютъ Парки.* Парки три дочери Ереба и Ночи, по имянамъ *Клоѳа*, *Лахеза*, *Атропа*: Каждая изъ нихъ имѣетъ по кудели, и прядетъ нити человѣческой жизни.

32) *Аргивцами* называются Греки по городу Аргосу въ Греціи.

33) *Скрытъ въ сердцѣ судъ Парида* и проч. *Паридъ*, онъ же и *Александръ*, сынъ Пріамовъ, избранъ былъ отъ боговъ

И ненавистный родъ, и Ганимедовъ санъ,
Кой въ честь служить богамъ пирующимъ избранъ;
И тако воспылавъ, Троянъ сонмъ беззащитный,
Что Греки и Ахиллъ убивствомъ ненасытный,
Оставили въ живыхъ, носимыхъ по волнамъ
Недопускала злясь къ Латинскимъ берегамъ;
Они покорствуя гонящей ихъ судьбинѣ
Обуревалися отъ многихъ лѣтъ въ пучинѣ.
Толь тягостенъ былъ трудъ начало Риму дать!
Трояне изъ очей лишь начали терять
Сицильскихъ горъ верьхи; едва, принявъ отвагу,
Пустились въ глубь, морску судами роя влагу:
Юнона вѣчную, ея что сердце жгла,
Питая рану внутрь, сама въ себѣ рекла:
„ Мнѣль какъ посрамленой безъ дѣйства умыслъ кинуть?
„ Енея мнѣль отъ странъ Латинскихъ не отринуть?

„ Да!

рѣшить прю о преимуществѣ красоты, между Юноною, Палладою и Венерою произшедшую по причинѣ золотаго яблока, которое богиня Несогласіе бросила въ средину пирующихъ на бракѣ Пелеевомъ съ надписью: *дать прекраснѣйшей.* *Паридъ* присудилъ оное Венерѣ. *Примѣч.* Виргилій исчисленіемъ причинъ Юнонина гнѣва, и повтореніемъ частицы *и* возвышаетъ слово.

35) *И ненавистный родъ.* Родъ Троянъ ненавистенъ былъ Юнонѣ, яко произшедшій отъ Дардана рожденнаго Юпитеромъ отъ Електры дочери Атлантовой. *И Ганимедовъ санъ.* Виргилій изображаетъ съ вящшею красотою: *и честь похищеннаго Ганимеда*; такъ какъ и оныя слова: *Троянъ сонмъ беззащитный, что Греки* и проч. онъ выражаетъ: *Троянъ* плачевный *остатокъ отъ Грековъ и безчеловѣчнаго Ахиллеса.* Но такія красоты въ стихахъ не вездѣ вмѣстимы. *Ганимедъ*, Троевъ сынъ, Юпитеромъ преображеннымъ въ орла восхищенъ на небо, и на мѣсто Гевы, дочери Юнониной, приставленъ служить при столѣ пирующихъ боговъ.

43) *Толь тягостенъ* и проч. Сей стихъ у Виргилія столь громокъ, что едва можно прибрать равносильныя оному слова на Россійскомъ языкѣ.

„ Да ! рокъ мнѣ въ томъ претитъ. Но какъ ! Паллада сжечь
„ Могла флотъ Грековъ , имъ и бѣгъ и духъ пресѣчь ,
„ Мстя винность , въ кою впалъ единъ лишь Аяксъ страсный !
„ Она изъ облаковъ бросала громъ ужасный ;
„ Рассыпала суда , понтъ вѣтромъ возмутивъ ,
„ И вихря силою Аякса подхвативъ
„ Низвергнула стремглавъ на острой въ морѣ камень ;
„ Его пронзенна сквозь грудь изрыгала пламень :
„ Я будучи богинь Царица и боговъ ,
„ Супруга и сестра Метателя громовъ,
„ Съ однимъ народомъ я толико лѣтъ воюю !
„ Отнынь кто будетъ чтить богиню таковую ?
„ Кто станетъ впредь мольбы къ Юнонѣ возсылать ,
„ На олтари ея тукъ жертвенъ возлагать ?
Богиня такъ въ себѣ вѣщающа со гнѣвомъ
Пустилась во страну ужасну вихрей ревомъ ;
Гдѣ Еолъ звучныхъ бурь и рвущихся вѣтровъ ,
Подземныхъ внутрь пещеръ , жметъ крѣпостью оковъ.
Они со трескомъ горъ , пустыхъ внизу вертеповъ ,
Неукротимые шумятъ вокругъ заклеповъ ;
Самъ Еолъ съ скипетромъ поверьхъ горы сѣдитъ ,
Дыханїй бурныхъ гнѣвъ и рвенїе кротитъ.

51) *Да ! рокъ мнѣ въ томъ претитъ.* Сїе произноситъ Юнона съ язвительною усмѣшкою.

53) *Аяксъ* Оилеевъ сынъ , Князь Локрской , по взятїи Трои , въ самомъ храмѣ Паллады растлилъ Кассандру Прїамову дочь , почтенную отъ боговъ даромъ пророчества.

58) *Сквозь* въ семъ мѣстѣ есть нарѣчїе, не предлогъ.

66) *Пустилась во страну ужасну вихрей ревомъ.* Виргилїй называетъ оную *отечествомъ вѣтровъ* , *Еолїею.* Подъ симъ именемъ разумѣются седмь острововъ лежащїе между Италїею и Сицилїею, изъ которыхъ въ одномъ царствовалъ Еолъ Гиппотовъ сынъ , прославившїйся искусствомъ въ предвѣщанїи погодъ , и потому названный царемъ вѣтровъ.

Когда бы не смирялъ онъ ихъ по вся минуты,
Напрягшибъ мощь свою сіи творенья люты
И рѣки и моря, и горы и лѣса,
Всю тяготу земли, и дальны небеса
Восторгнувъ, повлекли по воздуху съ собою,
Непостижимою стремяся быстротою.
То упреждая Зевсъ во таракъ пещеръ ихъ скрылъ,
И сверьху тяжестью холмовъ обременилъ;
Царя поставилъ, чтобъ извѣстные законы
Храня, ихъ жалъ, и бѣгъ давалъ имъ безъ препоны.
Къ сему державцу бурь едва могла притечь
Юнона жалобну уже возноситъ рѣчь:
„Еолъ, которому Зевесъ далъ всемогущій
„Власть волны воздымать, и усмирять ревущи!
„Враждебный мнѣ народъ, межь Тусскихъ мчась валовъ,
„Преноситъ Иліонъ во Лацій и боговъ.
„Ты бурю устремивъ пожри суда волнами;
„Или разсыпь всѣ врозь, и понтъ покрой пловцами.
„Четырнатцать я Нимфъ имѣю у себя,
„Изъ нихъ всѣхъ лучшею одной дарю тебя;
„Чтобъ, въ награжденіе твоей ко мнѣ заслуги,
„Ты наслаждался сей объятіемъ супруги,
„Чтобъ Деіопея весь съ тобою вѣкъ жила;
„Тебѣбъ, Еолъ, дитя прекрасно родила.
„Еолъ ей вопреки: тебѣ, богиня, можно
„Открыть мнѣ мысль; мой долгъ все дѣлать неотложно;
„Тобой я царь, тобой скиптродержавный богъ,
„Юпитеру любимъ, во оный вхожь чертогъ,
„Гдѣ съ небожительми въ веселіи пирую;
„Тобой надъ бурями, дождями торжествую.

То

---

87) *Тусскіе валы*, то есть, Тосканское море.

То рекши скипетромъ ударилъ въ бокъ холма;
Проломомъ вѣтры тѣмъ, безчисленная тьма,
Одни другихъ тѣсня, на воздухъ вылетаютъ,
И вихрями земный прахъ къ небу возметаютъ;
Евръ, Нотъ, и бурь отецъ, что градъ съ дождями льетъ,
Налегши купно всѣ на водъ морскихъ хребетъ
Взмущаютъ тѣ, до дна глубока проницая;
Ревутъ громады волнъ во бреги ударяя;
Кричатъ гребцы, судовъ орудія скрыпятъ;
Вдругъ небо мракомъ тучь и дневный свѣтъ отъятъ
Отъ зрѣнія пловцевъ; тьма море покрываетъ;
Бьетъ въ слухи громъ, Перунъ по воздуху сверкаетъ;
Отвсюду явна смерть пловущимъ настоитъ;
Ужь буря и въ самомъ Енеѣ кровь хладитъ.
Онъ съ воздыханіемъ взнося на небо длани,
„О треблаженны вы, вѣщаетъ, что на брани,
„Въ очахъ отцовъ, подъ стѣнъ Троянскихъ высотой,
„Съ геройской славою животъ скончали свой!
„О сынъ Тидеевъ! яль во время битвы жару
„Отъ нанесеннаго рукой твоей удару
„Не могъ извергнуть духъ, и въ Иліонѣ лечь,
„Гдѣ Гектора повергъ ницъ Ахиллесовъ мечь,
„Гдѣ посреди другихъ легъ Сарпедонъ великій,
„Гдѣ Симоентъ костры восхитивши толики
„Геройскихъ тѣлъ, щитовъ, и шлемовъ, и броней,
„Свирѣпый, мчитъ крутя подъ быстриной своей!

Гласящу

107) *Евръ* восточной, *Нотъ* полуденной, *бурь отецъ* Африкъ Южнозападной вѣтръ

121) *Тидеевъ сынъ* Діомидъ, предводитель Аргивцовъ, на сраженіи при Троѣ ранилъ Енея въ бедру, и едва не умертвилъ.

125) *Сарпедонъ* Юпитеровъ сынъ отъ Лаодаміи, Ликійскій царь, поборавшій Пріаму противу Грековъ, убитъ отъ Патрокла. *Примѣч.* Виргилій повтореніемъ *гдѣ* придаетъ стремленіе слову.

Гласящу то ему, съ ужаснымъ буря стономъ,
Бьетъ въ парусы спреди взмущенна Аквилономъ;
Вздымаетъ понтъ къ звѣздамъ; всѣ весла въ дробь крушитъ;
Стремленїемъ своимъ корабль назадъ вратитъ:
Подверженъ бокъ его набѣгу волнъ жестокихъ;
Вдругъ валъ крутой летитъ, какъ горъ хребетъ высокихъ;
Тѣ вздернуты на верьхъ; другїе зрятъ на днѣ
Кипящїй илъ, песокъ, въ разверстой глубинѣ.
Югъ взнявъ три судна мчитъ на камни потаенны,
На водѣ поверьхности хребтомъ вдоль протяженны;
Три Евръ, (позорище приводитъ въ ужасъ духъ!)
Ударивши объ мѣль, пескомъ обноситъ вкругъ.
Въ корабль, что Ликянъ везъ и вѣрнаго Оронта,
Въ виду Енеевомъ, бунтующаго понта
Ударивъ сопреди кормы достигнулъ валъ;
Сраженный кормчїй тѣмъ стремглавъ въ пучину палъ.

Тамъ

---

130) *Аквилонъ* онъ же и Борей сѣверной вѣтръ.

138) *На водѣ поверьхности* и проч. Можно бы было преложить: *на оны олтари поверьхъ водъ протяженны.* Въ подлинникѣ стоитъ: *Нотъ подхвативъ три корабля несетъ на потаенные камни (камни, оные лежащїе посреди моря отъ Италїанцовъ такъ называемые олтари, оный безмѣрно великїй хребетъ на поверьхности водъ).* Карлъ Руей, ученой Езуитъ, изъ Сервїя и Помпонїя Сабинскаго доказываетъ, что подъ именемъ *Олтарей* разумѣть должно Егатскїе острова лежащїе между Африкою и Сицилїею и окруженные потаенными камнями, при которыхъ на морскомъ сраженїи побѣждены Карѳагенцы Консуломъ К. Лутацїемъ Катуломъ въ лѣто Рима 512, и по заключенїи мира благополучно окончана перьвая Пуническая война, на такомъ договорѣ, что бы всѣмъ между Африкою и Италїею островамъ остаться за Римомъ. По чему оные *камни* или *каменистыя горы*, по объявленїю Сервїя, и отъ Сисены древняго Историка, котораго сочиненїя утрачены, названы *милостивыми олтарями.*

Тамъ бездна жретъ корабль въ вихрь трижды закрученный;
Не многи тщатся вплавь спастися утомленны;
Оружїе пловцевъ, сокровища Троянъ,
Разбитыхъ снасть судовъ устлали Океянъ;
Уже преодолѣнъ насилїемъ Борея
Корабль, которой несъ полки Илїонея,
Ужъ грязнетъ судно то, въ чемъ храбрый плылъ Ахатъ,
Въ чемъ былъ везенъ Алетъ, и въ коемъ мченъ Аватъ;
Всѣ вержетъ корабли, всѣ рушитъ понтъ свирѣпый;
Въ разщелья волны бьютъ, трещатъ желѣзны скрѣпы.

Межъ тѣмъ ревъ моря, бѣгъ шумливыхъ непогодъ,
Клубящеся зыбьми дно взмущенныхъ водъ
Съ негодованїемъ владѣтель моря внемля,
И промыслъ свой Нептунъ надъ онымъ воспрїемля,
Возникнулъ кроткою главою изъ подъ водъ;
Узрѣвъ, что по волнамъ разбитъ Енеевъ флотъ,
И тучи на Троянъ обрушились громовы,
Позналъ сестры своей Юноны гнѣвъ и ковы;
Велитъ, чтобъ предъ него съ Бореемъ Евръ предсталъ;
Представшимъ гнѣвными устами такъ вѣщалъ:
„Толикаль, вѣтры, въ васъ породъ своихъ кичливость
„Ужь власть мою презрѣвъ вы чрезъ свою бурливость
„Хотите межь собой стихїи всѣ смѣсить,
„Толь страшны горы волнъ дерзаете взносить!
„Я васъ . . . . Но напередъ пусть море успокою.
„Отнюдъ прощенїя васъ впредь не удостою;
„Направьтесь въ бѣгъ скоряй, и вашему царю
„Скажите: онъ вотще со мною держитъ прю;

145) *Тамъ бездна жретъ* и проч. у Виргилїя прибраны такїя слова, которыя весьма живо изображаютъ поглощенїе корабля крутящимися на подобїе вихря волнами или хлябїю.

„Владычество морей, и сей трезубецъ грозный
„Мой жребiй, не его; державства наши розны;
„Онъ надъ твердыней царь камнистыхъ тяжкихъ горъ,
„Жилищь, Евръ, вашихъ, гдѣ у васъ не молчный споръ;
„Пусть въ томъ дворцѣ гремитъ величiе Еола;
„Средь вашихъ пусть темницѣ сѣдитъ поверьхъ престола.
Едва скончалъ слова, прогнавши густость тучь,
Кропитъ надменность волнъ, возводитъ солнца лучь;
Нерейда, и его предтеча громогласный,
Усильствуютъ сопхнуть съ бугровъ суда нещасны;
Подъемлетъ самъ Нептунъ трезубцомъ ихъ своимъ,
Велитъ раздвинуться громадамъ пещанымъ;
Подвластную себѣ стихiю умѣряетъ,
На легкихъ колесахъ верьхъ водный пролетаетъ.
И какъ между толпой народной бунтъ встаетъ,
Гдѣ безразсудну чернь гнѣвъ съ бѣшенствомъ мятетъ;
Ужъ тучами летятъ дреколья и каменья,
Оружiе даетъ безумнаго пылъ рвенья;
Коль скоро важный мужъ заслугой знаменитъ
Предстанетъ, всѣ молчатъ прiявъ послушной видъ;

Онъ

---

177) Хотя въ старину *дворъ*, въ знакъ чести, назывался уменьшительнымъ именемъ *дворецъ*, но подъ именемъ *дворца* всякъ представляетъ себѣ огромныя и великолѣпныя палаты, то есть царской домъ, то мы можемъ и то и другое слово употреблять безъ разбору.

181) *Нерейда* Нимфа морская, дочь Нерея и Амфитриты. У Виргилiя она здѣсь называется *Цимотоя*, т. е. бѣгущая по волнамъ. *Предтеча Нептуновъ*, Тритонъ верьхнею частiю человѣка, нижнею представляющiй рыбу; его должность предшествовать колесницѣ Нептуновой трубя въ раковину.

190) *Рвенье* часто повторяемые риѳмы на *енье* и на *анье* ослабляютъ слово и слуху непрiятны.

Онъ разъяренныя мягчитъ сердца словами,
И кротость мудрыми вдыхаетъ въ нихъ устами:
Подобнымъ образомъ утихъ весь моря ревъ,
Какъ безднъ и хлябей царь на оное возрѣвъ,
Подъ воздухомъ простеръ поѣздъ веселый чистымъ,
Стремя коней въ полетъ по водъ хребтамъ пѣнистымъ.

Пловцы утомлены на ближнїй правятъ брегъ,
Въ Ливїйскую страну свой уклоняютъ бѣгъ.
Есть въ твердь земну заливъ далеко протяженный,
Прилегшимъ островомъ какъ пристань укрѣпленный.
Съ открытыхъ волны безднъ объ оной уразясь
Отбиты прочь летятъ въ самихъ себя клубясь.
Заливъ кремнистыя вкругъ горы ограждаютъ
Два мыса высотой до облакъ досягаютъ.
Подъ оными внизу, понтъ чистый какъ лазурь,
Стоитъ неколебимъ, не зная страшныхъ бурь;
Тѣнистымъ горъ верьхи приосѣненны лѣсомъ,
Что надъ заливною ростетъ водой навѣсомъ.
На встрѣчной сторонѣ, подъ каменной горой,
Пещера сладкою исполненна водой;
Къ сидѣнїю мѣста изъ камней самородныхъ;
Жилище красное веселїй Нимфамъ сродныхъ.
Усталы корабли не нужно здѣсь крѣпить
Канатами, или на якорь становить.
Во внутренносшь сего вступилъ Еней оплота
Съ семью галерами оставшими отъ флота.

---

201) *Есть въ твердь земну заливъ* и проч. Вымышленное отъ Виргилїя пристанище кораблей.

211) *На встрѣчной сторонѣ.* т. е. въ концѣ залива, противъ самаго во оный въѣзда.

Пловцы желаемыхъ обширность зря луговъ
Другъ за другомъ спѣшатъ, и скачутъ изъ судовъ;
Ложатся, мягкой брегъ рядами устилая;
Съ одеждъ и съ членовъ ихъ течетъ вода морская.
Ахатъ черезъ ударъ о жеску сталь кремня,
Чрезъ искры слабыя раждаетъ пылъ огня,
Въ костеръ слагая хврастъ отъ солнца изсушенный.
Трояне бурею морскою изнуренны
Трудятся выгружать на брегъ припасъ съѣстной,
Что весь былъ напоенъ соленою водой,
Сосуды Фригскія изъ серебра и мѣди;
Потребныя себѣ уготовляютъ снѣди.
Межъ тѣмъ Еней возшедъ на мыса высоту,
Взоръ простираетъ свой на моря широту,
Не встрѣтится ль Анѳей носимый въ бурной влагѣ,
Каписъ, иль при своемъ корабль Каиковъ флагѣ.
Галеръ между валовъ не видя никакихъ,
Еленей усмотрѣлъ на берегѣ троихъ;
Другіе ихъ позадь толпятся цѣлымъ стадомъ,
И долгимъ межь долинъ въ травѣ пасутся рядомъ.
Остановившись тутъ схватилъ съ стрѣлами лукъ,
Что вѣрный изъ своихъ Ахатъ ему далъ рукъ:
И сперьва подстрѣлилъ вождямъ тремъ быстры ноги
Несущимъ главы вверьхъ, и вѣтвистые роги;
Потомъ весь дикихъ сонмъ животныхъ распугавъ,
Въ средину мрачныя дубравы ихъ загнавъ,

Дотолѣ

---

223) *О жеску сталь.* Хотя сего въ подлинникѣ нѣтъ, но тѣмъ не нарушается красота Виргиліева слогу.

230) *Потребны для себя уготовляютъ снѣди.* Въ подлинникѣ: *предпріемлютъ жарить на огнѣ, и молоть въ жерновахъ.* Но какъ такія подробности Латинскому языку больше свойственны, на Россійскомъ приличнѣе оныя изображаются общими словами.

Дотолѣ продолжалъ грозу стрѣляній лучныхъ,
Пока на землю седмь повергъ еленей тучныхъ,
И уравнилъ корысть числу своихъ судовъ.
Прибывъ въ пристанище дѣлитъ другамъ свой ловъ,
И виноградный сокъ, даръ щедраго Ацеста,
Чѣмъ сей снабдилъ Троянъ во время ихъ отъѣзда;
Во унывающихъ рѣчьми отраду льетъ:
„О други! незабвенъ намъ прежнихъ ужасъ бѣдъ;
„О вы, которые въ горчайшей были части;
„Терпите, пошлетъ Богъ конецъ и сей напасти.
„Вы доступали близъ несытой Скиллы псовъ,
„Близъ раздающихся ихъ лаяньемъ бугровъ;
„Вы испытали круть Циклопскихъ горъ огромныхъ;
„Мужайтесь, и боязнь скончайте въ мысляхъ томныхъ;
„Насъ память бѣдствій сихъ впредь будетъ услаждать;
„Сквозь страхъ, сквозь бури золъ мы должны достигать
„Въ Лацій, гдѣ Промыслъ намъ готовитъ сѣнь покоя;
„Державствующа тамъ должна возникнуть Троя.
„Со терпѣливостью щастливыхъ ждите дней.
Вѣщая тако, имъ и въ мысли самъ своей

255) *Скилла*, скала въ морѣ, которая отъ сильнаго ударенія волнъ безпрестанно урчитъ. Что до баснословія, говорятъ, что Скилла Форкова дочь преобращена отъ Цирцеи въ чудовище, котораго верьхняя часть удержала подобіе женщины, нижняя превратилась во псовъ, коихъ лаяньемъ стихотворцы изображаютъ шумъ волнъ въ семъ мѣстѣ корабли разрушающихъ.

257) *Круть* вмѣсто *крутость*, *крутизна*; *глубь* вмѣсто *глубина*, *глубокость* и подобныя сему въ Россійскомъ словѣ не токмо терпимы, но еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особливо въ стихахъ необходимо нужны. *Циклопскихъ горъ.* Циклопы первые обитатели Сицилійской земли, были люди необычной величины, звѣронравны и непріязненны пришельцамъ. Стихотворцы ихъ опредѣляютъ служительми Вулкану въ кованіи громовыхъ стрѣлъ для Юпитера.

Смущаясь, на лицѣ надежды лучь являетъ,
Во глубинѣ души тяжчайшу скорбь скрываетъ.
Трояне изъ звѣрей устроевая пиръ,
Сдираютъ кожи съ ребръ, и остріемъ сѣкиръ
Разъемля ихъ мяса̀, дѣлятъ на многи пласти;
Вонзаютъ на рожны трепещущія части.
Иные становятъ по берегу котлы;
Ины взгнѣщая огнь кладутъ подъ нихъ веглы;
Потомъ среди луговъ подъ воздухомъ прохладнымъ
Крѣпятся пищею и сокомъ винограднымъ.

Какъ утолили гладъ давно томившій ихъ
Вели протяжну рѣчь о содругахъ своихъ,
Между надеждою и страхомъ колебаясь,
Въ живыхъ мнить, иль рыдать о жизни ихъ отчаясь.
Енея паче всѣхъ, то объ Оронтѣ жаль,
И объ Амиковой погибели печаль,
То сокрушаетъ Ликъ, и Гїй неустрашимый,
То храбрый Клоанѳъ, вождь полковъ непредолимый.
Уже ослабѣвалъ отъ мрака дневный свѣтъ,
Зѣницы отъ высотъ Зевесъ свои низведъ
На холмы, на брега, на судоносны воды,
И на разсѣянны по всей земли народы,
Въ семъ кроткомъ видѣ сталъ на высотѣ небесъ;
На Африку своихъ взоръ устремилъ очесъ.
Къ нему являющу сей промыслъ надъ вселенной
Венера, свѣтлый зракъ слезами окропленной

Возведши,

---

269) *Мяса̀* во множественномъ числѣ, въ поемѣ стерпимо, *мясо* въ единственномъ, ниско. *Пласть* большая часть рогатаго скота или дикаго звѣря: оттуду *плащу*, *пластить*; учащательное *пластаю*, *распластать*, *распластить* неподлыя и въ высокомъ родѣ употребительныя слова.

Возведши, изо устъ износитъ гласъ таковъ:
„О Ты, что смертныхъ родъ, богинь сонмъ и боговъ
„Могуществомъ отъ вѣкъ всесильнымъ управляешь,
„И молнїею вдругъ и громомъ ужасаешь!
„Какимъ толь мерзостнымъ злодѣйствомъ мой Еней
„Возмогъ навлечь сїю казнь отъ руки твоей?
„Почто отяготѣлъ толь гнѣвъ твой на Троянахъ,
„Которымъ по такихъ смертяхъ, болѣзняхъ, ранахъ,
„Для Италїйскихъ странъ путь всюду запертъ сталъ?
„Не Ты ли прежде самъ изустно обѣщалъ,
„Что отъ Дарданлихъ чреслъ въ послѣдующи лѣта
„Изыдутъ силъ вожди, всего Владыки свѣта;
„Днесь како твой совѣтъ, о Отче! премѣненъ?
„По разрушенїи Пергамскихъ гордыхъ стѣнъ
„Я сей одной себя надеждой утѣшала,
„Злость рока щастїемъ грядущимъ услаждала;
„Но таже и поднесь Троянъ тѣснитъ судьба;
„Когда, всесильный Царь! почїютъ отъ труда?
„Сквозь Грековъ Антенор пробившися щастливый
„Въ Иллирїанскїе пронесться могъ заливы,
„И

301) *Отъ Дарданлихъ чреслъ.* Дарданъ Юпитеровъ сынъ отъ Електры Атлантовой дочери, Корита Тусскаго короля супруги, прибывъ во Фригїю понялъ въ супружество дочь Тевкра единаго отъ королей во Фригїйской области, и по немъ наслѣдовавъ царство, создалъ градъ *Дарданїю*, преименованный послѣ въ *Трою.* Посему Трояне называются Тевкрянами по Тевкру, Дарданцами или Дарданями по Дардану. И здѣсь у Виргилїя положено: *reuocato a sanguine Teucri*, то есть: *отъ возвращенныхъ въ Италїю Тевкровыхъ потомковъ*, что мной преложено: *отъ Дарданлихъ чреслъ*, что тоже есть самое, ибо *Дарданъ въ Енеѣ* возвращается въ Италїю. Ниже говоритъ Еней къ Венерѣ: *ищу Италїю, гдѣ праотецъ мой жилъ, котораго Зевесъ съ Електрою родилъ.*
310) *Иллирїанскїе заливы.* т. е Адрїатическое море. *Либурнїя* нынѣ часть *Кроацїи.* Во внутренности Адрїатическаго моря на-

„И безопасно внутрь Либурніи доспѣть,
„Свирѣпаго истокъ Тимава предолѣть,
„Который девятью отверстьми въ косогорѣ
„Съ ужаснымъ ревомъ, какъ прорвавшееся море,
„Исходитъ, и шумитъ разлившись по полямъ;
„Однако Антеноръ воздвигъ Патавій тамъ;
„Нарекъ, и поселилъ съ собой пришедше войско;
„Повѣсилъ въ капищѣ оружїе геройско;
„Желанна днесь его питаетъ тишина:
„Мы кровь твоя, небесъ которымъ честь дана,
„Лишенные судовъ, о злой рокъ и плачевной!
„Во угожденїе одной богини гнѣвной,
„Оставлены, увы, забвенны, презрѣны,
„Отъ вожделѣнныхъ намъ бреговъ отдалены!
„Сїяль доброты мзда? и сель возвратъ короны?
Тогда Отецъ боговъ и человѣковъ оный,

Такой

ходятся *Карны*, нынѣ часть Фрїула, гдѣ рѣка *Тимавъ* прежде отъ жителей, какъ свидѣтельствуетъ Сервїй изъ Варрона, называемая *моремъ*, нынѣ малой ручей.

313) *Который девятью* и проч. Въ семъ мѣстѣ самъ Виргилїй шумитъ на подобїе прорвавшагося моря.

316) *Антеноръ*, по мнѣнїю нѣкоторыхъ, ближнїй родственникъ Прїамовъ, пришедшихъ съ собою Троянъ наименовалъ или отъ своего имени *Антеноридами*, или отъ союзниковъ Генетовъ Венетами. У древнихъ за высокую честь поставлялось право именовать народъ, которымъ пользовались создатели городовъ и побѣдители. *Патавїй*, нынѣ Падуа.

318) По окончанїи войны, и мечебитныхъ поединковъ хранился обычай вѣшать во храмахъ оружїе, яко сущее внѣ употребленїя.

320) *Мы кровь твоя* и проч. Виргилїй приводя Венеру ходатайствующу объ одномъ Енеѣ предъ Юпитеромъ, рѣченїями, *мы оставлены*, *забвенны* и проч. и въ 322 строкѣ нарицательнымъ именемъ *богини* доразумѣвая подъ онымъ Юнону придаетъ сильное стремленїе своему витїйству.

Такой съ усмѣшкою къ ней обративши зракъ,
Какимъ обыкъ небесъ осіявати мракъ,
И нѣжно дщерь свою облобызавъ вѣщаетъ:
„Оставь, Венера, страхъ, что духъ твой возмущаетъ.
„Предписанный твоимъ предѣлъ не нарушенъ;
„Обѣтованный градъ увидишъ совершенъ;
„Еней твой озаренъ небеснымъ будетъ свѣтомъ:
„Я непреложнымъ то опредѣлилъ совѣтомъ.
„И се! когда тебя о немъ колеблетъ страхъ,
„Открою, въ тайныхъ что положено судьбахъ.
„Въ Лаціи брань творя, онъ родъ сотретъ кичливый,
„Воздвигнетъ грады, дастъ законы справедливы;
„Три года въ той странѣ воздержитъ царску власть,
„Какъ Рутуловъ къ своимъ ногамъ принудитъ пасть.
„Асканій сынъ его, Іулъ зовомый нынѣ,
„До тридесяти лѣтъ державствуя въ Лавинѣ,
„Оттуду въ Албу свой престолъ перенесетъ,
„И ону крѣпкими стѣнами обведетъ.

340) *Рутулы.* Обитавшій въ Лаціи народъ, противъ котораго, по прибытіи своемъ въ Италію, воевалъ Еней.

341) *Асканій.* Отъ Греческаго слова названъ *Іуломъ* по тѣмъ нѣжнымъ волоскамъ, которые, на подобіе моху, у взрослыхъ юношъ на подбородкѣ выступаютъ. У Виргилія прибавлено въ скобкахъ: *онъ назывался Иломъ, когда процвѣталъ Иліонъ.* т. е. Троя. Здѣсь вся сила состоитъ въ словѣ *Іулъ*, потому что отъ онаго происходитъ имя великаго Іулія Цесаря, ниже строк. 367. Сей славный родъ Римскихъ героевъ происходящихъ отъ Іула, наконецъ на Неронѣ императорѣ пресѣкся.

342) *Лавина* городъ построенный Енеемъ въ Италіи, который названъ такъ по имени Лавиніи второй его супруги, Латина Латинскаго Короля дочери.

„ До трехъ сотъ лѣтъ владѣть въ ней племени Пріама;
„ Пока священница великой Весты храма,
„ Отъ крови царскія влекущая свой родъ
„ Двоихъ родитъ сыновъ, щасливой Марсовъ плодъ.
„ Красуясь кожею волчицы желтовидной
„ Питомецъ оныя, преемникъ непостыдной
„ Хвалы отцовъ, Ромулъ градъ Марсовъ возведетъ,
„ И Римлянами въ немъ живущихъ наречетъ.
„ Сихъ власти на земли предѣловъ нѣтъ извѣстныхъ;
„ Поставлю ихъ царей и вѣчныхъ и всемѣстныхъ.
„ Сама Юнона, что долъ, небо, и моря
„ Колеблетъ страхомъ днесь, отмщеніемъ горя,
„ Противу пратъ судебъ, свирѣпствовать престанетъ,
„ И Римлянъ покрывать со мною купно станетъ
„ Вселенныя владыкъ, ризъ долгихъ бѣлизной
„ Красующихся; такъ благоволитъ духъ мой.
„ Приспѣетъ время то, что Троевы потомки
„ Подъ иго приведутъ Мицены славой громки,

„ Плѣнятъ

---

346) *Священница Весты*, Илія, или Рея Сильвія, дочь Нумитора Албанскаго царя: смотри Римской исторіи томъ I.

359 *Ризъ долгихъ бѣлизной красующихся.* Сіе присовокупляетъ Зевесъ для отличенія Римлянъ отъ всѣхъ другихъ народовъ: ибо имъ столь была свойственна долгая риза, toga, какъ Грекамъ хламида, pallium.

360 *Красующихся; такъ благоволитъ духъ мой.* Не гладокъ стихъ: но дозволимъ Зевесу выговорить безъ тщанія; онъ тѣмъ важности своей не утратитъ.

361) *Троевы потомки*, то есть, Римляне. Трой, по имени котораго названа *Троя*, имѣлъ двухъ сыновей, Ила и Ассарака. Отъ Ила произошли Троянскіе цари, отъ Ассарака родился Каписъ, отъ Каписа Анхизъ, отъ Анхиза Еней, отъ Енея Римляне.

362, 364) *Мицены* и *Аргъ* или *Аргосъ*, города въ Пелопонисѣ принадлежавшіе Агамемнону главному предводителю Греческаго войска при осадѣ Трои.

„ Плѣнять оружїемъ стѣнъ Фтїйскихъ высоту;
„ Положить подъ свою стренный Аргъ пяту.
„ Изыдетъ вождь отъ чреслъ Дарданскихъ, что державу
„ До моря распрострѣтъ, до звѣздъ возвысить славу
„ Іулїй именемъ Іуловымъ назван.
„ Отягощеннаго корыстьми всточныхъ странъ
„ Его съ веселїемъ ты примешь въ градъ небесной;
„ Онъ будетъ жертвами отъ твари чтимъ словесной.
„ Тогда утихнетъ брань неистовыхъ вѣковъ;
„ Правдивость древняя, страхъ истинный боговъ,
„ И съ Ремомъ Ромулъ самъ суды поставятъ правы;
„ Запрутся страшныя врата войны кровавы:
„ Тамъ злоба, мерзское чудовище земли,
„ Все подвергающе ничтожеству и тли,
„ Поверьхъ убивственныхъ орудїй протяженно,
„ И тысящьми цѣпей желѣзныхъ отягченно
„ Вотще яритися, и силы напрягать,
„ Трястися, и звуча оковы тяжки рвать,
„ Вотще зїяюща окровавленнымъ зѣвомъ
„ Весь воздухъ колебать ужаснымъ будетъ ревомъ.
То рекши съ горнихъ шлетъ Меркурїя круговъ,
Чтобъ Карѳагенъ принять пришельцевъ былъ готовъ;
Чтобъ отъ невѣдущей о промыслѣ Дидоны
Троянамъ не было поставлено препоны.
Онъ крила распростеръ, по воздуху паритъ,
И въ Африканскихъ стать предѣлахъ не коснитъ.

363) *Фтїйскїя стѣны*, или *Фтїя* отечество и область Ахиллесова.
367) *Кайй Іулїй цесарь* основатель имперїи Римской.
373) Чрезъ *Ромула* и *Рема* многїе разумѣютъ цесаря Октавїана и Агриппу, его въ побѣдахъ споспѣшника, а потомъ зятя.
383) *Меркурїй* сынъ *Юпитера* отъ Маїи Атлантовой дочери, вѣстникъ боговъ.

Уже велѣнїе Зевесово свершаетъ
Миролюбивый духъ въ Финикїянъ вливаетъ;
Дидона паче всѣхъ съ высотъ вдохновена,
Къ благоволенїю Троянъ преклонена.
Еней всю въ думахъ ночь препроводивши разныхъ,
Коль скоро блескъ лучей открылся свѣтлобразныхъ,
Исходитъ осмотрѣть мѣста тоя земли,
Въ какую свѣта часть ихъ бури занесли;
Находятсяль людей обычны тутъ жилища,
Или однихъ звѣрей пустынныхъ логовища;
Подробно чтобъ своихъ увѣдомить друговъ.
Поставивъ флотъ подъ горъ обросшихъ лѣсомъ кровъ,
Самъ шествуетъ съ однимъ наперсникомъ любезнымъ,
Два ратовища взявъ со острїемъ желѣзнымъ.
Венера имъ въ пути среди сгущенныхъ древъ,
Срѣлась, во образѣ Спартанскихъ храбрыхъ дѣвъ,
Или въ подобїи царицы Амазонской,
Что вихри быстротой предупреждаетъ конской.
Лукъ на плечахъ у ней ловитвенный лежалъ;
Распущены власы вѣтръ тонкїй возвѣвалъ;
Колѣна нѣжныя наружѣ были видны;
Узломъ превязаны воскрилїя хламидны.
Вопросомъ ихъ своимъ предускорила вдругъ:
„ Не срѣтилиль одну вы изъ моихъ подругъ
„ Калчаномъ полнымъ стрѣлъ и лукомъ воруженну,
„ Ловицу кожею звѣриной покровенну?

„ Не

---

390) *Финикїяне* отъ Финикїи, *Тиряне* отъ столичнаго Финикїйскаго города *Тира* называются прибывшїе съ Дидоною въ Африку пришельцы.

401) *Наперсникъ* Енеевъ, *Ахатъ* Троянской вельможа, который отъ нѣкоторыхъ писателей за истиннаго друга, или государева любимца полагается, такъ какъ Меценатъ за покровителя наукъ.

„Не гналаль гдѣ она за вепремъ съ крикомъ въ слѣдъ,
„Что пышетъ бѣгучи и зѣвомъ пѣну льетъ?
Еней рекъ: „въ цѣломъ здѣсь, что мы прошли, округѣ,
„Отнюдь и не слыхалъ я о твоей подругѣ,
„О дѣва! возвѣсти намъ о себѣ, кто ты;
„Твой образъ смертныя превыше красоты,
„И съ человѣческимъ гласъ не имѣетъ сходства;
„Ты сроднаго полна богинямъ превосходства.
„Дїаналь ты, или отъ здѣшнихъ Нимфъ числа,
„Склонись на милость къ намъ, о ктобъ ты ни была!
„Потщися облегчить тяжчайши намъ напасти;
„Повѣждь, въ которой мы влачимся свѣта части?
„Мы странствуемъ ни мѣстъ не зная, ни людей,
„Сюда занесены волной морскихъ глубей.
„Предъ олтаремъ твоимъ моей падутъ рукою
„Со агнцами волы, и кровь прольютъ рѣкою.
Венера вопреки: „чтобъ жертву мнѣ принесть
„Превыше моего достоинства та честь.
„Дщерей Сидонскихъ лукъ оружїе обычно;
„Багрянъ сапогъ до икръ, убранство имъ прилично.
„Ты зришь селенїе, и градъ Финикїянъ
„Воздвигнутый среди Ливїйскихъ дикихъ странъ.
„Дидона скиптра честь имѣетъ и порфиру,
„Отъ братней лютости бѣжавшая изъ Тиру.
„Расказывать о томъ подробно не хочу,
„Всю злость его въ словахъ немногихъ заключу:
„Сихей ея супругъ держалъ въ своемъ подданствѣ
„Финикїю, едва въ измѣримомъ пространствѣ,
„И отъ нещастныя любимъ Дидоны былъ,
„Котору сочеталъ съ нимъ въ дѣвствѣ бракомъ Вилъ.
„Верховный въ Тирянахъ Пигмалїонъ правитель,
„Продерзостный святыхъ законовъ нарушитель,

 „Недобро-

„ Недоброхотствомъ бывъ къ Сихею зараженъ,
„ И сребролюбїемъ злохищный ослѣпленъ
„ Дерзнулъ предъ олтаремъ пролить токъ зятней крови,
„ Презрѣвши жаръ къ нему Дидониной любови;
„ И многи дни свое злодѣйство укрывалъ;
„ Надеждой ложной льстецъ сестру свою ласкалъ.
„ Впослѣдокъ ей во снѣ явилась тѣнь супруга
„ По широтѣ всего скитавшаяся круга.
„ И въ видѣ жалостномъ подъемля блѣдный зракъ
„ Являетъ жертвенникъ, и мечный въ сердцѣ знакъ,
„ Неслыханную злость дотоль храниму скрытно;
„ Велитъ отечество оставить кроволитно;
„ Отъ давныхъ лѣтъ въ земли сокрытаго добра
„ Ей кажетъ множество и злата и сребра.
„ Супружними рѣчьми побуждена Дидона
„ Готовилась съ рабы бѣжать Пигмалїона.
„ Сообщники ея сошлись къ побѣгу тѣ,
„ Что проклинали жизнь въ тиранской тѣснотѣ;
„ Взявъ въ пристани суда отягощаютъ златомъ;
„ Несется по волнамъ въ влагалищѣ богатомъ
„ Сребролюбиваго стяжанїе царя;
„ Жена предводитъ въ томъ своихъ въ побѣгѣ бодря.
„ По трудномъ плаваньи сея страны достигли,
„ Гдѣ новой Карѳагенъ, что узришь днесь, воздвигли,
„ Купивши часть земли для своего жилья,
„ Коль много обхватить воловой кожей льзя.

Начату

---

454) *По широтѣ всего* и проч. По суевѣрїю древнихъ язычниковъ, тѣнямъ непогребенныхъ людей должно было скитаться сто лѣтъ, по лицу земному. Почему Пигмалїонъ къ безчеловѣчїю присовокупилъ нечестїе, умерщвленнаго Сихея оставивъ непогребенна.

472) Для лучшаго свѣдѣнїя о Дидонѣ зри древнюю исторїю о Карѳагенцахъ.

Начату повѣсть симъ Венера окончила.
Но вы кто таковы? куда вашъ путь? спросила.
Тогда Венеринъ сынъ вздохнувъ отъ сердца рекъ:
„О естьлибъ къ самому началу я востекъ
„Трудъ многихъ лѣтъ тебѣ, богиня, повѣствуя,
„Вечерня бы скоряй, лунѣ путь показуя,
„Въ надоблачныхъ кругахъ возникнула звѣзда,
„Я нежелибъ скончать могъ повѣсть всю труда.
„Изъ древней Трои мы, коль вамъ предѣлъ сей вѣдомъ,
„Шатаясь по морю непостояннымъ слѣдомъ,
„Привержены къ странѣ дыханьемъ бурнымъ сей;
„Я благочестїемъ прославленный Еней,
„Что силою изъ рукъ исторгнувъ святотатскихъ
„Везу съ собой боговъ, избывъ стрѣлъ сопостатскихъ;
„Ищу Италїю, гдѣ праотецъ мой жилъ,
„Котораго Зевесъ съ Електрою родилъ.
„Въ двадесяти судахъ предался я пучинѣ
„Послѣдуя судьбамъ, и рождшей мя богинѣ;
„Теперь остались седмь изщеплены отъ волнъ,
„Самъ нищь, и никому незнаемъ, скорби полнъ,
„Скитаюсь по степямъ Ливїйскимъ чужестранецъ,
„Европы отчужденъ, изъ Азїи изгнанецъ.
Венера прервала́ симъ жалобу словесъ:
„Ктобъ ни былъ ты таковъ, не вовсе отъ небесъ
„Оставленъ ты, коль могъ въ сїи приспѣть границы:
„Гряди во свѣтлый дворъ Тирїйскїя царицы.
„Предвозвѣщаю я возвратъ друговъ твоихъ;
„Споспѣшнымъ вѣтромъ твой флотъ пристани достигъ;

„Неложнымъ

---

487) *Праотецъ.* т. е. Дарданъ выше стр. 301. и подъ оной примѣчанїе.

„ Неложнымъ коль меня учила мать примѣтамъ,
„ По птичьимъ прорицать о будущихъ полетамъ.
„ Взгляни на лебедей парящихъ взмахомъ крилъ,
„ Которыхъ врозь орелъ по воздуху разбилъ!
„ Теперь, какъ прежде, въ рядъ соединяся стройный
„ Спускаются на низъ, иль сѣли тамъ спокойны.
„ Какъ крыльями они взыграли закружась,
„ Пустили сладкїй гласъ, опять съ собой слетясь;
„ Такъ флотъ твой иль достигъ пристанища съ пловцами,
„ Иль съ напряженными въ то входитъ парусами.
„ Ты буди токмо бодръ, ниже ослабѣвай,
„ Во предлежащїй путь ногъ стопы направляй.
Рекла, и выею, зракъ отвративъ, блеснула,
Глава ея воней божественною дхнула;
Колѣнъ, и ногъ составъ одеждой сталъ покрытъ;
Открылся въ шествїи прямой богини видъ.
Онъ матерне лице зря отъ себя отвратно
Во слѣдъ ей вопїялъ „ почто и ты толькратно,
„ Немилосердая! рожденнаго тобой
„ Прельщаешь ложными видѣньми и мечтой?
„ Почто десницу взять свою не дозволяешь,
„ Притворную ко мнѣ бесѣду простираешь?
Такъ ропща, не коснитъ во Карѳагенъ итти;
Венера мракомъ ихъ одѣяла въ пути,
И облекла вокругъ тумановъ тьмой сгущенныхъ;
Дабы невидимыхъ и неприкосновенныхъ
Изъ Тирянъ ни одинъ не могъ остановить,
И о прибытїя причинѣ вопросить.
Сама вознесшися, въ прекрасный Пафъ стремится,
Гдѣ смирна въ храмѣхъ ей Сабейская курится;

Вѣнками

529) *Пафъ*, или *Пафосъ*, городъ въ островѣ Кипрѣ посвященный Венерѣ.
530) *Сабейская смирна*, то есть привезенная изъ благополучной Аравїи, въ которой обитали Сабеи.

Вѣнками олтари вокругъ обложены,
Что изъ ухающихъ цвѣтовъ сплетены.
Межъ тѣмъ Еней, Ахатъ, путь далѣ простираютъ,
На ближня верьхъ холма достигнуть поспѣшаютъ,
Съ котораго почти весь видѣнъ Карѳагенъ.
Еней огромности чудится новыхъ стѣнъ,
Нестройность гдѣ была лишь шалашей презрѣнныхъ,
Вратамъ, и чистотѣ стогнъ камнемъ умощенныхъ;
Немолчный слышенъ крикъ, и шумъ и стукъ вездѣ;
Всякъ тщится преуспѣть въ предписанномъ трудѣ.
Ины надъ градскими ведутъ свою работу
Стѣнами, не щадя тѣлесныхъ силъ и поту;
Согбеньшись, крѣпостью неутомленныхъ рукъ
Каменья движутъ съ мѣстъ, даютъ орудьми звукъ;
Ины кладутъ размѣръ, гдѣ кровамъ быть жилищнымъ,
Сенату и другимъ мѣстамъ у нихъ судищнымъ;
Тамъ соружаютъ портъ, тамъ театральный домъ
Прилѣжнымъ основать готовятся трудомъ;
Изсѣченны изъ горъ обильныхъ камнемъ дикимъ
Влекутъ столбы красу театрамъ превеликимъ.
Такъ пчелы по лугамъ устланнымъ тьмой цвѣтовъ
Подъ солнцемъ въ лѣтни дни томятся отъ трудовъ,
Когда жужжащій рой на поле выпускаютъ,
Густятъ и давятъ медъ; тѣмъ улья наполняютъ;
Снимаютъ съ трудниковъ драгое бремя сотъ;
Или смыкаясь въ строй лѣнивыхъ трутней родъ
Женутъ изъ своего дворца за тунеядство;
Кипитъ ихъ трудъ, и сотъ даетъ духовъ пріятство.
Еней по зданіямъ свой обращая взглядъ
Блаженны тѣ, изрекъ, у коихъ спѣетъ градъ!

545) *Кладутъ размѣръ*; древніе полагали размѣръ назначеннымъ подъ строеніе мѣстамъ, проводя по землѣ плугомъ.

Самъ покровенный мглой, грядетъ между народомъ,
Незримымъ никому, о странно чудо, ходомъ!
Съ прохладной тѣнью лѣсъ въ срединѣ града росъ,
Гдѣ по снесенiи на морѣ бурныхъ грозъ,
Тиряне конскую главу въ земли зарыту
Нашли, великою Юноной имъ открыту,
Предзнакъ геройства ихъ, и будущихъ побѣдъ,
Благостоянiя во безконечность лѣтъ.
Здѣсь велелѣпный храмъ воздвигнутъ отъ Дидоны,
Благоговѣйно чтимъ для божества Юноны.
Тамъ мѣдный возвышенъ надъ лѣствицею прагъ,
Единъ свѣтлѣлъ металлъ и въ связѣхъ и вратахъ.
Здѣсь новымъ зрѣлищемъ въ Енеѣ страхъ умаленъ,
Здѣсь онъ впервые, бывъ толь тяжко опечаленъ,
Унылый началъ духъ надеждой ободрять,
И лучшаго въ дѣлахъ успѣха ожидать.
Онъ ждя царицу въ храмъ, вперяетъ быстры взоры
На удивительны внутрь онаго узоры;
Чудяся щастiю, чѣмъ градъ Тирiйскiй цвѣлъ,
Красѣ и хитрости художественныхъ дѣлъ,
Троянски битвы зритъ всѣ врядъ изображенны,
Уже молвой въ концы вселенной разглашенны,
Миценскаго вождя, Прiама купно съ нимъ,
Ахилла мещуща взоръ гнѣвный къ обоимъ.
Тутъ ставъ, сквозь слезы рекъ „нѣтъ въ цѣлой поднебесной
„Страны о нашемъ зломъ страданьи неизвѣстной;
„Се нашъ Прiамъ! и здѣсь добротамъ должна честь
„И сострадательство къ нещастьямъ смертныхъ есть!

„Ахатъ,

---

583) *Миценскаго вождя*, т. е. Агамемнона, противъ котораго огорченъ былъ Ахиллесъ за похищенную Бризеиду.

587) *Се нашъ Прiамъ.* Ежели бы на Россiйскомъ языкѣ сему *се* находилось равносильное двусложное слово, то бы выраженiе бы-

„ Ахатъ, отвергни страхъ и въ мысляхъ безпокойство,
„ Полезно намъ бѣдой прославленно геройство.
То рекши зрѣлищемъ духъ томный веселитъ,
Потокомъ теплыхъ слезъ лице свое кропитъ.
Онъ видитъ какъ на той вкругъ стѣнъ Пергамскихъ сѣчи
Тутъ Тевкряне разятъ бѣгущихъ Грековъ въ плечи;
Тамъ въ шлемѣ Ахиллесъ, на колесницу всѣдъ,
Рассыпанныхъ Троянъ въ тылъ постигая жметъ.
Разпознаетъ сквозь слезъ станъ укрѣпленный Резомъ,
Что хитрый Діомидъ пронзающимъ желѣзомъ
Въ ночи измѣною ворвясь опустошалъ;
Коней, въ которыхъ рокъ Фригіи состоялъ,
Увелъ съ собой, не давъ въ лугахъ при Троѣ злачныхъ
Пастися имъ, и пить отъ Ксанѳа струй прозрачныхъ.
Обезоруженный тамъ начертанъ Троилъ,
Младый, нещастный князь, боецъ неравныхъ силъ
Противъ раженія Ахилловой десницы,
Влекомъ коньми, и взничь повисшій съ колесницы,
Съ вожжьми въ рукахъ; власы влачатся по земли;
Пробивше грудь копье черту ведетъ въ пыли.

ло сильнѣе. Виргилій здѣсь двумя словами, *се Пріамъ* витійствуетъ много, особливо тѣмъ, что непосредственно послѣ оныхъ придаетъ: *и здѣсь добротамъ должна честь* и проч.

597) *Резъ* Фракійскій царь, Марсовъ или Стримоновъ сынъ, пришедшій на помощь Пріаму, и приведшій съ собою коней, отъ которыхъ судьба Троянскаго царства зависѣла (что ежели они вкусятъ травы на пажити Троянской, и напьются воды изъ рѣки Ксанфа, Трои остаться непобѣдимой), нашедъ заключенныя врата принужденъ былъ внѣ города станъ свой поставить. Но измѣною Долона Троянскаго соглядатая, которой нечаянно попалъ въ руки Уликсу и Діомиду, убитъ симъ послѣднимъ, и роковые кони уведены. Гомеръ Иліад. пѣснь 10. стр. 453.

600) *Фригіи*, т. е. Трои, которая стояла во Фригійской области принадлежавшей къ малой Азіи.

603) *Троилъ* младшій Пріамовъ сынъ.

Троянокъ зрѣлся сонмъ грядущихъ въ храмъ Паллады,
Что разтрепавъ власы, бья въ перьси безъ пощады,
Несли ей ризу въ даръ прося отвраты золъ;
Она презорства въ знакъ держала очи въ долъ.
Изображенъ былъ вождь, что трижды вкругъ Пергаму
Трупъ Гекторовъ овлекъ, и продавалъ Пріаму.
Но тутъ ужь возстеналъ извнутрь души Еней,
Какъ колесницу, щитъ, и мечь его съ броней
Доставшійся врагу корыстію пребѣдной,
Трупъ друга своего окровавленной, блѣдной,
И съ распростертіемъ дрожащихъ рукъ отца
Просящаго узрѣлъ, чтобъ дали мертвеца.
Межь Грековъ и себя познав военачальныхъ,
И страшные полки отъ странъ востока дальныхъ,
Которыхъ предводилъ чернѣющій Мемнонъ.
Представлена была царица Амазонъ
Ведуща въ ярости свои съ щитами войски,
Среди тьмы воевъ духъ являюща геройскій;
Златъ поясъ подъ нагимъ блисталъ на ней сосцемъ;
Дѣвица мужескъ полъ текла сражать мечемъ.
Какъ зрѣлищемъ Еней толь дивнымъ изумленный
Держалъ на оно взоръ очей своихъ вперенный,
Межь тѣмъ прекрасная взошла Дидона въ храмъ;
По обоимъ ея вельможи сторонамъ.

Діана

---

613) *Вождь.* т. е. Ахиллесъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ влачилъ Гекторовъ трупъ около Троянскихъ стѣнъ, и продавалъ оной Пріаму.

619) *Отца.* т. е. Пріама, который простирая безоружныя руки просилъ, чтобъ возвратили ему мертваго сына. т. е. Гектора.

623) *Мемнонъ* рожденный отъ Авроры Титономъ, который былъ сынъ Лаомедонта Троянскаго царя, прибылъ на помощь Пріаму съ великимъ множествомъ Индовъ и Еѳіоповъ.

Діана коль красна свои ведуща лики
Близъ водъ, иль на горахъ, гдѣ Нимфы взносятъ клики
Вокругъ ея тѣснясь; она неся калчанъ
Ихъ превышаетъ всѣхъ чрезъ стройной тѣла станъ:
Въ пріятной нѣжности играетъ духъ Латоны;
Таковъ былъ въ шествіи прекрасной видъ Дидоны;
Такъ выше всѣхъ она главу свою несла
Бодря Тирянъ вершить начатыя дѣла.
При дверяхъ олтаря, что посвященъ богинѣ,
По самой капища огромнаго срединѣ,
Возсѣдъ на блещущій и возвышенный тронъ,
Оруженосцами окружена съ сторонъ,
Премудры Тирянамъ законы подавала;
Тѣмъ равно трудъ, другимъ чрезъ жребій раздѣляла.
Внезапно зрѣлище увидѣлъ здѣсь Еней:
Грядутъ поспѣшно въ храмъ Клоанѳъ, Сергестъ, Анѳей,
И прочи изъ Троянъ, которыхъ вѣтръ порывный
Разбилъ, разнесъ въ страны другъ отъ друга противны.
Веселіемъ Еней и ужасомъ объятъ,
И тѣмъже пораженъ позорищемъ Ахатъ,
Лобзать сопутниковъ отъ всей души желаютъ,
Но неизвѣстныя лишь слѣдства ихъ смущаютъ;
Стоятъ сокровены подъ мглой паровъ густыхъ
И мыслятъ о судьбѣ сообщниковъ своихъ;
Въ которомъ оныхъ флотъ пристанищѣ поставленъ,
И для чего ихъ ходъ въ сіи мѣста направленъ.
Тамъ отъ всѣхъ Троянъ избранны мужи шли,
И жалобы свои со воплемъ въ храмъ несли.
Коль скоро предъ лице Дидонино предстали,
И дозволеніе къ вѣщанію пріяли,

637) *Латона* Діанина мать.

Великїй словомъ мужъ тогда Илїоней
Съ спокойнымъ духомъ такъ витїйствовалъ предъ ней:
„ Царица, коей Зевсъ судилъ создать градъ новый
„ И дикимъ наложить народамъ правъ оковы!
„ Трояне бѣдные, страдальцы средь морей,
„ Бѣгутъ подъ твой покровъ; отъ жрущихъ флотъ огней
„ Изхити, пощади народъ благочестивый,
„ Напаствуемымъ духъ яви щедролюбивый.
„ Не домы ваши мы мечемъ опустошать
„ Пришли, ниже суда корыстьми нагружать:
„ Не сродна такова сердцамъ Троянъ жестокость;
„ Не сродна замысловъ поверженнымъ высокость.
„ Предѣлъ есть Греками Есперїя зовомъ
„ Оружїемъ цвѣтущъ, и нѣдръ земныхъ плодомъ,
„ Гдѣ былъ во древни дни Енотрянъ домъ основанъ,
„ Но днесь, по имени вождя преименованъ

„ Отъ

---

675) *Предѣлъ есть Греками Есперїя зовомъ.* Италїя такъ какъ и Ишпанїя названа *Есперїею*, или *по Есперу*, Атланта Мавританскаго короля брату, который сперьва овладѣлъ Ишпанїею, потомъ изгнанъ братомъ своимъ изъ оной, поселился въ Италїи; или *отъ Еспера* Венериной звѣзды, которая утреннею зарею подъ именемъ *свѣтоносной*, вечернею подъ именемъ *вечерней звѣзды*, или *Геспера* на небѣ является, и значитъ *западъ* или *западную страну*; по чему Греки Италїю, яко такую страну, которая въ разсужденїи ихъ лежитъ къ западу, назвали *великою*, а Ишпанїю *малою Есперїею.* Инымъ именемъ Италїя называлась *Енотрїя*, или по *Енотру* королю Сабинскому, или по другому *Енотру*, Ликаона Аркадскаго короля сыну, или наконецъ отъ Греческаго слова οἶνος *вино*, и ὀτρύνειν, *побуждать* потому что въ сей странѣ много винограду родится. Италїею называется она отъ Итала Сицилїйскаго короля, или также отъ стариннаго Греческаго слова ἰταλοὶ по Руски *волы*, которыми древле страна сїя изобиловала.

„ Отъ поздна рода сей въ Италїю предѣлъ.
„ Во оный по волнамъ Троянскїй флотъ летѣлъ:
„ Какъ съ Орїономъ вдругъ бурливый вѣтръ возвѣявъ,
„ И въ водной быстринѣ всѣ врозь суда разсѣявъ,
„ По камнямъ разметалъ и пагубнымъ мѣлямъ;
„ Не многи спасшися достигли къ симъ брегамъ.
„ Увы, къ какой странѣ привергъ насъ рокъ упорный!
„ Какїе варвары быть могутъ толь злотворны?
„ Пришельцевъ не хотятъ въ пристанище принять;
„ Заводятъ бунтъ, претятъ при краѣ моря стать.
„ Коль смертныхъ мечь вдохнуть не силенъ въ васъ боязни,
„ Грядущїя съ небесъ возтрепещите казни.
„ Въ царя намъ былъ Еней, что духа правотой,
„ И бранноносною всѣхъ превышалъ рукой.
„ Коль онъ еще красы сего вкушаетъ мїра,
„ И наслаждается дыханїемъ еѳира,
„ Когда еще не палъ подземныхъ тѣней въ тьму;
„ Не двигнется нашъ духъ ужасныхъ бѣдъ въ грому,
„ И ты не нарушишь души своей покою
„ Заслугою къ сему, Монархиня! герою.
„ Довольно ради насъ и въ Сицилїи мѣстъ,
„ Потребностей къ житью: тамъ княжитъ нашъ Ацестъ;
„ Дозвольте лишь суда на берегу поставить,
„ И разрушенныя въ нихъ части переправить;
„ Дабы, коль можно намъ, сообщниковъ, царя,
„ Обратно получивъ, плыть въ Латїй чрезъ моря,
„ Съ сердечной радостью во оный мы пустились;
„ Когдажь послѣдняго спасенїя лишились,
„ И ты, Отецъ Троянъ! средь водъ морскихъ погрязъ,
„ Асканїй нашея надежды лучь погасъ,

„ Пускай

681) *Орїонъ* предвѣщающее бурю созвѣздїе на небѣ.

„ Пускай въ Сицилїю , въ тѣ возвратимся кровы ,
„ Которы отъ царя Ацеста намъ готовы.
Илїоней симъ рѣчь къ Дидонѣ окончилъ,
Весь сонмъ Троянъ ее согласно подтвердилъ.
Царица взоръ низведъ „ спокойтесь , имъ вѣщаетъ ,
„ Отриньте страхъ , пловцы , что сердце вамъ терзаетъ.
„ Колеблющїйся тронъ и нужда мнѣ велитъ
„ Оберегательный въ предѣлахъ ставить щитъ.
„ Кому Енеевъ родъ и слухъ невѣдомъ Трои ,
„ Войны ужасной громъ , и славны въ ней герои ?
„ Въ Финикїянахъ смыслъ не вовсе помраченъ ,
„ И солнца путь отъ насъ не вовсе удаленъ ;
„ Въ вечернюю вы страну , въ Сатурново плыть царство
„ Иль въ Сицилїйское хотите государство ,
„ Препроводить своимъ васъ воямъ прикажу ,
„ Въ напутствїе вещьми потребными снабжу.
„ Но естьли съ нами здѣсь сопребывать хотите ,
„ Се градъ , что зижду , вашъ ; суда на брегъ влеките.
„ Троянъ и Тирянъ я всѣхъ равно покрывать ,
„ Какъ тѣмъ такъ и другимъ , всѣмъ обща буду мать.
„ Желалабъ я , что бы дыханїй бурныхъ сила
„ И вашего царя къ Ливїи привратила.
„ Нарочныхъ для него по взморью разошлю ,
„ Всѣ Африки концы изслѣдить повелю ,
„ Не странствуетъ ли гдѣ въ градахъ , иль межь древами ,
„ Изверженный на брегъ свирѣпыми волнами.

Еней ,

---

720) *И солнца путь* и проч. Древнїе обитающихъ въ холодныхъ климатахъ народовъ почитали грубыми и малосмысленными. Аристот. въ I. кн. полит. Но сїе предразсужденїе нещетными опытами опровержено.

721) *Вечерняя страна , Сатурново царство* есть Италїя. См. выше

Еней, Ахатъ, рѣчьми Дидоны ободрясь,
Едва могли терпѣть, изъ мглы на свѣтъ стремясь.
Енея тутъ Ахатъ вопросомъ предваряетъ:
„Богининъ сынъ! теперь что духъ твой умышляетъ?
„Все видишь въ цѣлости, сопутниковъ, и флотъ;
„Единъ погибъ Оронтъ, что межь кипящихъ водъ
„При нашемъ зрѣніи, смерть воспріялъ сурову.
„Все прочее сбылось по матернему слову.
Едва сказать успѣлъ, туманъ развившись вдругъ
Преобратился весь въ еѳирный тонкій духъ;
Еней въ сіяніи является великомъ,
И станомъ божеству подобяся и ликомъ.
Ему пристойность мать вдохнула во власа,
Румяность нѣжну въ зракъ, пріятность въ очеса;
Такъ въ мраморѣ красу злато усугубляетъ,
Слоновой кости блескъ художникъ возвышаетъ.
Внезапу вождь Троянъ передъ царицу ставъ
„Се здѣсь, взгласилъ, Еней отъ водъ потопныхъ здравъ!
„О ты, что двигнулась жалѣніемъ сердечнымъ
„Надъ разрушеніемъ Троянскихъ стѣнъ конечнымъ,
„Что насъ, остатокъ малъ отъ Греческихъ мечей,
„Страдальцевъ жалостныхъ средь суши и морей,
„Стенящихъ гнуснаго подъ бременемъ нищетства
„Пріемлешь своего въ участіе сосѣдства!
„Благодареніе достойное принесть
„Недостаетъ намъ силъ; и все, коль много есть
„Троянъ разсыпанныхъ пространному по кругу,
„Не могутъ такову вознаградить заслугу.
„Да щедры небеса (когда есть отъ высотъ
„Цвѣтущихъ на земли призрѣніе добротъ,
„Коль правосудіе гдѣ въ свѣтѣ обитаетъ,)
„И совѣсть чистая, что тьмы утѣхъ раждаетъ,

 „Достой-

„ Достойную тебѣ мзду воздадутъ за насъ.
„ Коль щаслива звѣзда сїяла въ оный часъ,
„ Какъ солнца тя лучи впервые озарили!
„ Благословенны тѣ, что въ свѣтъ тебя родили!
„ Доколь источники дань понту проливать,
„ Высокихъ горъ верьхи въ долины тѣнь бросать,
„ Доколь небесный кругъ сїять звѣздами станетъ;
„ Дотолѣ честь твоя и слава не увянетъ;
„ Во всѣхъ странахъ, гдѣ я, пребудетъ та со мной.
Скончавши тако рѣчь, Ильїонея десной
Сергеста шуею рукою обымаетъ,
Клоанѳа, Гїаса, и прочихъ лобызаетъ.
Внезапу явльшїйся на сонмищѣ людей,
Дотоль подъ облакомъ невидимый Еней
Восторгомъ поразилъ Сидонской духъ царицы,
Герой нещастїемъ въ чужи замченъ границы!
Какъ разрѣшившїйся отъ изступленья умъ
Обычну воспрїялъ спокойныхъ вольность думъ,
„ Богининъ сынъ, рекла, какой рокъ непресѣчной
„ Гоня тебя привергъ къ странѣ безчеловѣчной?
„ Ты славный тотъ Еней, котораго Анхизъ
„ Съ Венерою родилъ Симойскихъ токовъ близъ!
„ Мнѣ случай не забвенъ, какъ Тевкръ отъ Теламона
„ Изъ отчества изгнанъ достигнулъ внутрь Сидона.

„ Ему

---

788) *Симойскихъ токовъ близъ.* Многїя рѣки получили славу отъ тѣхъ героевъ, которые на брегахъ ихъ родились. Изъ сего мѣста нѣкоторыя заключаютъ, что Анхизъ былъ скотоводецъ. Ловитва и пажить у праотцовъ всѣхъ почти народовъ были въ почтенїи.

789) *Тевкръ* сынъ *Теламона* царствовавшаго на островѣ Саламинѣ, послѣ Троянской войны возвратясь въ отечество, изгнанъ былъ отъ отца своего за то, что оставилъ безъ отмщенїя смерть

„ Ему селиться вновь отецъ мой споспѣшилъ,
„ Что плодоносный Кипръ въ то время полонилъ,
„ И удержалъ въ своей весь оный островъ власти:
„ Съ тѣхъ поръ извѣстны мнѣ Дарданіи напасти,
„ Твое, и Греческихъ героевъ имена.
„ Троянской храбрости честь должна отдана
„ Самимъ противникомъ, который тѣмъ хвалился,
„ Что будто отъ Троянъ и онъ на свѣтъ родился.
„ Мужайтесь, воины, грядите въ мой чертогъ;
„ По многимъ и меня не меньше жребій строгъ
„ Бросая золъ волнамъ, едва здѣсь далъ починуть;
„ Воставша помню долгъ поверженныхъ воздвигнуть.
Вѣщая тако въ свой ведетъ Енея кровъ,
Велитъ куреніе готовить въ честь боговъ,
Къ сопутникамъ на брегъ шлетъ двадесять рогатыхъ
Воловъ, убитыхъ сто вепрей щетиноватыхъ,
Красящихся волной сто съ агнцами овецъ;
Довольство шлетъ вина, веселія сердецъ.
Чертоги внутренни убранны блещутъ въ златѣ;
Въ середней для Троянъ готовятъ пиръ палатѣ;
Высокимъ мастерствомъ истканные ковры
Обои на стѣнахъ являютъ цвѣтъ зари;
Сосуды по столамъ сіяютъ драгоцѣнны,
На коихъ хитрою рѣзьбой изображенны
По ряду Тирскихъ всѣхъ владѣтелей дѣла,
Чѣмъ каждаго изъ нихъ отлична жизнь была.

брата своего Аякса, который хитростію Уликса, лишенъ будучи права на Ахиллесову воинскую збрую, самъ себя умертвилъ отъ несносной печали. Изгнанный *Тевкръ*, прибывъ въ островъ Кипръ, споспѣшествующу Вилу Дидонину отцу, создалъ тамо градъ по имени отечества своего *Саламинъ*.

Еней отеческой любовью пламенѣя
Ахата шлетъ на флотъ, чтобъ извѣстивъ скорѣя
Асканїя о семъ, привелъ во Карѳагенъ;
Въ Асканїя его весь помыслъ углубленъ.
Повелѣваетъ имъ нести съ собою дары,
Неповрежденные Троянскими пожары;
Злату узорами порфиру изшвену,
Одежду верьхнюю вокругъ изпещрену
Багряными черты, драгой уборъ Елены,
Что увезла съ собой, оставивъ какъ Мицены
На недозволенный въ Пергамъ бѣжала бракъ,
Пречудный Лединъ даръ, въ усердїя къ ней знакъ;
Жемчугъ на выю, скиптръ, алмазную корону,
Уборъ въ щастливы дни красившїй Илїону
Старѣйшую отъ всѣхъ Прїамовыхъ дщерей.
Ахатъ усердствуетъ указъ исполнить сей.
Но новыя межъ тѣмъ коварства составляетъ,
И новы хитрости Венера умышляетъ,
Чтобъ Купидонъ принявъ Іуловъ ростъ и взоръ
Вомѣсто шелъ его въ Дидонинъ царскїй дворъ,
И предложивъ дары Троянскїе предъ нею,
Воспламенилъ въ ней грудь любовїю къ Енею.
Смущаетъ духъ ея зломышленный дворецъ,
Клятвопреступчивость Пуническихъ сердецъ;

Свирѣп-

---

828) *Леда* Геленина мать, Тиндара Лаконскаго короля супруга.

829) *Жемчугъ на пыю.* Прежде переведено было *жемчужны лерла.* Но нѣкоторая Великая и просвѣщенная Особа предостерегла меня сказавъ, что *лерла* у насъ съ Нѣмцами общее слово, и притомъ оно для поемы нисковато. Славенское *монисто* для многосложїя въ стихъ невмѣстно; Руское *складенъ* не складно.

840) *Пуническихъ сердецъ*, т. е. Карѳагенскихъ жителей. *Пуническїй* произошло отъ *Финическїй*, или *Финикїйскїй*, потому что Финикїане создали Карѳагенъ, какъ выше явствуетъ.

Свирѣпствомъ дышуща Юнона мысль тревожитъ;
Ночная темнота печальны думы множитъ.
Чего для симъ дитя крылатое блажитъ:
„Любезный сынъ, моя надежда, крѣпость, щитъ,
„О сынъ, что тѣ единъ пренебрегаешь стрѣлы,
„Чѣмъ свергъ Тифея Зевсъ въ подземные предѣлы!
„Къ тебѣ; о божество! днесь прибѣгаю я,
„И помощи прошу съ покорствомъ твоея.
„Какъ влается Еней, твой брать одноутробной,
„Среди жестокихъ волнъ, гонимъ Юноной злобной,
„Тебѣ извѣстно то; ты часто сострадалъ
„Въ прискорбіи моемъ, и мнѣ совоздыхалъ.
„Теперь у Тирской онъ царицы пребываетъ,
„Что ласковымъ его привѣтствомъ услаждаетъ.
„Меня сомнѣніе колеблетъ и боязнь,
„Чѣмъ кончится сія Юнонина пріязнь.
„Она непреминетъ въ сей случай толь способный
„Произвести на насъ свои затѣи злобны.
„И такъ дабы ее въ коварствѣ упредить,
„Я мышлю страстію Дидону вспламенить,
„Чтобъ кое божество въ ней мысль не премѣнило;
„Въ ней сердцебъ объ одномъ Енеѣ говорило.
„Но наши замыслы дабы успѣшно шли,
„Какой изобрѣла я путь къ тому, внемли.
„Младый Троянскій князь, Енеевъ плодъ, Асканій,
„Предмѣтъ моей любви и ревностныхъ стараній,

846) *Тифей* единъ отъ Гигантовъ противу Зевеса воевавшихъ.
856) *Юнонина пріязнь.* Здѣсь весьма замысловато подзорчивая Венера обращаетъ рѣчь свою вдругъ на Юнону, когда теченіе слова, какъ кажется, требовало, чтобъ она сказала: *Дидонина пріязнь.* И ниже рѣченіями: *чтобъ кое божество* съ немалымъ остроуміемъ даетъ читателю доразумѣвать *Юнону.*

„ Дражайшаго отца призывомъ побужденъ,
„ Готовится нести дары во Карѳагенъ
„ Оставши отъ огней испепелившихъ Трою
„ И безднъ грозившихъ имъ потопною водою.
„ Сего я усыпивъ на верьхъ Цитерскихъ горъ
„ Иль во Идалію, гдѣ нѣжностей соборъ,
„ Перенесу, и тамъ въ священномъ мѣстѣ скрою,
„ Чтобъ не былъ въ дѣлѣ семъ препоной намъ какою.
„ Ты на едину ночь въ него преобразись,
„ И какъ дитя въ лицѣ дитяти покажись;
„ Дабы, когда тебя прекрасная Дидона
„ Пріятствъ, и своего въ пиръ удостоитъ лона,
„ Въ объятіяхъ своихъ начнетъ тебя лобзать,
„ Ты въ сердце могъ ея любовну страсть вліять.
Амуръ послушенъ ей, крылѣ съ себя слагаетъ,
Веселымъ шествіемъ Іулу подражаетъ,
Венера коему глубокій сонъ наведъ
Внутрь нѣдръ его своихъ въ Идалію несетъ,
Въ священны рощи, гдѣ среди видѣній сонныхъ
Покрыла ликъ его цвѣтовъ тѣнь благовонныхъ.
Ужь радостный Амуръ грядетъ съ дарами въ градъ;
Ему усердный вождь спутьшествуетъ Ахатъ.
Какъ вшелъ въ чертогъ, уже средь ложа позлащенна,
Великолѣпными коврами покровенна,
Царица возлегла; ужь приступалъ Еней
Весельемъ разтворенъ сопиршествовать ей,

И

---

871) *Цитерскихъ горъ.* *Цитера* островъ на Средиземномъ морѣ.

872) *Идалія* городъ и роща въ островѣ Кипрѣ.

891) *Царица возлегла.* Обычай *возлежанія при столѣ*, вошелъ къ Римлянамъ отъ погруженнаго въ роскошь восточнаго народа,

И бывшïе при немъ Троянскïе вельможи.
Готовились занять червленовидны ложи.
Для омовенья рукъ водою полнъ сосудъ,
Хлѣбъ въ кошницахъ на столъ и чистый виссъ несутъ.
Великïй сонмъ къ тому служебницъ былъ приставленъ,
Чтобъ пиршественный столъ по должности исправленъ,
Курилсябъ ѳимïамъ домашнихъ въ честь боговъ.
Сверьхъ оныхъ сто рабынь, и столько же рабовъ
И ростомъ и лицемъ другъ другу сообразныхъ
Столъ бременятъ питьемъ и снѣдьми вкусовъ разныхъ.
Сидонскимъ такожде вельможамъ и князьямъ
По распещреннымъ взлечь приказано одрамъ.

Дивитъ

уже по покоренïи Азïи. Около каждаго стола обыкновенно становили по три ложа; по чему и храмина, въ которой они вечери свои отправляли, называлась у нихъ *triclinium*, какъ бы сказать *треложïе*, у насъ *столовая*. Однако женской полъ изъ благочинïя наблюдалъ старинной обычай *сидѣть за столомъ*. При Августѣ, выходилъ онъ изъ употребленïя у частныхъ людей по домамъ, и хранился только при священномъ пиршествѣ въ Капитолïи, какъ видно изъ Валер. Макси. кн. 2. Что до Африканцовъ, Титъ Ливïй въ кн. 28. гл. 18. говоритъ, что они имѣли обычай *возлежать при столѣ* еще во времена Сципïона и Сифакса. По чему Виргилïй здѣсь говоритъ такъ чрезъ примѣненïе къ оному варваровъ обычаю. Но толкователи Виргилïевы въ семъ мѣстѣ не согласны. Иные говорятъ, что не прилично было Дидонѣ возлежать на одномъ ложѣ съ Енеемъ, и оныя слова *mediamque locauit* взимаютъ въ такомъ разумѣ, что она возлегла на ложѣ посреди другихъ ложь стоящее. Иные напротивъ того утверждаютъ, что въ разсужденïи обычая Африканцовъ сïе не могло быть предосудительно, и изъ 920 строки доказываютъ, что Асканïй, или Купидонъ на томъ же ложѣ занималъ нижшее мѣсто, главою касаясь Дидониныхъ персей. Ибо родственники и ближайшïе други обыкновенно везлегали на персяхъ того, которой занималъ середнее мѣсто ложи; откуду и Славенское слово *налерьсникъ* происходитъ: а Енею сïи толкователи опредѣляютъ мѣсто выше Дидоны на томъ же ложѣ,

Дивитъ Енеевъ даръ, дивитъ Іулъ ихъ взоры,
Горящій въ богѣ зракъ, притворны разговоры,
Порфира и покровъ пречудной красоты,
На коемъ изгибны багрѣлися черты.
Дидона паче всѣхъ, опредѣленна рокомъ
Къ грядущей гибели, зритъ ненасытнымъ окомъ,
И зрѣніемъ въ себѣ сугубитъ страсти жаръ;
Плѣнитъ ее дитя и драгоцѣнный даръ.
Когда довлетворилъ мечтательный Асканій
Енеевой любви, пріятностью лобзаній
И выи въ радости объятіемъ его,
Склонилъ къ царицѣ лесть привѣтства своего;
Она въ дитя свой взоръ и мысли углубляетъ,
И къ персьямъ иногда, любуясь, прилагаетъ.
Не зритъ грядущее надъ сердцемъ торжество,
Колико возлежитъ ей въ лонѣ божество.
По изволенію Амуръ Венеры дѣя
Изъ мыслей гонитъ вонъ Дидониныхъ Сихея,
И покушается любовну страсть вдохнуть
Во праздну, и отъ той давно отвыкшу грудь.
Какъ на столѣ приносъ ѣствъ перьвыхъ истощился,
Сосудовъ винами вскрай полныхъ рядъ открылся.
Въ утѣхахъ плаваетъ весь празнствующихъ ликъ
Привѣтственный по всѣмъ чертогамъ слышенъ кликъ.
Висящи свѣщники на позлащенномъ сводѣ
Обильный сыплютъ блескъ, къ пирующихъ угодѣ;
Вожженныхъ свѣтъ лампадъ ночную гонитъ тьму.
Дидона тутъ въ самомъ пирующихъ шуму
Воскликнула къ своимъ, дать чашу золотую
Для многихъ камней въ той сіяющихъ драгую,

Котору

доказывая изъ 2. пѣсн. ст. 2. *toro sic orsus ab alto.* т. е. *началъ вѣщать съ горняго мѣста ложа.*

Котору первый Вилъ, и бывшіе по немъ
Цари при случаѣ употребляли семъ.
Когда сладчайшимъ ту виномъ обременила,
Среди безмолвія чертоговъ возгласила:
„Зевесъ, податель намъ гостепріемныхъ правъ!
„Благоволи, да сонмъ Троянъ и Тирянъ здравъ
„И невредимъ, сей день въ утѣхахъ препроводитъ,
„Да память онаго изъ рода въ родъ преходитъ.
„Присудствуй съ нами, Вакхъ, веселія творецъ;
„Умножь Юнона намъ довольствіе сердецъ;
„И вы, о Тиряне, въ бесѣдѣ намъ виновной
„Толикихъ радостей, являйте духъ любовной.
Рекла, и восклонивъ златую чашу въ долъ,
Взліяла нѣсколько капль жертвенныхъ на столъ;
Возливши краемъ устъ сама коснулась оной,
Потомъ взоръ обративъ къ Битію благосклонной
Ему изъ рукъ своихъ напитокъ подала,
Прошеніемъ, чтобъ пилъ некосненно, снизшла;
Онъ чашу отъ нея пріявъ рукою смѣлой,
Гдѣ пѣною вино еще мутилось бѣлой,
Однимъ пріемомъ всю, какъ прошенъ, изпразднилъ,
И съ спѣшностью пія край ризъ своихъ облилъ.
По немъ пить прошены вельможи всѣ по ряду.
Во знакъ привѣтства имъ, сугубя дня отраду,
Іовей долгими власами сановитъ,
На цитрѣ, коя вкругъ позлащена горитъ,
Играетъ, всѣхъ плѣня пріятностью музыки,
Тѣ знанія, чему училъ Атлантъ великій.

935) *Вилъ* древній Финикійскій царь, праотецъ Дидоны.
936) Т. е. при случаѣ жертвеннаго возліянія.
950) *Битій* Финикійскій вельможа.
962) *Атлантъ* Мавританскій царь, великій въ древности астрономъ, понеже не рѣдко съ высокихъ горъ наблюдалъ теченіе пла-

Онъ бѣгъ поетъ луны, затмѣніе лучей,
Начало человѣкъ, пернатыхъ, и звѣрей,
Причины, что родятъ дождь, молнію и грады;
Арктура, Тріоновъ, и бурныя Гіады;
Чего для въ мразы Фебъ спѣшитъ крыть въ волны день,
Почто въ зной медлѣнно на землю всходитъ тѣнь.
Тамъ радостный даютъ руками плескъ Тиряне,
Имъ восхищенные сотвѣтствуютъ Трояне.
Дидона въ разныхъ тутъ бесѣдахъ ночь вела,
И нечувствительно любовну страсть пила;
Енею многіе вопросы предлагая,
Пріама въ рѣчь свою, то Гектора мѣшая,
То Мемнона, съ какимъ оружіемъ онъ былъ;
Какихъ коней въ корысть Діомидъ получилъ;
Сколь силой Ахиллесъ прославился своею;
Иль паче съ самаго, рекла межь тѣмъ Енею,
„Начала намъ повѣждь, о вожделѣнный гость!
„Паденье Тройскихъ стѣнъ, судьбины вашей злость,
„Героевъ Греческихъ и хитрость и тиранство,
„Твое и спутниковъ плачевнѣйшее странство:
„Съ отечествомъ простясь, седьмый уже ты годъ
„Повсюду носишся средь суши и средь водъ.

нетъ, подалъ поводъ къ баснословію, яко бы онъ самъ превращенный въ гору держитъ на плечахъ своихъ небо.

966) *Арктуръ*, *Тріоны*, *Гіады*, созвѣздія на небѣ.

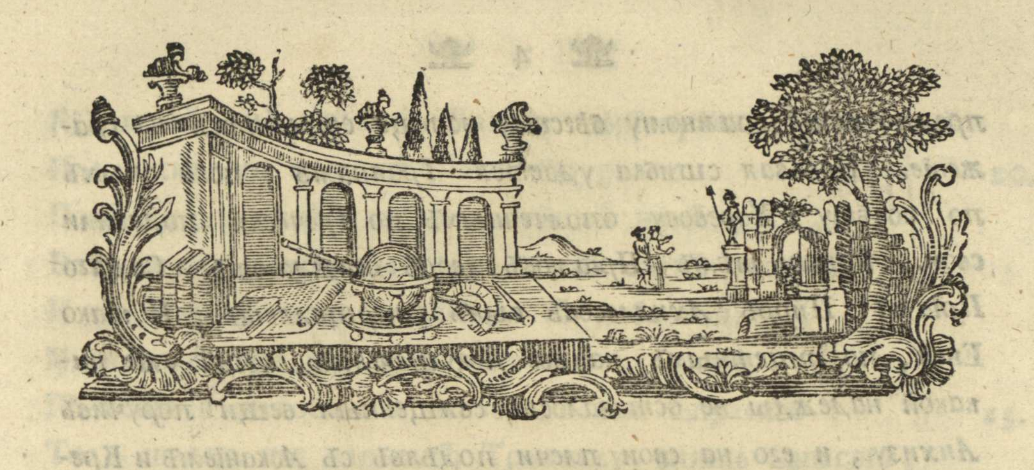
972) *Любовну страсть пила.* Виргилій умышленно полагаетъ слово *пила* относя оное къ пиру.

ЕНЕЙ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА

ПУБЛІЯ ВИРГИЛІЯ МАРОНА.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.



СОДЕРЖАНІЕ.

Еней повинуясь изволенію Дидоны повѣствуетъ порядокъ разоренія Трои. Десятилѣтнею войною изнуренные и обезсиленные Греки прибѣгаютъ къ хитрости, и нощію притворивъ бѣгство, скрываются около Тенеда, оставя на Троянскомъ полѣ деревяннаго коня огромной и градскими вратами невмѣстимой величины, во чревѣ котораго засаждены были избраннѣйшіе полководцы. Трояне съ одной стороны хитростію Синоновой побужденные, съ другой Лаокоонтовой казнію ужасенные, разрушивъ часть городской стѣны, вводятъ коня и поставляютъ въ крѣпости. Въ самую полночь Греки отъ Тенеда пустившись, онымъ проломомъ стѣны, которымъ проведенъ былъ конь, врываются въ городъ. Синонъ отрѣшивъ заклепы конскаго чрева испускаетъ вооруженныхъ. Все огнь и мечь пожираетъ. Между тѣмъ Гекторъ въ сонномъ видѣніи повелѣваетъ Енею спасаться бѣгствомъ, и исхитить изъ пламени отечественныхъ боговъ. Но Еней честную смерть

предпочитая срамному бѣгству вотще стремится на сраженіе. Перьвая сшибка удается Троянамъ, пока оныхъ по совѣту Хоревову ополченныхъ по Гречески подавили свои. Между тѣмъ Пріамовъ дворъ осаждаютъ. Самаго Пріама Пирръ Ахиллесовъ сынъ умерщвляетъ. И тако Еней, по тщетныхъ на все покушеніяхъ, когда уже никакой надежды не оставалось, священныя вещи поручивъ Анхизу, и его на свои плечи подъявъ съ Асканіемъ и Креузою бѣгу предается. Греки созади его постизаютъ. Въ ономъ смятеніи лишается онъ Креузы своея супруги; для возвращенія которой, ходящу ему по всему городу встрѣчается тѣнь ея, и извѣщаетъ о ея смерти. Онъ возвращается къ сопутникамъ, куда уже великое множество стеклося мужескаго и женскаго полу, его путеводительству, во всѣ страны готово послѣдовать.

* * *

Умолкли всѣ, вождю мужей Троянскихъ внемля;
Онъ ложа съ высоты вѣщати предпріемля,
Бесѣда, кою, рекъ, Царица! мнѣ прострѣть
Повелѣваеши, есть томна сердцу смерть;
Смерть томна вспоминать, коварны како Греки
Владычество Троянъ разрушили на вѣки;
Плачевнѣйшій театръ! гдѣ кажда бытія
Иль самовидѣцъ былъ или участникъ я.

Кїй

Кій воинъ изъ полковъ Улисса лютонравна,
Иль Ахиллеса льву свирѣпостію равна
Повѣдая другимъ, толь пагубный намъ рокъ,
Возможетъ удержать горчайшихъ слезъ потокъ?
И се денница ночь и звѣзды съ неба гонитъ,
И тяготѣющи къ дреманью очи клонитъ.
Но естьли жалости и любопытства страсть
Толь сильно тя влечетъ Троянску внять напасть,
Хоть самое тоя во мысляхъ вображенье
Наноситъ ужасъ мнѣ, болѣзнь и отвращенье,
Покорствуя тебѣ, владычица! начну.
Вельможи Гречески, въ толь долгую войну,
Отъ тяжести трудовъ и тратъ изнеможенны,
Немилостивой имъ судьбою отраженны,
Оружья браннаго пересѣкаютъ шумъ
И направляютъ свой къ презрѣнной козни умъ;
Внимая совѣсти глашенью вѣроломной
Устроили коня величины огромной;
Въ немъ ребра хитростно изъ древъ сотворены;
Минервой Греки въ томъ самой умудрены.
Притворствуютъ, что ей конь оный въ даръ воздвигнутъ,
Да щастливо въ свое отечество достигнутъ;
Что таковый обѣтъ межь ними положенъ;
Сей слухъ немедлѣнно повсюду разглашенъ:
Но неусыпно намъ вредъ мыслящи злодѣи,
Прескрытнымъ образомъ ведя свои затѣи,
Да Трои нанесутъ рѣшительный ударъ,
Вождей, которымъ влитъ геройства вящій даръ,

Во мрачную коня утробу заключаютъ,
И воями въ немъ всѣ пещеры отягчаютъ.
Противъ Троянскихъ стѣнъ въ виду Тенедъ лежитъ,
Что былъ межъ острововъ богатъ и именитъ,
Во время нашея державы безмятежно,
Днесь лишь пристанище пловущимъ ненадежно;
Въ немъ Греки на пустыхъ сокрылися брегахъ,
Мы мнили, рать враговъ на дерзостныхъ судахъ
Поплывша вспять отъ насъ на вѣки удалилась.
Вся Троя разрѣшась отъ бѣдъ, возвеселилась,
Отверзлись градскіе отъ всѣхъ сторонъ врата;
Исходимъ не боясь зрѣть праздныя мѣста,
Геройской кровію багрѣющіе бреги,
Толь славны ихъ и насъ взаимными набѣги.
Здѣсь былъ Долопскій станъ, между собой речемъ,
Подъ сѣнью Ахиллесъ сыпалъ на мѣстѣ семъ,
Се брегъ, который былъ обставленъ вражьимъ флотомъ,
Се поле, сильнымъ гдѣ сражалися оплотомъ!
Межъ тѣмъ Троянъ толпы, одни другихъ тѣсня,
Во изумленьи взоръ возводятъ на коня,
Опредѣленнаго безбрачной въ даръ Палладѣ;
Чудятся въ гибель имъ воздвигнутой громадѣ.
И перьвый сонмищу народному Тиметъ
Во краеградіе весть ону далъ совѣтъ,
По злобѣ, иль уже судьбы по произволу
Клонящей силою верьхъ пышной Трои долу.
Но Каписъ напротивъ и нѣки изъ Троянъ,
Которымъ вышшій смыслъ отъ щедра Неба данъ,

Опасный Грековъ даръ, на Трою кова полный
Велятъ во жрущія стремглавъ повергнуть волны,
Иль въ жертву пламени свирѣпому предать,
Иль свердлами, что въ немъ сокрыто, испытать.
Во безъизвѣстности криклива чернь тогдашной
Жестокій споръ вела о сей махинѣ страшной;
Но се Лаокоонтъ народа со толпой
Изъ крѣпости бѣжа стремительной стопой
„Нещастны, издали возноситъ кликъ, граждане!
„Какое буйство въ васъ вселилося, Трояне?
„Не ужь ли мните вы уплывшихъ вспять враговъ?
„Отъ Грековъ искреннихъ надѣетесь даровъ?
„Се како хитрости Улиссовы вамъ вѣстны!
„Конечно въ семъ конѣ запали Греки лестны;
„Иль онъ согроможденъ на гибель нашихъ стѣнъ,
„Чтобъ Трою обозрѣть и всю сожечь во тлѣнъ.
„Какій ни есть обманъ тутъ кроется всемѣрно:
„Не поступайте съ сей махиной легковѣрно.
„Отъ Грековъ самый даръ опасенъ для меня.
То рекъ, и силой всей пустилъ копье въ коня.
Оно, какъ въ воздухѣ съ ужжаніемъ неслося,
Межь реберъ онаго, вонзенно затряслося;
Во чрева пустотѣ, жилищѣ нашихъ мукъ,
За удареньемъ въ мигъ раздался громкій звукъ;
И ежелибъ Небесъ судьбы не помѣшали
И мы на оный часъ со всемъ не обуяли,
Лаокоонтовъ насъ довлѣлъ склонить примѣръ
Сѣщи огромну связь намъ гибельныхъ пещеръ;

О естьлибъ сталось то, тыбъ Троя процвѣтала,
Тыбъ слава и поднесь въ Пергамѣ обитала!
Межъ тѣмъ, какъ мы внѣ вратъ вокругъ коня коснимъ
Недоумѣющи, что предпріяти съ нимъ,
Внезапный шумъ и крикъ услышанъ издалека:
Троянски пастухи, цвѣтуща лѣты Грека
Влекутъ поиманна во узахъ предъ царя!
Сей льстецъ, умышленно на встрѣчу ускоря,
Въ ихъ руки, какъ чужой, предался самъ собою;
Да хитростію сей отверзетъ Грекамъ Трою.
Онъ шелъ надѣяся на полну козней грудь,
И будучи готовъ умреть иль обмануть;
Троянски юноши къ нечаянному чуду,
На плѣнника смотрѣть, стекаются отвсюду.
Въ нещетномъ множествѣ обставъ его кругомъ
Посмѣяваются въ нещастьи надъ врагомъ.
Внемли, Царица, днесь, коль Греки льстятъ искусно;
Познай чрезъ одного, коль все ихъ племя гнусно.
Во узахъ онъ, смятенъ, представленный въ позоръ,
Стоялъ молча, и свой возведши окрестъ взоръ,
„О горе! возопилъ, гдѣ, гдѣ въ разверсту землю
„Сокроюся отъ бѣдъ, которы я подъемлю?
„Иль естьли мя земля не можетъ поглотить,
„Въ какихъ моряхъ мнѣ жизнь, повергшись, прекратить?
„Куда прибѣгну всѣхъ жалчайшій человѣковъ,
„Которому нигдѣ покоя нѣтъ у Грековъ,
„И кой отъ мести ихъ нещастливый бѣглецъ
„Здѣсь долженъ отъ Троянъ погибнуть на конецъ!

Толь жалобная рѣчь, и скорбна и плачевна
Подвигла насъ, утихъ мятежь народа гнѣвна.
Тронувшися его нещастною судьбой
Кто родомъ онъ таковъ, что знаетъ за собой,
Со ласковостiю велимъ ему повѣдать,
Чтобъ, правъ иль виненъ онъ, изъ словъ его увѣдать.
Избавясь страха, кой уста его вязалъ,
„Великiй Государь! Прiаму онъ сказалъ,
„Во всемъ передъ тобой по истиннѣ признаюсь,
„И что отъ Грека я рожденъ, не отрицаюсь.
„Хотя Синона рокъ содѣлалъ бѣглецомъ,
„Синона злобный рокъ не сдѣлаетъ лжецомъ.
„Я чаю, ты слыхалъ когда либо въ бесѣдѣ
„О славномъ, влекшемъ родъ отъ Вила Паламедѣ,
„Котораго предъ симъ, о зависть, клевета!
„Аргивцы бѣдственно лишили живота,
„Возведши на него преступка странна мерзость,
„Измѣны къ отчеству богопротивну дерзость;
„Но въ самомъ дѣлѣ ту казнили въ немъ вину,
„Что онъ склонялъ пресѣчь со Троею войну.
„Но Паламедъ хоть сталъ нещастна злобы жертва,
„Теперь онижь его оплакиваютъ мертва.
„Съ симъ храбрымъ воиномъ и сродникомъ моимъ
„Отецъ мой скудостью въ отечествѣ тѣснимъ,
„Послалъ меня на брань подъ Трою малолѣтна,
„Надѣясь, мнѣ при немъ жизнь будетъ безнавѣтна.
„Пока герой сей дни безбѣдственные велъ,
„И Грековъ сонмъ ему препорученный цвѣлъ;

„Подъ тѣнїю его и я казался видѣнъ,
„И мой во щастьи блескъ былъ сверстникамъ завидѣнъ.
„Но какъ по зависти Улиссовой къ нему,
„(Вѣщаю, свѣту что извѣстно есть всему,)
„Онъ жизни былъ лишенъ, и я одинъ остался,
„Я влекъ прискорбны дни, и въ мракѣ пресмыкался,
„О другѣ безъ вины погибшемъ тосковалъ,
„Терзался внутрь себя, его убивца клялъ,
„И попустившися въ негодованье крайне
„Движенїя души не могъ сдержати въ тайнѣ;
„Но естьли случай гдѣ способный получу,
„Иль естьли въ отчество обратно прилечу,
„Грозилъ безумный мстить смерть друга неотложно.
„Сїе прещенїе мое неосторожно
„Источникомъ моихъ содѣлалося бѣдъ.
„Съ сихъ поръ безстудный лжей сплетатель и клеветъ
„Улиссъ вины на мя взводити сталъ напрасны,
„Разсѣявать о мнѣ молвы въ народъ опасны;
„И чувствуя въ душѣ грызенїя своей
„Возможныхъ средствъ искать къ погибели моей;
„Ниже спокоился, зломышленникъ, дотолѣ,
„Какъ по своей уже склонивъ Калханта волѣ. . .
„Но что бесѣдой сей вамъ слухи утруждать?
„Мнѣ въ томъ спасенья нѣтъ; чего мнѣ больше ждать?
„Когда вы равно всѣхъ врагами Грековъ чтите,
„Я Грекъ, довольно вамъ; на казнь меня влеките.
„Сїе Улиссова верьхъ щастья и отрадъ,
„Сїе Атреевыхъ безцѣнно благо чадъ.

Не мысля, чтобъ жила толь гнусна въ Грекахъ совѣсть,
Мы жаждемъ отъ него подробну слышать повѣсть.
Начату продолжалъ онъ съ прежнимъ страхомъ ложь:
„У Греческихъ войной ослабленныхъ вельможь
„Пуститься вспять, не разъ въ намѣренїи было,
„[И о когдабъ давно ихъ Небо удалило!]
„Всегда шумящїй понтъ пересѣкалъ имъ путь,
„Всегда упорствовалъ противный вѣтеръ дуть.
„Но какъ свершенъ, и здѣсь поставленъ конь огромный
„Ударилъ дождь и градъ и трескъ изъ тучей громный.
„Дабы сомнѣнїе въ семъ случаѣ рѣшить
„Во Дельфахъ божество живуще вопросить
„Былъ посланъ Еврипилъ со общаго совѣта;
„Онъ ужасъ намъ оттоль сего принесъ отвѣта:
„Отверзла въ Трою путь вамъ кровїю княжна,
„Чтобъ отчества достичь, кровь Грека днесь нужна.
„Коль скоро сей пришелъ народу гласъ во уши
„Какъ громомъ поразилъ жестокимъ страхомъ души.
„Всякъ мыслилъ; не емуль итти изъ свѣта вонъ,
„На жертву не еголь взыскуетъ Аполлонъ.
„Калханта съ шумомъ тутъ извлекши на средину
„Усиливалъ Улиссъ открыть небесъ судьбину.
„И мнѣ ужь многи сей предвидѣвшїе ковъ
„Внушили, что Улиссъ мнѣ роетъ смертный ровъ
„Жрецъ десять дней молчалъ, и въ домѣ сокрывался,
„На ближняго изречь судъ смерти отрекался.
„Въ послѣдокъ будто бы Улиссомъ привлеченъ
„Изрекъ; я обмеръ! я той жертвой обреченъ!

„Всякъ радовался, что державша всѣхъ въ боязни
„На одного меня упала тяжесть казни.
„И се уже и день погибельный насталъ,
„Къ закланїю Калхантъ готовится сталъ,
„Мукой и солїю мнѣ темя окропленно,
„И жертвеннымъ чело убрусомъ обложенно;
„Влекутъ ко олтарю; ножь вземлетъ въ руку жрецъ!
„Тутъ смерти страхъ мнѣ былъ спасенїя творецъ,
„Онъ силы мнѣ вдохнулъ къ природнымъ силамъ новы;
„Рванувшися, расторгъ желѣзны я оковы,
„И, сколь мя быстрость ногъ нести могла, бѣжалъ,
„При блатѣ во травѣ сокрывшися лежалъ;
„Безсоненъ былъ всю ночь, и ждалъ во всѣ минуты,
„Не двигнутся ли въ путь жертвоприносцы люты.
„И тако мнѣ уже внѣ отчества умреть,
„Возлюбленныхъ дѣтей, и рождьшаго не зрѣть;
„Тиранны ихъ на казнь за мой побѣгъ восхитятъ,
„И злость свою ко мнѣ ихъ кровїю насытятъ.
„Во всей подсолнечной нещастнѣйшая тварь,
„Припадъ, молю тебя, великїй Государь!
„Для Вышнихъ, кои зрятъ всѣ мысли человѣчи
„И внемлютъ, коль мои согласны съ правдой рѣчи;
„Для правосудїя, коль оное сей свѣтъ
„Оставивши, еще въ душѣ твоей живетъ,
„Яви мнѣ гибнущу призрѣнье благостынно,
„Умилосердися надъ страждущимъ безвинно.
Сей зѣльный плачь вселилъ намъ жалость во сердца.
Вседушно даруемъ мы жизнїю лжеца.

Самъ

Самъ узы снять съ него Прïамъ повелѣваетъ,
И дружелюбными словами утѣшаетъ:
„Ктобъ ни былъ ты, на вѣкъ Аргивцовъ позабудь,
„Ты нашъ съ сего часа, мнѣ токмо вѣренъ будь.
„Скажи, къ чему сïя воздвигнута громада?
„Съ какимъ здѣсь умысломъ оставлена у града?
„Благоговѣнïяль сïе какого дань?
„Или орудïе устроенно на брань?
Онъ Грековъ хитростью измлада упоенный,
Вознесши руки въ верьхъ отъ узъ освобожденны,
„Васъ, вѣчны, рекъ, огни, и ваше божество,
„Предъ коимъ смертное трепещетъ естество!
„Олтарь! и ножь, что былъ въ гортань мою направленъ!
„Напасть, отъ коея чрезъ бѣгство я избавленъ!
„И ты убрусъ боговъ, что крылъ мою главу,
„Я васъ теперь, я васъ въ свидѣтельство зову!
„Вмѣнитсяль мнѣ во грѣхъ, что вземлю я отвагу
„Нарушити мой долгъ ко Грекамъ и присягу,
„Изъ ненависти къ нимъ ихъ таинства открыть?
„Мнѣ сыномъ Грецïи ужь болѣе не слыть.
„Ты Троя лишь тверда во данномъ словѣ буди,
„Спасенна мной, меня спасти не позабуди.
„Я истинну тебѣ днесь важну предложу
„Благодѣянïемъ тя знатнымъ одолжу.
„Начатой Греками Троянскïя осады
„Зависѣлъ весь успѣхъ отъ помощи Паллады.
„Но какъ въ нечестïи погрязшïй Дïомидъ,
„И купно съ нимъ творецъ неправды и обидъ

„Улисс из капища исполненна святыни
„Умыслили унесть кумир сея богини,
„И нощію убив стрегущих ту Троян,
„Сей неба к вам залог похитили в свой стан;
„Пренепорочныя ко лентію дѣвицы
„Дерзнули простирать кровавыя десницы:
„С тѣх пор их стала мочь и бодрость упадать;
„Богиня к ним свою пресѣкла благодать,
„И знаки ярости явила несомнѣнны.
„Едва поставлен был в стану кумир священный,
„Сверкнул из быстрых огнь Палладиных очей,
„Соленый с членов пот как водный тек ручей,
„И трижды от земли, о чудо, воспрянула!
„Щитом в рукѣ своей и копіем тряхнула!
„Калхант совѣтует путь морем ускорить,
„Не можно Грекам днесь Пергама покорить;
„Иные надлежит взять в Греціи предзнаки,
„И укрощенную привесть Богиню паки.
„И тако, что в свою пустилися страну,
„Оружье и богов сзывают на войну. [нут:
„Так быть судил Калхант; вновь бранны дни наста-
„Вновь Греки с флотом к вам нечаянно нагрянут.
„Но гнѣвную дабы богиню укротить,
„И беззаконіе свое пред ней омыть,
„Коня оставили во мѣсто здѣсь кумира,
„Котораго Калхант на высоту ефира
„С тѣм умыслом велѣл, как гору, вознести,
„Да не возможете во град его ввести.

„Да поклоняема въ конѣ отъ васъ Минерва
„Не станетъ васъ хранить, какъ охраняла сперва.
„Калхантъ пророчилъ такъ: коль вашихъ рукъ ударъ
„Священный осквернитъ великой дѣвѣ даръ,
„То гибель, [что надъ нимъ самимъ да совершится;]
„Фригїйцамъ настоитъ, и Троя разрушится.
„Но коль введетъ коня внутрь града ваша длань,
„Воздвигнетъ Азїя на Грековъ люту брань;
„Побѣдъ ея вездѣ распространятся звуки,
„И горьку часть сїю пострраждутъ наши внуки.
Сей ядъ, что изо устъ плѣненна Грека текъ,
Очарованныхъ насъ въ ровъ гибели вовлекъ;
Насъ, коихъ сокрушить противныхъ рать несчетна
Ни сильный флотъ не могъ, ни брань десятилѣтна,
Ни Дїомидъ, ни всѣхъ грознѣйшїй Ахиллесъ,
Синонъ преодолѣлъ притворныхъ токомъ слезъ.
Къ сему вновь странное намъ зрѣлище предстало,
И вящимъ ужасомъ всѣхъ души всколебало.
Избранный жребїемъ Нептуну во жреца,
Предъ олтаремъ его Лаокоонтъ тельца
Заклати приступалъ съ торжественнымъ обрядомъ;
Се два змїя (страшусь воспомянути) рядомъ,
Тенеда со бреговъ, по тихой глубинѣ,
Пловутъ въ пристанище на нашей сторонѣ.
Главы и груди ихъ, и гривистыя выи
Простерты въ верьхъ неслись внѣ влажныя стихїи,
Лежали на водѣ блестящїе хребты,
И извивалися предлинные хвосты.

Шумитъ

Шумитъ волна мутясь отъ ихъ по морю бѣга;
Преодолѣвъ заливъ се достизаютъ брега!
Глаза ихъ кровїю наполнены горятъ,
Сверкаютъ жала, рты ядъ каплющи шипятъ.
Трепеща мы отъ сихъ страшилищь уклонились;
Драконы на жреца тутъ прямо устремились,
И сперьва чадъ его, нещастную корысть,
Во кругъ ихъ нѣжныхъ тѣлъ обвившись, стали грысть.
Отецъ въ безпамятствѣ рвучись дѣтей избавить,
Течетъ, возноситъ мечь, чудовищь обезглавить;
Но оны мечутся на старца оба вдругъ
И кольцами всего переплетаютъ вкругъ.
Ужь дважды поперегъ обьявъ его чревами,
Два раза чешуей покрытыми хребтами
Кругъ выи обвїясь въ верьхъ алчны рты несутъ,
И исклоняясь въ низъ главу его грызутъ.
Онъ ядомъ облїянъ убрусъ являя чернымъ
Крушится, движется, усилїемъ безмѣрнымъ
Преплетшїя его, безъ пользы, путы рветъ;
Ногами топчущь персть, гортанью всей реветъ.
Такъ волъ ко олтарю на жертву привлеченный,
Оплошной отъ жреца рукою усѣченный,
Коль вырвавшись себя отъ пагубы спасетъ,
Бѣжитъ, реветъ, главой и выею трясетъ.
Ниспадши со жреца на слизкомъ вьются чревѣ
И правятъ путь змїи къ пренепорочной дѣвѣ.
Востекши въ крѣпость, гдѣ Богини храмъ сея
Въ подножьи подъ щитомъ скрываются ея.

Симъ зѣльность нашея умножилась боязни.
Твердити стали: жрецъ сея достоинъ казни.
Онъ остріемъ во дску священную разилъ,
Злочестія рукой копье въ коня вонзилъ.
Возопіяли всѣ; вести коня во Трою,
И теплой укрощать Богининъ гнѣвъ мольбою.
Въ мигъ рушимъ знатну часть Троянскихъ гордыхъ стѣнъ;
Сквозь скаты путь во градъ махинѣ отворенъ.
Всѣ ревностно къ труду желанну прилегаютъ;
Иные подъ коня колеса подвергаютъ,
Другіе, чтобъ во градъ удобнѣе втянуть,
Кладутъ на выю верьвь, и углаждаютъ путь.
Подвиглась воинствомъ исполненна громада,
На гибель нашего устроенная града!
По обоимъ странамъ дѣвицъ и юношь ликъ,
Имаяся за верьвь, веселый взносятъ кликъ.
Она колеблется, вдаль шествуетъ, дерзаетъ,
Ужасна и грозна, внутрь града достизаетъ.
О отчество! Боговъ жилище Иліонъ!
О гордыхъ стѣнъ округъ! преславный Марса тронъ!
Четыре раза конь въ вратахъ останавлялся,
Четырижды въ немъ звукъ оружій раздавался;
Но мы отъ радости, въ восторгѣ, внѣ себя,
Чудовище сіе, и женъ и чадъ губя,
Съ благоговѣніемъ влечь въ городъ продолжаемъ
И въ замкѣ оное священномъ поставляемъ.
Тогда пророческихъ Кассандра словомъ устъ,
Что Троя рушиться, Пергамъ быть долженъ пустъ,

Вѣщала намъ судьбы прогнѣваннаго Неба;
Но мы не вѣрили воспящены отъ Феба.
Мы, коихъ надъ главой свирѣпый рокъ зїялъ,
Которымъ дневный лучь впослѣднїе сїялъ,
День нашей пагубы со плескомъ провождаемъ,
Цвѣтами храмы всѣ и вѣтвьми украшаемъ.
Межь тѣмъ во океянъ свой скрыло солнце зракъ,
Долъ, небо, Грековъ кознь одѣялъ ночи мракъ;
Умолкли Тевкряне, и очеса сомкнули,
По дневныхъ подвигахъ спокоились, заснули.
Враги при помощи безмолвныя луны,
Блѣднѣющимъ тоя лучемъ освѣщены,
Держась во плаваньи знакомаго имъ слѣда,
Несутся ко брегамъ Троянскимъ отъ Тенеда.
Зажженну свѣточь взнесть велитъ Агамемнонъ.
Спасенный отъ Боговъ намъ въ пагубу Синонъ
Ту видя, конскїя отъемлетъ втай заклепы:
Отверзлись мрачные и страшные вертепы!
Изъ нихъ изсуняся, Стенелъ, Ѳессандръ, Улиссъ
По верьви падаютъ съ стремленїемъ на низъ,
За ними Менелай со храбрымъ Аѳамантомъ
И Ахиллесовъ сынъ со доблъственнымъ Ѳоантомъ,
И предварившїй всѣхъ изскокомъ Махаонъ
И самъ Еней коня чудовищна тектонъ.
Нападъ на Трою сномъ и пьянствомъ отягченну,
Сѣкутъ стрегущу рать всѣхъ первѣе узрѣнну,
И жаждя съ кораблей помощныя руки
Въ отверстыя врата зовутъ свои полки.

Летѣло

Летѣло оное благопріятно время,
Когда разсѣянно повсюду смертныхъ племя
Почивъ отъ бдѣнія вкушаетъ сладость сна,
Которая трудовъ въ ослабу имъ дана.
Лишь сей Всевышнихъ даръ и томныхъ чувствъ отрада
Коснулся мнѣ, лишь я забылъ опасность града;
Во сновидѣніи предъ взоръ моихъ очесъ
Се Гекторъ предстаетъ ліющій токи слезъ,
Въ томъ самомъ образѣ, какъ Ахиллессомъ раненъ,
Обезображенъ, нагъ, безславенъ, бездыханенъ,
За колесницею влачился по земли;
Весь кровью обагренъ, во черной весь пыли,
Сквозь жилы пятъ своихъ ремни имущь продѣты;
Увы! гдѣ прежни въ немъ геройскія примѣты?
Коль онъ отмѣненъ былъ отъ Гектора того,
Противоборца кой низвергши своего
Во Ахиллесовой честь збруи облачился
И съ торжествомъ подъ ней во Трою возвратился;
По вражіимъ полкамъ какъ молнія леталъ;
На Гречески суда Фригійскій огнь металъ!
Въ запекшейся крови власы его сольпенны,
Всклокоченна брада, и живо впечатлѣнны
Тѣ язвы зрѣлися на мышцахъ, раменахъ,
На персяхъ, на челѣ, на ребрахъ и рукахъ,
Которы вождь гражданъ, предтеча ихъ ко брани,
За Трою онъ пріялъ, сражаясь безпрестани.
Узрѣвъ передъ собой подвижника сего
Прискорбенъ, тако я привѣтствовалъ его:

„О свѣтъ! о отчества надежда и подпора!
„Гдѣ ты отъ нашего поцынѣ крылся взора?
„Сладчайшій Гекторъ! гдѣ толь долго укоснѣлъ?
„Отъ коей къ намъ страны желанный прилетѣлъ?
„Увы! по многихъ толь намъ пагубныхъ уронахъ,
„По тяжкихъ города въ осадѣ оборонахъ,
„Когда ужь изнурясь чрезъ силу брань творимъ,
„Увы! въ какомъ тебя мы слезномъ видѣ зримъ!
„Почто твой зракъ лишенъ величества и славы?
„Кто язвы на тебѣ напечатлѣлъ кровавы?
На тщетный мой вопросъ отвѣта не далъ онъ,
Лишь токмо износя изъ сердца тяжкій стонъ,
„Бѣги, мнѣ рекъ, Еней изъ пламеней средины;
„Во градѣ сопостатъ, и Троя близъ кончины.
„Пріаму, отчеству дань должна воздана,
„Когда бы смертнаго рука была сильна
„Трясущійся Пергамъ во прежній блескъ возставить;
„Конечно бы моя могла сей долгъ исправить.
„Тебѣ своихъ боговъ днесь Троя предаетъ,
„Прими ихъ, да грядутъ съ тобою въ дальный свѣтъ.
„Ищи имъ града, кой величественъ воздвигнешь,
„Когда преплывши понтъ, конца трудовъ достигнешь.
По совершеніи бесѣды своея
Вручаетъ Весту мнѣ и лентіе ея,
Износитъ вѣчный огнь изъ внутреннихъ святилищь,
Чтя вѣрность рукъ моихъ во мѣсто сихъ хранилищь.
Межъ тѣмъ исполненна многоразличныхъ золъ
Преобращается въ плачевный Троя долъ;

Быстряе отчасу токъ пагубы лїется,
Орудїй бранныхъ звукъ громчае раздается.
Уже смятенїе, и трескъ и шумъ и крикъ,
Сквозь лѣсъ, и до палатъ Анхизовыхъ проникъ.
Вспрянувъ отъ сна всхожу на кровъ скоропостижно
И слухъ вперя, стою на ономъ неподвижно.
Какъ огнь усиленный черезъ бурливый вѣтръ
Трещитъ, жручи земныхъ плоды сухїе нѣдръ;
Или какъ быстры съ горъ ревущїе потоки,
На нивы разлїясь и пажити широки,
Валятъ растѣнїя, зелену дань луговъ,
И нѣжны поль цвѣты, и класы, трудъ воловъ;
Высоки древеса изъ корней исторгаютъ,
И вержа ихъ стремглавъ съ собою увлекаютъ:
Пастухъ съ крутой скалы незапный внемля ревъ
И слабъ вину постичь стоитъ оцѣпенѣвъ.
Подобнымъ образомъ на время я забылся;
Но въ мигъ тогда же мнѣ навѣтъ враговъ открылся.
Уже Дейфебовы чертоги огнь пожралъ,
Укалегоновъ домъ имъ смѣжный воспылалъ,
Сигейскїй мысъ огнемъ и море осїянно,
Звукъ трубъ, народный гласъ бьютъ въ воздухъ непре-
Я рвусь, въ безпамятствѣ хватаюся за мечь; [станно.
Хоть града не могу отъ гибели сберечь;
Но въ сердцѣ кровь кипитъ, спѣшу собрати войско,
И въ крѣпость понести усердїе геройско.
Пылъ гнѣва не даетъ опасности мнѣ зрѣть,
Прехвальна смерть, я мнилъ, съ мечемъ въ рукѣ умреть.

Теку; но се Панѳей, жрецъ Фебовъ, сынъ Оѳрѣевъ
Срѣтается со мной, пробившись сквозь злодѣевъ.
Въ одной рукѣ онъ несъ со утварью боговъ;
Другою внука влекъ, и мчался вдоль бреговъ.
„Панѳей! не всюдуль врагъ разнесъ свою свирѣпость?
„Не все ли огнь пожралъ? цѣла ли горда крѣпость?
Едва онъ выслушалъ вѣщающа меня
Прерывнымъ голосомъ отвѣтствуетъ стеня:
„Насталъ послѣднїй часъ, погибель неизбѣжна,
„Трясется Илїонъ, и Троя безнадежна,
„Падетъ ея хвала возшедша до небесъ;
„Преноситъ все отсель во Грецїю Зевесъ.
„Разгнѣванны судьбы нещастныхъ наказуютъ,
„Въ зажженномъ городѣ злодѣи торжествуютъ.
„Изъ чрева страшну рать на воздухъ сыплетъ конь;
„Синонъ ругаясь намъ вездѣ плодитъ огонь;
„Нещетно множество сперлося предъ стѣнами,
„Всѣ стогны вражьими заставлены полками;
„Сверкая острые въ десницахъ ихъ мечи,
„На мѣлки части насъ всѣхъ алчутъ изсѣчи;
„Стрегущи при вратахъ едва на бой дерзаютъ,
„Слѣпымъ стремленїемъ удары отражаютъ.
Панѳѣевыми я рѣчьми воспламененъ
И аки нѣкїимъ геройствомъ вдохновенъ,
Лечу на огнь, на мечь, гдѣ бой кипитъ жестокїй,
Гдѣ слышенъ шумъ и крикъ, гдѣ льются крови токи.
Рифей и сѣдиной украшенный Ифитъ,
И Гипанъ и Димантъ, надежный Трои щитъ,

При

При лунномъ свѣтѣ мнѣ попадшіеся въ стрѣчу
Препровождаютъ мя на грозный бой предтечу;
И младостію лѣтъ цвѣтущій аки кринъ,
Пришлецъ чужой страны, Мигдоновъ храбрый сынъ
Хоревъ, который намъ являлъ тогда услугу,
Кассандру льстясь понять Пріамлю дщерь въ супругу;
Нещастенъ, что бѣжать велѣвшей вражьихъ стрѣлъ,
Невѣсты своея пророчество презрѣлъ!
Обрѣтъ желанну въ нихъ къ сраженію отвагу
Да побужду сильняй къ намѣренью толь благу,
„О храбрыя, имъ рекъ, безвременно сердца!
„Когда нетрепетность вы грознаго лица
„На все за мной нести, на все дерзать хотите,
„Какому року мы подвержены, вы зрите.
„Всѣ боги, что поднесь блюли Троянскій тронъ
„Оставя олтари, изъ Трои вышли вонъ.
„Зажженной ей вашъ долгъ длань помощи простерти:
„Пойдемъ, повергнемся во челюсти злой смерти;
„Отчаянье единъ къ спасенію намъ путь.
Симъ гласомъ вяще ихъ воспламенилась грудь.
Какъ волки хищные, сквозь мглу, со тощимъ чревомъ,
Съ отверстымъ на корысть, какую встрѣтятъ, зѣвомъ,
Бѣгутъ неистовы въ средину овнихъ стадъ,
Въ берлогѣ тающихъ оставя гладомъ чадъ:
Съ подобной лютостью мы въ нѣдра Трои мчимся,
Сквозь копья, сквозь враговъ, на явну смерть стремимся,
И кровью каждую кропимъ въ пути ступень;
Летаетъ черная кругомъ надъ нами тѣнь.

Кто нощи оныя всѣ гибели, убійства
Представитъ силою имъ равнаго витійства?
Какой источникъ слезъ довлѣетъ всѣ труды
Тогдашни наши всѣ оплакати бѣды?
Поверженъ древній градъ, державенъ многи вѣки;
Вездѣ кровавыя ліются съ паромъ рѣки;
По стогнамъ, по домамъ, у кажда храма вратъ
Бездушныхъ тѣлъ костры наметанны лежатъ.
Ниже однихъ Троянъ мечь Грековъ пожираетъ,
И въ побѣжденныхъ духъ геройства оживаетъ:
И побѣдители подъ ихъ рукой падутъ;
Смѣсившись грудами одни другихъ кладутъ.
Повсюду страхъ, вездѣ свирѣпствуетъ рокъ гнѣвный.
Повсюду вопль и стонъ и пагубъ видъ плачевный.
Сопровождаемый дружиною своей
Изъ Грековъ срѣтился намъ первый Андрогей,
И мысля, вои мы единыя съ нимъ службы,
Манитъ къ себѣ рукой, пуская голосъ дружбы:
„Скоряй сюда, скоряй, удалыя главы!
„Почто толь медлѣнны, и не усердны вы?
„Иные грабятъ здѣсь сокровища безъ щота,
„И жгутъ давно Пергамъ; а вы теперь лишь съ флота.
Онъ рекъ, и абіе изъ нашихъ внявъ рѣчей,
Что онъ попалъ въ среду противничьихъ мечей,
Оцѣпѣнѣлъ, и гласъ остановилъ въ гортани,
Вспять началъ отступать, боясь не равной брани.
Какъ путникъ посреди дороги своея
Ступивъ нечаянно межь терній на змія

Тре-

Трепещущъ отъ него далече отбѣгаетъ,
Лазоревую змiй, злясь, выю надмеваетъ:
Подобнымъ образомъ насъ видя задрожалъ,
Затрясся Андрогей, безгласенъ вспять бѣжалъ.
Стѣснивъ оружья мы противныхъ окружаемъ
Объятыхъ ужасомъ крушимъ и поражаемъ.
Какъ звѣри межь тенетъ, въ мѣстахъ имъ чуждыхъ мрутъ,
И небо первый нашъ благословляетъ трудъ.
Хоревъ гордяся симъ успѣхомъ торжествуетъ:
„Куда намъ щастье путь, о други! показуетъ,
„Туда, гласитъ, пойдемъ; обманъ употребя
„Во збруи облечемъ противничьи себя.
„На брани все равно; геройска грудь, иль ковы.
„Се трупы ихъ лежатъ! оружья намъ готовы.
То рекши, шлемъ и щитъ со Андрогея снялъ
Привѣсилъ мечь къ бедрѣ; тожь дѣлать насъ склонялъ.
Рифей, Димантъ, и всѣ Хореву подражаютъ;
Всѣ новыми себя корыстьми воружаютъ.
Преображенны такъ на Грековъ мы течемъ;
Общаясь имъ во тьмѣ, ихъ колемъ и сѣчемъ,
И не смотря, что намъ судьбы небесъ несклонны,
Премножество враговъ ссылаемъ въ адъ бездонный.
Ины разсыпавшись на брегъ и флотъ бѣгутъ,
Другiе со студомъ опять въ коня ползутъ;
Своими намъ грудьми не могши дать отпору,
По верьви лезутъ въ верьхъ скрываясь въ тощу гору.
Но противъ промысла, увы! коль тяжко прать,
Весь тщетенъ трудъ, гдѣ онъ не хочетъ поборать.

Мы мстимъ, разимъ; но се исполненная срама,
Влекома силою Минервы изо храма,
Имуща по плечамъ растрепанны власы
Кассандра предстаетъ лишенна всей красы;
Вотще на небеса взносяща взоръ умильный;
Взнесть дланей не даютъ оковы ей насильны.
Толь жалка зрѣлища не могъ снести Хоревъ,
Любовь въ его груди воспламѣняетъ гнѣвъ,
Отчаянъ вержется въ средину варваръ лютыхъ,
Мы ринулись за нимъ всѣмъ махомъ тѣлъ сомкнутыхъ;
Но съ верьху капища Трояне въ насъ стрѣлять
Каменьемъ, бревнами насъ стали подавлять;
По Греческимъ въ обманъ шеломамъ вовлеченны
Какъ Грековъ насъ мертвятъ граждане огорченны.
И Греки за отъемъ Кассандры разъярясь
Текутъ отвсюду, вновь исторгнуть ону рвясь,
Аяксъ и Менелай съ обычной имъ отвагой,
Агамемнонъ, и всей Долопляне ватагой.
Какъ вѣтры ярые съ четырехъ свѣта странъ
Внезапу вылетѣвъ на сушу, океянъ,
Другъ съ другомъ въ воздухѣ сшибаются, бунтуютъ,
Съ неумолкающимъ въ творенья свистомъ дуютъ;
Шумятъ, свой трatя листъ, дубравы и лѣса,
И долу гнясь трещатъ высоки древеса;
Понтъ пѣнится; бѣжитъ волна волнѣ на встрѣчу;
Такъ Греки мечутся пускаясь съ нами въ сѣчу.
И тѣ, которыхъ мы щастливою судьбой
Разгнали было, вновь стекаются на бой;

И перьвы збруй на насъ коварство примѣчаютъ,
Звонъ нашихъ словъ отъ ихъ отмѣненъ различаютъ.
Вдругъ жмутъ и давятъ насъ отвсюду ихъ полки;
И отъ оружія Пенлеевой руки
Кассандринъ тутъ женихъ, нещастна жертва, перьвый
Хоревъ вредъ олтаремъ всемочной палъ Минервы.
Поверженъ и Рифей, что былъ между Троянъ
Свѣтильникъ правоты и истинны органъ,
Достоинъ лучшихъ дней! (судили инакъ боги:)
Палъ Гипанъ и Димантъ; имъ смерть подсѣкла ноги,
Смерть, кою нанесли ошибкою свои;
Лежатъ точа изъ язвъ кровавыя струи.
Ниже тебя, Панѳей! служитель вѣрный неба,
Твой санъ, священный санъ, ни покрывало Феба,
Ни благочестіе отъ пагубы спасло;
Ты долженъ падшихъ былъ умножити число.
О Трои пеплъ! о вы губительныя пламы,
Пожравшія моихъ, жилища ихъ и храмы!
Вы мнѣ свидѣтели, что въ ону грозну ночь,
Желая отразить презлобна рока мочь
Я не щадилъ себя, но безъ малѣйша страху
На копья текъ, на мечь, на всяку смерть съ размаху;
И естьли бы мнѣ рокъ умрети положилъ;
Я то убійственной рукою заслужилъ.
Съ побоища сего я въ инно устранился,
Ифитъ и Пеліасъ со мной соединился;
Единаго тягчилъ уже преклонный вѣкъ,
Другой едва стопы Улиссомъ раненъ влекъ.

Къ Прїамову двору течемъ зовомы крикомъ,
Тутъ люта сѣча, все въ смятеньи превеликомъ,
Какъ будто брани огнь поднесь не возгаралъ
И въ цѣломъ городѣ никто не умиралъ.
Толь Марсъ неукротимъ! враги какъ люты звѣри,
Ины подводятъ желвь обсѣсть палатны двери;
Со всѣхъ другїе странъ, готовя скорый плѣнъ,
По лѣствицѣ высотамъ на верьхъ возлазятъ стѣнъ;
Отъ ниспадущихъ стрѣлъ скрываясь подъ щитами
Десными за зубцы хватаются руками.
Трояне напротивъ вершинами домовъ
И башенъ тяготой крушатъ своихъ враговъ.
Среди всеобщихъ бѣдъ и жизней ихъ урона,
Сїе оружье имъ послѣдня оборона.
Изъемля позлащенъ прикрова перекладъ,
Великолѣпїе отеческихъ палатъ,
Иль инну свода часть, въ низъ вержутъ быстрымъ ска-
Отломковъ тяжестьми сражаясь съ сопостатомъ; [томъ,
Иные близъ дверей составя твердъ оплотъ
Стоятъ съ мечьми въ рукахъ и защищаютъ входъ.
Безсилье зря моихъ, напасть двора царева,
Здѣсь вновь исполнился я бодрости и гнѣва.
Позадь двора особь крылъ длинно зданье сводъ,
Сквозь потаенну дверь гдѣ хитро сдѣланъ ходъ
Ведущь въ чертогъ царевъ. Нещастна Андромаха,
Какъ Фригїя была отъ сопостатъ внѣ страха,
Во оны тишиной цвѣтущи времена
Почти всякъ день никѣмъ не бывъ провождена,

Путемъ ходила симъ ко свекру и свекрови,
Водя предъ нихъ дитя, супружней плодъ любови.
Симъ тайнымъ ходомъ я на верьхъ палатъ взлетѣлъ,
Отколь Трояне градъ метали тщетныхъ стрѣлъ;
Огромну башню, что поверьхъ горы стояла,
И высотой своей до облакъ досязала,
Съ которой Троя вся, на морѣ флотъ враговъ,
И ихъ былъ видѣнъ станъ разставленъ вдоль бреговъ,
Воздвигнуту во дни, красу межь зданій, древны
Въ той части, гдѣ ея разпались въ связяхъ бревны,
Отъ тѣла протчаго сѣкирами дѣлимъ,
И съ горнихъ мѣстъ сорвавъ, всей силой въ низъ валимъ.
Она обрушась трескъ родитъ своимъ упадомъ
Враги подъ ней легли тѣмъ, какъ стояли, рядомъ,
Другіе между тѣмъ заемлютъ ихъ мѣста;
Летитъ въ насъ камней градъ, стрѣлъ всякихъ разнота.
Въ самомъ предверьи Пирръ подъ мѣдной збруей блещетъ
И стрѣлы ужаса на осажденныхъ мещетъ.
Какъ змій, что, мраза въ дни, травъ ядомъ упитанъ,
Скрывался подъ землей, лучемъ не облистанъ,
Днесь ветхость кожи снявъ и юнымъ преродяся,
Свиваетъ слизкій хребтъ и движется гордяся,
Подъемлетъ къ солнцу грудь, зіяя страшнымъ ртомъ,
Сверкаетъ, бодръ и смѣлъ, трижальнымъ языкомъ:
Толь гибокъ живъ и скоръ въ движеньяхъ Пирръ казался.
Великій Перифантъ съ нимъ вмѣстѣ подвизался,
И Ахиллесовыхъ правитель храбръ коней
Текъ съ нимъ же подъ своей Автомедонтъ броней.

Вся даже Сцирска рать на грозномъ семъ приступѣ
Метала пламень въ верьхъ, и шла со Пирромъ вкупѣ.
Межь прочихъ онъ впреди самъ рубитъ дверь на сквозь
Со крючья рветъ и всѣ преграды мечетъ врозь.
Уже крушащаго біеніями лома
Средь двери широта содѣлалась пролома;
Открылись длинныя притворы во нутри,
Весь домъ, гдѣ жилъ Пріамъ и древніе цари;
Открылись ратники позадь стоящи прага,
Чтобъ дерзость Пиррова остановити шага.
Но въ нѣдрѣ страждущихъ плѣнитися палатъ,
Смятенье, шумъ и вопль, всѣ роды бѣдствій, адъ;
Біенье въ перьси, стонъ, рыданье женска пола
Восходятъ къ высотѣ Зевесова престола;
Пріамли сродницы, минувшихъ дщери нѣгъ
Мертвѣющи стремятъ изъ края въ край свой бѣгъ,
Объемлютъ вереи, о горько разставанье!
Прощаясь имъ даютъ послѣдне цѣлованье.
Отцевой храбростью Пирръ дышущь настоитъ,
Ни стража, ни заклепъ предъ онымъ не стоитъ.
Тарана частыми ударами трясома
Съ подставовъ сбита дверь валится съ трескомъ грома,
Мочь рѣется въ передъ, ворвавшися враги,
Всѣ руша входы, мчатъ насильны въ даль шаги;
Что встрѣтятъ, все мертвятъ, свой всюду бѣгъ склонятъ
И цѣлый дворъ убійцъ толпами наводняютъ.
Не столь насильственно стремленіе рѣки,
Когда поставленны оплоты вопреки

Прорвавъ,

Прорвавъ, и хлябїю преодолѣвъ заграды
Несетъ на нивы водъ ярящихся громады,
Разлившись на поля подъ пѣною течетъ
И табуны скота съ ихъ кровами влечетъ.
Я зрѣлъ, какъ Пирръ съ двумя Атреевыми чады
Въ предверьи поражалъ стрегущихъ безъ пощады;
Гекуба какъ средь женъ рыдала, и Прїамъ,
Гасилъ тотъ кровью огнь, что посвятилъ онъ самъ.
Дворъ, въ коемъ пятьдесятъ чертоговъ брака розныхъ,
Надежда велїя потомковъ днями позныхъ,
Гдѣ чиста злата блескъ былъ всюду созѣрцанъ,
Тягчились вереи чужихъ корыстьми странъ,
Въ едину нощь, увы! разрушенъ палъ на вѣки;
Что пламень пощадилъ, то грабятъ люты Греки.

Теперь, Владычица, внявъ нашихъ бѣдствїй токъ,
Вопросишь, можетъ быть, кїй былъ Прїамовъ рокъ?
Зря Трои плѣнъ, дворца преломанны заклепы,
Господствующи въ немъ полки враговъ свирѣпы,
Отъ состарѣнїя трясущися плещи
Безпрочною спѣшитъ бронею облещи;
По одряхлѣвшей мечь бедрѣ препоясуетъ;
Течетъ въ толпу враговъ, и, чтобъ умреть, воюетъ.
Огромный средь двора подъ воздухомъ стоялъ
Олтарь, надъ коимъ лавръ связь вѣтвей простиралъ,
Отъ древнихъ лѣтъ дающь покровъ ему всегдашнїй
И мрачну мещущїй на боги тѣнь домашни.
Гекуба, дщери той, женъ лики и дѣвицъ
Въ подобьи бурею разбитыхъ голубицъ

Тѣснясь вкругъ онаго, унылы, жалки, сиры,
Въ отчаяньи боговъ держались за кумиры.
Узрѣвъ же, что свои, какъ ратникъ юнъ, чресла
Устроилъ въ брань Пріамъ; „кій злобный духъ, рекла,
„Тя нудитъ облечись въ орудія опасны?
„Куда стремишися? куда? супругъ нещасный!
„Среди сихъ лютыхъ бѣдъ, сей рока тяготы
„Потребенъ не таковъ поборникъ намъ, какъ ты.
„Хотя бы Гекторъ мой, мой сынъ толико моченъ
„Изъ мертвыхъ днесь восталъ, и онъ бы былъ безпроченъ.
„Склонись сюда, насъ всѣхъ защититъ сей олтарь,
„Иль здѣсь умри со мной лишенный трона царь.
То рекши, близъ себя творитъ Пріама сѣсти
Во всемъ величествѣ пристойной старцу чести.
Но се Политъ, единъ изъ царскихъ сыновей
Отъ Пирра выперстясь жадающа кровей
Сквозь копья, сквозь враговъ преходами стремится
И ищетъ, изъязвленъ, отъ гибели укрыться.
Пирръ духомъ ярости во слѣдъ его женетъ;
Едва копьемъ, едва рукой не досягнетъ.
Но лишь Политъ достигъ родителей предъ очи,
Упалъ и духъ пустилъ въ предѣлы вѣчной ночи.
Въ Пріамѣ, коль онъ самъ ни близокъ къ смерти былъ,
Позорище сіе родило гнѣва пылъ.
„За беззаконіе, воскрикнулъ онъ, толь мерско,
„За толь неслыханно мучительство и звѣрско,
„Когда всевидящій на небѣ Промыслъ есть,
„Да воздадутъ тебѣ достойну боги месть,

„Тебѣ, что предъ моимъ заклавши сына взоромъ,
„Зракъ отчїй осквернилъ симъ мертвости позоромъ.
„Но Ахиллесъ, кой тя, какъ хвалишься, родилъ,
„Не тако со врагомъ Прїамомъ поступилъ.
„Онъ, чтя права, со мной бесѣду мирну строилъ,
„Прибѣгша мя къ нему покрова удостоилъ;
„Слезамъ отцевымъ трупъ сыновнїй возвратилъ,
„Меня въ престольный градъ со честью отпустилъ.
При сихъ словахъ копье въ лету не устремленно
Пустилъ; то звонкою въ мигъ мѣдью отраженно
Повисло, зацѣпясь, на выгибѣ щита,
Неощущаема отъ Пирра тягота.
Прїаму Пирръ въ отвѣтъ:,, подижь ко Ахиллесу,
„И студныя мои, противныя Зевесу,
„Какъ вѣстникъ истинны, дѣла ему внуши;
„Скажи, отцевой де во Пиррѣ нѣтъ души;
„Теперь умри!„ То рекъ, и къ олтарю дрожаща
Стопами ногъ въ крови сыновней влекъ скользяща,
Тамъ шуей веземъ власы, чтобъ вдругъ животъ отъять,
Десною въ ребра мечь вонзилъ по рукоять.
Се смерть, которая похитила Прїама,
Плѣненье зряща стѣнъ, и падша пеплъ Пергама,
Толь многихъ нѣкогда владѣтеля земель,
Державца Азїи и славы блескъ досель!
Какъ клада на брегу лежитъ нелѣпъ, безчестенъ,
Отторжена глава; межь труповъ безъизвѣстенъ!
    Въ первые ужасъ тутъ объявъ меня мятетъ;
Лишь только старецъ сей Анхизу равныхъ лѣтъ

Д   Поносно

Поносно убіенъ въ мракъ тѣней погрузился,
Дражайшій мнѣ во мысль родитель вобразился;
Вообразилася Креуза во слезахъ,
Іулъ и плѣнный домъ мечталися въ глазахъ.
Озряся вспять смотрю, кто будетъ мнѣ подкрѣпой,
Разбѣглись утомясь всѣ бранію свирѣпой.
Иные бросясь въ низъ свои скончали дни,
Другіе въ горести поверглися въ огни.
Единъ остался я, какъ скрывшусь въ тайномъ мѣстѣ
Въ срединѣ капища, что посвященно Вестѣ,
Гелену усмотрѣлъ; пожаръ свѣтъ сыпалъ многъ
Носящу всюду мнѣ мой взоръ и стопы ногъ.
Она боящася отъ насъ за Трою кары,
Отъ Грековъ мщенія за ихъ для ней удары,
[Бѣды отъ мужа, кой въ посмѣхъ былъ ею данъ,
Какъ обща фурія и Грековъ и Троянъ,
Сокрывшися на свѣтъ пожарный не глядѣла,
Тварь мерска олтарямъ межъ олтарей сидѣла.
Зря ону, я вспылалъ паденье града мстить,
[На беззаконницу весь гнѣвъ свой испустить.
„Какъ? пойдетъ въ Аргъ сія, насъ въ пропасть золъ ни-
„И пойдетъ съ торжествомъ, со славой, героиня? [зриня;
„Фригійскихъ юношь сонмъ влекуща и дщерей
„Увидитъ домъ, отца, супруга, мать, дѣтей?
„Пріама мечь пожретъ? всю Трою пеплъ покроетъ?
„Багряна кровь толь кратъ Дарданскій брегъ омоетъ?
„Не быть сему, не быть; хоть надъ женою месть
„Не можетъ блеска хвалъ герою пріобрѣсть:

„Въ

,,ВЪ семЪ случаѢ, поне я тѢмЪ себя прославлю,
,,Убивъ ее, я свѢтЪ чудовища избавлю,
,,Отмщенїемъ свой духЪ насытить буду радЪ,
,,И тѢнямЪ сограждан послати жертву вЪ адЪ.
ТакЪ бѢшенствую, злюсь обидой мстить обидѢ;
КакЪ вдругЪ всещедра мать, во непритворномЪ видѢ,
ВЪ яснѢйшемЪ, какЪ дотоль, являетЪ мнѢ свой зракЪ,
Блистая вкругЪ зарей гонящей ночи missing
Полна величества и красоты чудесной,
Что кажетЪ на себѢ вЪ обители небесной!
И за десницу мя остановивЪ речетЪ:
,,Что сыне, тя на гнѢвЪ, на злость сїю влечетЪ?
,,Почто свирѢпствуешь? Когда о насЪ помыслишь?
,,Иль попеченїемЪ то главнымЪ не сочислишь,
,,Воспомнить, гдѢ АнхизЪ бѢлѢющь отЪ сѢдинЪ?
,,Живаль твоя жена, и малолѢтный сынЪ?
,,КругЪ дому твоего враждебна рать стеклася,
,,И еслибЪ оный я защитить не пеклася,
,,ДавнобЪ свирѢпый огнь во пепелЪ всѢхЪ сожечь,
,,Давно бы вражїй могЪ унесть изЪ свѢта мечь.
,,Не зракЪ Спартанки толь тобою нетерпимый
,,Ниже ПаридЪ за студЪ любови кЪ ней винимый;
,,Но гнѢвныхЪ власть боговЪ Троянскїй рушитЪ тронЪ,
,,Владычество сїе изЪ свѢта торжетЪ вонЪ.
,,Воззри, разсыплю я безсмертной дѢйствомЪ мощи
,,Всю мглу, что взорЪ твой тмитЪ, чернѢя вЪ видѢ нощи;
,,Не бойся матери ты гласу своея,
,,И сЪ радостью твори велѢнїе ея.

„Се здѣсь, гдѣ видиши разметанны громады,
„И камней кучами отъ каменей разпады,
„Всходящій клубомъ въ верьхъ, смѣшенъ со прахомъ дымъ,
„Разгнѣванный Нептунъ, трезубцомъ бья своимъ,
„Трясетъ земную твердь и стѣны сокрушаетъ,
„Отъ основанія весь городъ разрушаетъ!
„При Скѣйскихъ се вратахъ Юнона грозъ полна,
„Союзну съ флота рать зоветъ, ополчена!
„Взгляни, уже стоитъ надъ крѣпостію града,
„Во свѣтломъ облакѣ, тряся щитомъ, Паллада!
„Самъ даже Грекамъ Зевсъ вдыхаетъ мочь и жаръ,
„Самъ движетъ сонмъ боговъ Троянамъ на ударъ.
„Бѣги, о сынъ! бѣги, и трудъ скончай напрасный,
„Я въ отчій домъ тебѣ вождь буду безопасный.
Рекла, и скрылася въ густую нощи тьму;
Предстали ужасы видѣнью моему;
И фурій и боговъ властительныхъ призраки
Носящихъ явные вражды на Трою знаки.
Тогда по Иліонъ весь жертвою огней
Казался сринутымъ со тверди весь своей.
Такъ ясень на горахъ стоявшій цѣлы вѣки,
Когда ко оному приступятъ дровосѣки,
На зло толпы, его которая разитъ,
Величественъ и твердъ, на многій часъ, грозитъ,
Вѣнчанной листвіемъ главою помаваетъ,
Трясущись острія сѣкиръ претерпѣваетъ,
Доколѣ ослабѣвъ, впослѣдни воздохнетъ,
И съ трескомъ тяжекъ съ горъ и шуменъ въ долъ падетъ.

Нисшедъ,

Нисшедъ, подъ сѣнію богинина покрова,
Гряду среди враговъ, средь пламени сурова,
Ни копья мнѣ ни огнь коснутися не могъ.
По достиженіи въ отеческій чертогъ,
Родитель, коего, чтобъ скрыть враговъ изъ виду,
Я тщился пренести на удаленну Иду,
Не хочетъ жизни въ даль, упадшей Трои, весть,
Ни заточенія, толь дряхлъ и древенъ, несть.
„Вы, въ коихъ кровь кипитъ, которы въ силахъ зрѣлы,
„Вы, бѣгствомъ, рекъ, въ чужи спасайтеся предѣлы.
„Что до меня, коль Зевсъ пробавить жизнь мою
„Судилъ бы, мнѣбъ соблюлъ онъ хижину сію.
„Довольно мнѣ сея и предовольно части,
„Что видѣлъ отчество я въ крайнѣйшей напасти,
„И пережилъ, увы! плѣненіе его.
„Не прикасаяся вы трупа моего
„Теперь мнѣ долгъ, теперь послѣдній заплатите,
„И навсегда со мной простяся отъидите;
„Я собственнымъ мечемъ найду къ избавѣ путь,
„Иль, сжалясь, мя убьетъ изъ Грековъ кто нибудь,
„И ризъ моихъ корысть его заслуги плата;
„Безъ погребенья лечь не тягостна утрата.
„Съ минуты, какъ земли правитель и небесъ
„Мя громомъ посѣтилъ и молніей Зевесъ,
„Препровождаю я дни вѣка многослезна,
„Всевышнимъ гнусна тварь, и смертнымъ безполезна.
Вѣщая образомъ родитель сицевымъ
Въ намѣреньи своемъ стоялъ неколебимъ.

Креуза, я, Іулъ, весь домъ, родня и други
Со плачемъ силимся смягчить въ немъ духъ упругій,
Моля, да не съ собой все въ гибель вовлечетъ,
Да гнѣвной болѣе судьбѣ не пречетъ:
Онъ твердъ, не хощетъ стопъ за прагъ дверей простерти;
Я съ горя паки въ бой теку, искати смерти.
Во обстояньи семъ что было мнѣ начать?
Что помочи могъ умъ, иль случай тутъ подать?
„Тыль, отче! мниши быть возможно въ самомъ дѣлѣ
„Чтобъ я оставя тя дерзнулъ бѣжать отселѣ;
„Былъ извергъ, а не сынъ? о какъ сія хула
„Изъ устъ родительскихъ на мя проистекла!
„Коль мало для судебъ сего, гдѣ мы, упадка,
„И Трои надобно погибнуть безъ остатка,
„Тебѣ, твоимъ среди ея развалинъ лечь,
„Широкъ отверстъ намъ путь ко пагубѣ сей течь.
„И вскорѣ, кровію Пріамлею багрѣющь
„Пріидетъ Пирръ сюда, кой звѣрски свирѣпѣющь
„Умѣетъ поражать кровавыми мечьми
„Сыновъ предъ рождьшими, отцовъ предъ олтарьми.
„На толь, всещедра мать! средь пламени ужасна,
„Средь копій мя, мечей, преводишь безопасна,
„Во внутренности чтобъ родительскихъ палатъ
„Я видѣлъ жаждущихъ убійства супостатъ?
„Чтобъ сынъ, жена, отецъ, въ очахъ моихъ закланны
„Въ смѣсившихся кровяхъ вдругъ пали бездыханны?
„Гдѣ щитъ мой, мечь, броня? не нуженъ мнѣ сей свѣтъ,
„Я побѣжденъ, и смерть меня къ себѣ зоветъ.

„Врагамъ

„Врагамъ меня, врагамъ, о други! возвратите,
„И вновь со оными сразиться попустите.
„Не бойтеся; не всѣ безъ мщенья днесь падемъ.
Теку съ щитомъ въ рукахъ, съ привѣшеннымъ мечемъ.
Но се жена моя, при входѣ во чертоги,
Съ пролитьемъ слезъ ко мнѣ повергшаяся въ ноги,
Мя держитъ, и на бой пустити не хотя,
Даетъ мнѣ нѣжное въ объятїе дитя!
„Когда на смерть течешь, и насъ возьми съ собою,
„Когдажь искуство тя творитъ отважна къ бою:
„Защить сей прежде домъ; кому въ покровъ предашь
„Дитя твое, отца? кто мнѣ здѣсь будетъ стражь?
„Мнѣ, коя нѣкогда была тобой любима,....
Какъ жалоба сїя по дому разносима
Далече слышалась; плачевныхъ токъ словесъ
Видѣньемъ прерванъ вдругъ чудеснымъ для очесъ.
Среди творимыхъ мной Iулу лобызанїй,
Средь матернихъ его ко сердцу прижиманїй,
Се пламень надъ его явившїйся главой
Катится вдоль власовъ, и бѣгъ размножа свой
Кругъ скранїй, не вредя, младенческихъ вїется!
Мы въ страхѣ, что огню сынъ жертвой предается,
Кропленїемъ воды спѣшимъ его спасти,
Иль силой со власовъ священный огнь стрясти.
Но взоръ и длань Анхизъ на небо воздѣваетъ,
И радостенъ сїю молитву проливаетъ:
„Всесильный Зевсъ, когда ты внемлешь смертныхъ гласъ!
„Благоволи съ высотъ призрѣти днесь на насъ;

„И естьли заслужилъ я вѣрою толико,
„Запѣчатлей сїе прознаменье, Владыко!
Едва скончалъ Анхизъ, вдругъ въ лѣвѣ грома трескъ
Услышанъ, и звѣзда влекуща многїй блескъ
Сь небесной тверди въ долъ стремительно низпала,
И искрами, летя мглу нощи разсѣкала.
Сверкнувша молнїей чрезъ храминъ нашихъ кровъ
Идейскихъ посреди сокрылася дубровъ,
Стезю для нашего спасенья назначая,
И свѣтомъ оную обильнымъ замѣчая.
Блистала до горы протягшася бразда,
И окрестъ сѣрою дымилися мѣста!
Анхизъ толь явными преможенъ чудесами,
Съ сѣдалища встаетъ, бесѣдуетъ съ богами,
И покланяется спасительной звѣздѣ.
„Гряду, речетъ, гряду сопутникъ вамъ вездѣ,
„Спасите, Боги, домъ, и внука отъ напасти;
„Вы сей послали знакъ, и Троя въ вашей власти.
„Послушенъ, сыне, я, послушенъ днесь судьбѣ;
„Не отрицаюся послѣдовать тебѣ.
Онъ рекъ, и ужъ пожаръ громчае раздавался,
И пламень отъ часу къ намъ ближе разстилался.
„Возсядь на выю мнѣ; я плечи подклоня
„Тя, отче, понесу; ты легокъ для меня.
„Что ни послѣдуетъ, во мракъ ли сниити гроба,
„Иль жить судьба велитъ, мы будемъ вмѣстѣ оба.
„Держася за меня, Асканїй, ты гряди,
„Креуза, намъ во слѣдъ, ты шествуй созади,

„Вы помните, раби, что будетъ мной реченно:
„При выходѣ изъ вратъ есть мѣсто возвышенно,
„На коемъ нѣкогда Церериинъ храмъ стоялъ,
„Но нынѣ опустѣвъ развалинъ видъ прїялъ.
„Близъ храма кипарисъ, для состарѣнья, рѣдкїй,
„Который свято чли издревле наши предки.
„Какою кто изъ насъ стезей ни побѣжитъ,
„Ко холму намъ сему стечися надлежитъ.
„Прїять боговъ, простри свои, ты, отче, длани;
„Мнѣ ихъ касатися, по кроволитной брани,
„Злочестно; я дотоль святыни отлученъ,
„Пока въ источникѣ не буду омовенъ.
То рекши, кожу льва, на плечи возлагаю
И тѣ, подъ бремя мнѣ сладчайше, подвергаю,
Несу родителя; Асканїй длань сопрягъ
Съ десной моей; спѣшитъ сугубя дѣтскїй шагъ;
Креуза шествуетъ во близости за нами,
Несемся тайными и мрачными мѣстами.
И я, котораго не двигнулъ ружїй звукъ,
Ни тысячи смертей изъ сопостатскихъ рукъ,
Который текъ на все исполненъ дерзновенья,
Днесь тиха въ воздухѣ трепещу дуновенья;
Трепещу шороха; среди смятенныхъ думъ
Тревожитъ бремя мой тревожитъ спутникъ умъ.
Уже достигши вратъ, изъ града вонъ спѣшили,
И путь намѣренный, казалось, совершили,
Какъ сильный топотъ ногъ ударилъ въ ушеса;
Родитель мой сквозь мглу простерши очеса

„Бѣги, вскричалъ, бѣги, о сыне! постизаютъ,
„Я вижу, се щиты и копья ихъ сверкаютъ!
Здѣсь вышня нѣка мочь мнѣ строивша навѣтъ
Исторгла у меня послѣднiй мыслей свѣтъ.
Какъ страхомъ во мѣста безвѣстныя влекомый,
Я бѣгъ, и потерялъ дороги мнѣ знакомы,
Жена моя, увы, заблуждьша отъ пути
Иль отъ усталости безсильна вдаль итти,
Отстала отъ меня; иль рокомъ похищенна
Супружнимъ болѣе очамъ не возвращенна!
И я не ранѣе примѣтилъ сей уронъ,
Какъ ужь достигъ бугра, гдѣ былъ Церериnъ тронъ.
Здѣсь, всѣмъ собравшимся, ея одной не стало;
Ея вотще я, сынъ, все сонмище искало.
Въ безумьи на кого тутъ жалобъ я не клалъ?
Изъ смертныхъ, изъ боговъ кого не обвинялъ?
Во градѣ, кой плѣнивъ повергли супостаты,
Что было мнѣ сея мучительнѣе траты?
Асканiя, отца, отечества боговъ
Препоруча моимъ сопутникамъ въ покровъ,
И во глубокой ихъ сопрятавши долинѣ,
Подъ збруей самъ во градъ стремлюся на единѣ,
Готовъ минувшiя подъяти вновь труды,
Сквозь Трою вновь пройти, пронестыся сквозь бѣды.
Ко мрачнымъ вспять вратамъ ногъ стопы обращаю,
Вторично тѣ мѣста, гдѣ несся, посѣщаю;
Изъ улицы, блудя, въ другую прехожу,
И осторожный взоръ повсюду возвожу.

Вездѣ

Вездѣ напасть, вездѣ встрѣчаютъ ужасъ очи
И самое страшитъ молчанье темной ночи.
Несуся въ отчїй домъ, ждя лучшаго плода,
Что можетъ быть зашла Креуза какъ туда,
Съ неутолимою все жечь и грабить жаждой
Тамъ грозны варвары чертогъ одержатъ каждой;
Усиленъ вѣтромъ огнь на кровы востаетъ,
Лютѣетъ, съ искрами на воздухъ пылъ лїетъ.
Оттолѣ къ дому ходъ Прїамлю простираю
И паки на Пергамъ поверженный взираю;
Но тамо Иринъ храмъ, преходовъ долгота
Вся вражьими уже толпами занята.
Ужь Финиксъ и Улиссъ убїйствами несыты
Подъ стражею блюдутъ корысти знамениты.
Сюда сокровища всей Трои снесены,
Которы отъ огня свирѣпа спасены;
Столы для жертвъ богамъ, изъ золота сосуды,
Одежда, и другихъ стяжанїй разныхъ груды.
Дѣвицы, юноши, почтенныхъ сонмы женъ
Стоятъ кругъ оныхъ, свой оплакивая плѣнъ.
Ниже я токмо градъ плѣненный созерцати,
По стогнамъ я дерзалъ Креузу восклицати,
Стократно имя той во мракѣ повторялъ,
Но тщетно голосъ мой на воздухѣ терялъ.
Скорбящу мнѣ на трудъ исканья неуспѣшный
Пускающуся въ гнѣвъ и стоны безутѣшны;
Се тѣнь жены очамъ является моимъ,
Превозвышающа ростъ оныя своимъ!

Узрѣвъ призракъ я сталъ, мой разумъ врозь растекся,
Взнялися въ верьхъ власы, въ гортани гласъ пресѣкся.
Облегчевая мой болѣзнующїй духъ,
„Почто, речетъ мнѣ тѣнь, сладчайшїй мой супругъ!
„Толь зѣльно ропщеши твоей на горесть доли?
„Не безъ всевышнїя сїе творится воли;
„Креузу взять съ собой судьба тебѣ претитъ,
„Правитель горняго Олимпа не велитъ,
„Тебѣ далекїя предпринимати странства,
„Тебѣ переплывать глубокихъ морь пространства.
„Достигнешь флотомъ ты въ Гесперскїе краи,
„Гдѣ тихїй Тибръ катитъ, межь тучныхъ поль, струи.
„Тамъ щастье ждетъ тя, тронъ, съ царевной брачны узы;
„Не плачь, и позабудь любовь твоей Креузы.
„Въ прегордой Грецїи во вѣки мнѣ не жить;
„Не стану, какъ раба, Гречанкамъ я служить,
„Я! дщерь Прїамова, невѣстка Афродиты!
„Мнѣ мать боговъ здѣсь санъ ввѣряетъ именитый;
„Я съ нею остаюсь! драгїй супругъ! прости,
„И попечительно Іула возрасти.
Свершивъ глаголъ, меня рыдающа, стеняща,
Пространно къ ней въ отвѣтъ бесѣдовать хотяща
Оставила, увы! не давъ начать рѣчей;
Преобратясь въ еѳиръ исчезла отъ очей.
Три раза я призракъ объяти покушался,
Три раза средь моихъ объятїй онъ терялся,
Какъ вѣтеръ, коего не можно уловить,
Какъ сонъ, котораго не льзя остановить.

Преходитъ ночь, я вспять ко холму прелетаю,
Гдѣ новыхъ ушлецовъ чудяся обрѣтаю.
Женъ сонмы, чадъ, мужей подъ мой стеклись призоръ,
Изгнанцевъ жалостный изъ отчества соборъ,
Мнѣ жертвовати всемъ готовы въ общемъ горѣ,
И слѣдовать за мной во всѣ концы чрезъ море.
И се надъ Идою предшественница дня
Венерина звѣзда возникла, мракъ гоня!
Враги, при всѣхъ вратахъ, усилили осаду;
Не зрѣлось ни отколь пособья плѣнну граду:
Я року уступилъ, который силой влекъ;
И рождьшаго подъявъ, на верьхъ горы востекъ.

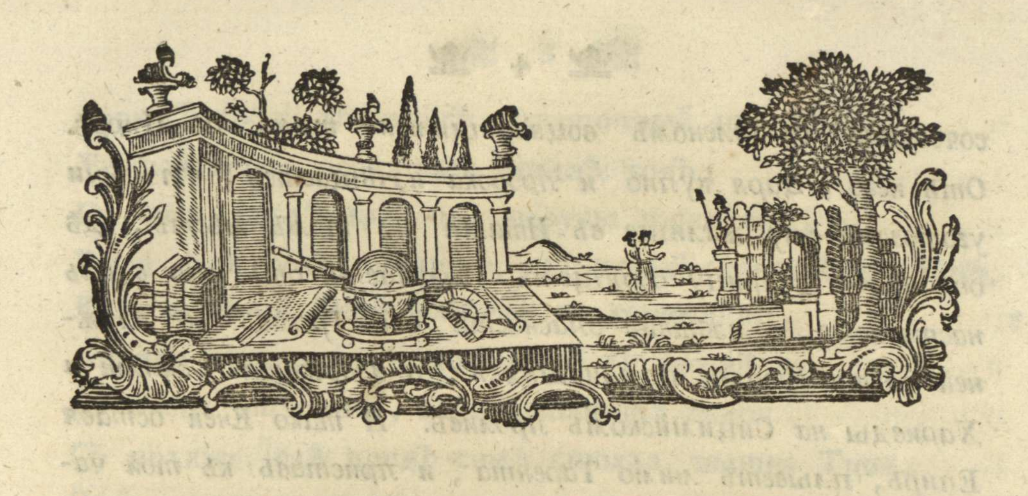
В. Петровъ

ЕНЕЙ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА

ПУБЛІЯ ВИРГИЛІЯ МАРОНА.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.



СОДЕРЖАНІЕ.

Еней продолжаетъ Дидонѣ повѣствованіе своихъ приключеній, которыхъ вторая часть въ сей пѣсни содержится, его мореплаваніе. По испепеленіи Трои, флотомъ изъ двадесяти кораблей сооруженныхъ втай при Антандрѣ, преносится онъ во Ѳракію, откуду ужасенный привидѣніемъ Полидора убіеннаго Царемъ Клитемнестромъ преплываетъ въ Дилъ, для вопрошенія Аполлона, отъ котораго получивъ отвѣтъ, искать древнія матери, *и оную по толкованію Анхиза, Критъ островъ быти возмнивъ, туда достизаетъ, и зиждетъ новый градъ. Но моровой язвѣ воставшей, извѣщенный во сновидѣніи отъ домашнихъ боговъ, что первоначальнее Троянъ обиталище есть Италія, во оную ускоряетъ. На пути привер[ж]енъ бурею къ Строфадскимъ островамъ, страждетъ отъ Гарпій, и слышитъ отъ Целены предвѣстіе ужаснаго глада. Отсюду приплывъ къ Актійскому мысу открываетъ позорищныя игры. По семъ приставъ ко Епиру, обрѣтаетъ Андромаху, уже*

сочетанну со Геленомъ воцарившимся тамо по Пиррѣ. Отъ него, царя купно и пророка извѣщается, что боги уготовали ему жилище въ Италїи на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ бѣлую веприцу обрящетъ. Получаетъ отъ него вдаль наставленїе, о избытїи опасности отъ Грековъ во ближней части Италїи поселившихся, о избѣжанїи Скиллы и Харивды на Сицилїйскомъ проливѣ. И тако Еней оставя Епиръ, плыветъ мимо Тарента, и приставъ къ той части Сицилїи, гдѣ лежитъ Етна, прїемлетъ къ себѣ на флотъ Ахименида, Улиссова спутника, отъ котораго извѣстясь о лютости Циклоповъ, на конецъ вносится въ Дрепанъ, западной Сицилїи портъ, гдѣ умираетъ Анхизъ. Отселѣ простряся въ Италїю занесенъ бурею въ Африку.

* * *

Когда все правящихъ Небесъ по произволу
Держава Азїи со трескомъ пала долу,
Достойный вѣчно цвѣсть Прїамовъ рушенъ
И пепломъ покровенъ дымился Илїонъ: [Тронъ,
Предзнаки, кои намъ Всевышни показуютъ,
Во чужды насъ страны бѣжати обязуютъ.
Природныхъ навсегда отторженные гнѣздъ,
Искать вдали пустыхъ предпринимаемъ мѣстъ.
Вблизи Антандра флотъ подъ Идой сооруженный,
Стоитъ ко плаванью пристойно снаряженный.

Зовя

Зовя съ собой въ побѣгъ остаточный народъ
Уготовляемся предаться безднѣ водъ;
Не зная, послѣ какъ мы парусы раскинемъ,
Куда насъ рокъ помчитъ, гдѣ трудъ скончавъ починемъ.
Едва весеннїй Фебъ востекъ на горизонтъ,
Анхизъ пускатися повелѣваетъ въ понтъ;
Со бреги отчества, съ пристанищи покоя,
Съ полями, гдѣ предъ симъ стояла пышна Троя,
Отъ сердца глубины рыдая разстаюсь,
Изгнанецъ въ океянъ невѣдомый несусь.
Соплаватели мнѣ нещастныхъ сонмы многи,
Мой сынъ, домашнїе и отчественны боги.
Вблизи отъ насъ лежатъ пространныя поля,
Ликургу нѣкогда подвластная земля,
Зовома Ѳракїей, гдѣ каждый нивъ оратай,
Оставя плугъ, на брань исходитъ храбрый ратай;
Страна, у коея, въ цвѣтущи Трои дни,
Былъ дружбы съ ней союзъ, и олтари одни;
Во ону по волнамъ теченье флота правлю
И стѣны перьваго на брегѣ града ставлю,
Нещастною въ сей портъ планетой завлеченъ;
Градъ именемъ моимъ Енеполь нареченъ.
Венерѣ и богамъ споспѣшникамъ начатыхъ
Мной зданїй приносилъ я дары жертвъ богатыхъ;
Царю превыспреннїй имущему престолъ
Лежалъ закланный въ честь на брегѣ тучный волъ.
Былъ видѣнъ холмъ вблизи, гдѣ твердая кранея
И благовонный миртъ разросся зеленѣя.

Чтобъ вѣтьвми олтари украсити мои,
Теку и тщуся рвать растѣнія сіи.
Но приключеніе послѣдуетъ предивно,
Обычну естества теченію противно.
Изъ корня древеси исторженнаго мной
Кровавы капли льютъ кропящи прахъ земной!
Всѣ уды моего оцѣпенѣли тѣла,
И хладна въ жилахъ кровь отъ ужаса густѣла.
Проникнуть тщась вину толь странна чудеси,
Вновь силюсь вѣтвь сорвать съ другаго древеси.
Другое древо мнѣ являетъ тѣ же знаки;
Изъ подъ коры его кровь черна каплетъ паки.
Въ прискорбьи сердца, гласъ я къ Нимфамъ лѣса шлю,
И Марса Ѳракіи защитника молю,
Да обратятъ сіе явленіе во благо,
Иль пошлютъ радость мнѣ прознаменья инаго.
Какъ дважды покусясь терзати лѣсъ вотще
Съ сугубой силою къ томужъ стремлюсь еще,
И упираяся колѣнами во землю,
Исторгнуть третіе растѣнье предпріемлю;
Повѣдать, иль молчать? плачевны словеса
Изъ подъ бугра въ мои несутся ушеса:
„Почто нещастнаго, почто, Еней, терзаешь?
„Да погребенна здѣсь тревожить не дерзаешь;
„Не оскверняй руки злочестьемъ твоея:
„Троянамъ и тебѣ сотечественникъ я.
„Кровь, кою зриши ты текущую изъ древа,
„Есть кровь не древеси, но племени царева.

„ОтЪ лютой сей страны стремись, стремися вЪ бѣгЪ,
„Оставь скоряй, оставь сребролюбивый брегЪ;
„Я оный ПолидорЪ, кой нагло умерщвленный
„На мѣстѣ семЪ лежу стрѣлЪ тучей подавленный;
„И стрѣлы, что меня изЪ свѣта унесли.
„Моею кровью вЪ лѣсЪ колючій возрасли.
ВнявЪ стонЪ изЪ подЪ земли толь страненЪ и ужасенЪ
Стою безЪ чувствія, мертвѣющь и безгласенЪ.
Нещастливый ПріамЪ осаду видя стѣнЪ,
И блискій отвратить отчаяваясь плѣнЪ,
Ко Ѳракіи царю, отЪ бѣдствій для призора,
СЪ нещетнымЪ втай послалЪ богатствомЪ Полидора.
ѲракЪ той страны держась, гдѣ щастья лучь блисталЪ,
КЪ побѣдоносному оружію присталЪ;
Поправый всякЪ законЪ жизнь гостю прекращаетЪ
И алчный все кЪ себѣ стяжанье похищаетЪ.
Проклятый злата блескЪ! на кую злость и студЪ
Прельщенные тобой словесны не дерзнутЪ?
По разрѣшеніи отЪ ужаса жестока,
И воспріятіи обычна мыслей тока,
Превосходящія всю вѣру чудеса,
Которы сильны мнѣ послали небеса,
Анхизу и вельможь собору повѣствую,
И кая оныхЪ мысль вЪ семЪ дѣлѣ, испытую.
Единогласны всѣ, пуститься вЪ глубь морей,
Оставить сушу золЪ, гостинницу кровей.
Но прежде нашего отплытія вЪ пучину
Готовимся погребсть царевича по чину.

Составленъ изъ земли наметанной бугоръ,
Гдѣ мнимо долженъ былъ почити Полидоръ.
Два духу олтаря подъ чернымъ покрываломъ
Стоятъ другъ отъ друга во разстояньи маломъ.
Со четырехъ сторонъ печальный кипарисъ
На оны вѣтьвями приосѣняя висъ.
Съ исполненными слезъ Троянки очесами,
Со распущенными по раменамъ власами,
Вкругъ движась олтарей износятъ вопль и стонъ;
Обычай, что хранилъ издревле Иліонъ.
Мы съ теплымъ кровь млекомъ изъ чашей возливаемъ,
И душу усопшаго въ гробницу сокрываемъ;
Трикратно именемъ къ себѣ его зовемъ,
Трикратно съ нимъ на вѣкъ прощаясь вопіемъ.
Лишь въ морѣ ходъ судамъ открылся безопасенъ,
И вѣтеръ нашему намѣренью согласенъ
Возвѣялъ съ юга, насъ ко плаванью маня;
Со суши корабли спускаемъ не косня.
Брегъ стонетъ множествомъ сотекшихся покрытой;
Бѣжимъ страны сребромъ и кровію несытой.
Несетъ изъ пристани насъ тиха вѣтра мочь,
Летятъ отъ насъ верьхи и горъ и башенъ прочь.
Есть островъ множествомъ красотъ обогащенный,
Доридѣ и морей державцу посвященный,
Что древле, какъ корабль носяся по волнамъ,
Ко разнымъ преплывалъ вселенныя странамъ;
Но стрѣломечуща днесь властью Аполлона
Гіаромъ укрѣпленъ, и высотой Микона,

Стоитъ неколебимъ, какъ проча суши твердь;
Не можетъ вихрь его, ни волнъ удары стерть.
Внесясь въ сїю отъ бурь надежнѣйшу ограду
Находимъ по трудахъ желанную отраду;
И выступя на брегъ ко городу спѣшимъ,
Что полнитъ Аполлонъ присудствїемъ своимъ.
Царь Анїй, Дила царь, и Феба жрецъ почтенный
Убрусомъ и вѣнцемъ лавровымъ покровенный
Исходитъ въ срѣчу намъ, Анхиза познаетъ,
Съ которымъ дружбой онъ отъ давныхъ связанъ лѣтъ;
Гостепрїимства въ знакъ десницы сопрягаемъ,
И къ Анїевымъ путь чертогамъ простираемъ;
Храмъ Фебовъ древностью величественъ и твердъ
Стоитъ изъ мрамора ко небеси простертъ.
Вшедъ въ оный, истинны я бога созерцаю,
И съ распростертьемъ рукъ, „Даждь, Фебе, восклицаю
„Намъ прочну область, градъ, жилища, олтари,
„И родъ нашъ въ поздное потомство распростри,
„Избавь вторый Пергамъ отъ безпредѣльна странства
„Остатокъ спасшїйся рукъ Греческихъ тиранства.
„Кто вождь нашъ? въ кїя течь подсолнечной концы,
„И гдѣ почити намъ? о Господи! прорцы.
„Посли прознаменье съ престола намъ всещедра,
„И нашихъ внидь сердецъ въ благоговѣйны нѣдра.
Едва изъ устъ моихъ мольба произнеслась;
Храмъ, лавры, и гора вся окрестъ потряслась!
Раскрылся, возшумя, завѣсъ предъ Аполлономъ,
И двигались, надъ нимъ висяща сѣнь, со стономъ!

Мы ницъ поверглися отъ ужаса чудесъ,
И нашихъ сицевый коснулся гласъ ушесъ:
„Трояне храбрые! тѣ нивы многоплодны,
„Гдѣ ваши праотцы живали перьвородны,
„Къ себѣ васъ ждутъ; земли ищите вы сея,
„Ищите матери объятїй своея.
„Енеевъ тамо домъ владѣтель будетъ свѣта
„И чада чадъ его во безконечны лѣта.
Фебъ рекъ, и абїе воздвигся шумъ и кликъ:
Въ унылыя сердца лучь радости проникъ;
Всѣ стали вопрошать, подъ коимъ градъ сей небомъ,
Куда блудящїй сонмъ зоветъ гласъ данный Фебомъ?
Тогда родитель мой во памяти своей
Предтекшихъ бытїи соображая дней
„Вѣщанью старцеву, вельможи! рекъ, внимайте,
„И твердость вашея надежды днесь познайте.
„Есть островъ, полнящїй всю бездну славой, Критъ,
„Герой, на коей Зевсъ воспитанъ, знаменитъ,
„Гдѣ сто градовъ смотря на нивы окрестъ тучны,
„Какъ царства сильныя, цвѣтутъ благополучны;
„Здѣсь рода нашего начальна колыбель.
„Коль вѣрно помню я, великїй Тевкръ отсель
„Со частью третїей народа отдѣлился,
„Достигъ Ретейскихъ странъ, и тамо поселился.
„Еще во оны дни не созданъ былъ Пергамъ;
„Всѣ жительствовали въ долинахъ по лугамъ.
„Со Тевкромъ къ намъ пришла всевышнихъ мать велика,
„И ей гремяща въ честь кимвальная музыка,

„Названіе горы Идейскія и рощь,
„Непроницаема священнодѣйства нощь,
„И двоицею львовъ влекома колесница,
„На коей рождьшая боговъ сѣдитъ царица.
„Пойдемъ, куда судьба намъ шествовать велитъ,
„Умилостивя вѣтръ, простремся въ островъ Критъ.
„И близокъ перѣздъ; когда продлится ведро,
„Во третій день нашъ флотъ въ желанно внидетъ нѣдро.
То рекши, божествамъ долгъ отдалъ кажду свой.
Нептуну, волъ, тебѣ, прекрасный Фебъ, другой,
Погодѣ, коя тмитъ свѣтъ солнечный и лунный,
Даръ черный былъ овен, Зефирамъ бѣлорунный.
Слухъ несся, яко бы изъ отчества изгнанъ
Чужихъ Идоменей потекъ искати странъ.
Что праздны были всѣ отъ войскъ намъ злобныхъ грады
И островъ весь лежалъ безъ должныя ограды.
На парусахъ нашъ флотъ изъ Дила въ понтъ летитъ;
Мы Наксъ, что виноградъ на горъ хребтахъ раститъ,
Донизу лѣпую зеленостію брега
И Паросъ бѣлизнѣ подобящійся снѣга,
Олеаръ, и други минуемъ острова,
Что общая зоветъ Цикладами молва,
И кои подлѣ нихъ насѣянны, какъ нивы,
Чрезъ уски дѣлятся другъ отъ друга проливы.
Труждаясь на прерывъ возносятъ кликъ пловцы
Въ Критъ плыти! всѣ гласятъ, въ Критъ! наши тамъ [отцы.
Воставый вѣтръ съ кормы въ пособье флоту дуетъ
И намъ въ желанный портъ достичь споспѣшествуетъ.

Не медля и на семъ градъ зижду острову
Пергама въ память кой Пергамїей зову.
Народу радостну, что тако градъ нарекся,
Нравоученье я пристойно дати пекся;
Любовь ко новому имъ отчеству вѣщалъ;
И горду крѣпость въ немъ воздвигнуть увѣщалъ.
Ужь были всѣ суда на сушу извлеченны
Троянски юноши къ селенью назначенны
По бракѣ, Критскихъ дѣвъ въ сожитїе вели,
И упражнялися въ воздѣланьи земли.
Я добраго законъ начертавалъ гражданства,
И точны ихъ жилищь, и стогнъ, и поль пространства:
Какъ вдругъ отяготясь опасной воздухъ тлей
Палъ гибеленъ съ небесъ на скотъ и на людей;
И класы и древа терзаетъ тажь судьбина;
Пагубоносная постигла все година.
Иной въ послѣднїй разъ на милъ взираетъ свѣтъ,
Другой полмертвъ едва стопы свои влечетъ.
Зной Сирїя полей заразу умножаетъ,
Сушитъ траву, плоды, и гладомъ угрожаетъ.
Анхизъ совѣтуетъ обратно въ Дилъ грещи,
Да вновь благоволитъ намъ сильный Фебъ рещи,
Когда онъ горестей отъ насъ отъиметъ чашу?
Какимъ пособїемъ сїю томимость нашу
Сїе несносно намъ страданье прекратить?
Въ кїй свѣта край судовъ теченье обратить?
Ночь крыла долъ, и всѣ животны почивали;
Боговъ кумиры, что меня сопровождали,

Во время оныя всеобщія бѣды
Исторженные мной изъ пламеней среды,
Во сновидѣньи мнѣ являются предъ очи
Блистая свѣтомъ, кой, среди прекрасной ночи,
Сквозь окна полная лила съ высотъ луна
Въ ту горницу, гдѣ я лежалъ въ объятьи сна.
„Остави, мнѣ рекутъ, оставь, Еней, мысль ону,
„Ко прорекающу вновь плыти Аполлону;
„Изъ нашихъ устъ теперь внемли его отвѣтъ:
„Онъ самъ во твой чертогъ передъ тебя насъ шлетъ.
„Упадшей Трои, мы съ тобой соединились,
„Съ тобой по широтѣ надмѣнныхъ морь носились.
„Мы тѣ, которые возвысимъ чадъ твоихъ,
„И всю подсолнечну подвержемъ скиптру ихъ.
„Великимъ ты вождямъ готовь велики стѣны,
„Трудъ бѣгства продолжай, ищи жилищь премѣны.
„Не къ симъ брегамъ велѣлъ вамъ плыти Аполлонъ,
„Не Критъ селенiемъ для васъ назначилъ онъ.
„Есть область, гречески Гесперiей словуща,
„Избыточна плоды, и бранiю могуща,
„Енотрянъ древле домъ; Италiей она
„Днесь новыхъ по вождю пришельцевъ названа,
„Здѣсь наше должно быть жилище постоянно
„Во одержанiе намъ собственное данно:
„Отсель произошли Iасiй и Дарданъ,
„Родоначальники великiе Троянъ.
„Востань, повѣждь сiе Анхизу неотложно:
„О правдѣ нашихъ словъ сомнитися не можно.

„Корита, и земли Авзонскія ищи;
„Зевесъ тебѣ претитъ во Критѣ жизнь влещи.
Зря вышнихъ я, и гласъ ихъ внемля ужаснулся,
Полнъ чуднаго въ умѣ видѣнія, проснулся.
[Не сонъ то былъ; боговъ я въ явѣ созерцалъ,
И ихъ другъ отъ друга, казалось, различалъ
По взорамъ ихъ ко мнѣ въ то время обращеннымъ,
По росту, по власамъ вѣнцами покровеннымъ;
Объялъ мя страхъ, чело мнѣ потомъ ороси]
Вспрянувый отъ одра, и длани вознеся
Благодаренья гласъ ко небу возсылаю
И дары чистыя на горны возлагаю;
По семъ ко рождьшему съ веселіемъ теку,
Да все, что зрѣлъ, ему по ряду изреку.
Онъ выслушавъ меня на мысль себѣ приводитъ
Двухъ праотцевъ, отколь Троянскій родъ исходитъ,
И абіе свою погрѣшность познаетъ,
Что бога Дильскаго не понялъ онъ отвѣтъ,
„О сыне, рекъ, предлогъ Троянскія судьбины!
„Кассандрины уста вѣщали мнѣ едины,
„Что намъ Гесперія въ наслѣдіе дана;
„Твердила часто мнѣ Италію она;
„Но кто мечталъ въ сіи достигнуть насъ границы?
„Кто вѣрилъ въ оны дни пророчеству дѣвицы?
„Такъ хощетъ Фебъ; смиримъ свои предъ нимъ умы.
Онъ рекъ, и старцу всѣ совосплескали мы.
Спѣшимъ изъ острова, не многихъ въ немъ оставя;
Подъемлемъ парусы въ пучину бѣгъ свой правя

Лишь

Лишь въ глубь внеслись, и долъ отъ нашихъ глазъ
Не зрѣлось ничего волнъ кромѣ и небесъ; [изчезъ,
Лїетъ въ насъ дождь изъ тучь несущихъ ночь и бурю,
Простерся грозный мракъ по чисту водъ лазурю.
Вдругъ дунувъ силой всей колеблетъ море вѣтръ,
Какъ пропасть межь валовъ глубокость зрится нѣдръ.
Флотъ стонетъ разомченъ по хлябямъ океяна;
Не видѣнъ солнца лучь за густотой тумана.
Непроницаема, чернѣющая мгла
Всю неба синеву, разстлавшись, облегла.
Рвя облакъ, молнїи безперерывно блещутъ,
Утратя путь пловемъ, куда насъ волны мещутъ.
Самъ кормчїй ночь отъ дня не можетъ распознать,
Не можетъ Палинуръ прямой стези понять.
Три тако дни во тьмѣ носились мы средь бездны,
Три нощи небеса насъ крыли въ ней беззвѣздны.
Во третїй день предъ нашъ явилась суша взоръ,
Сталъ видѣнъ дымъ вдали; вершины вскрылись горъ.
Соемлемъ парусы, и въ весла ударяемъ,
Клубя и пѣня понтъ на греблѣ ускоряемъ.
Спасенну мнѣ отъ волнъ единъ изъ островов
Строфадскихъ подаетъ прибѣжище и кровъ.
Строфады Греческимъ глаголемы языкомъ
На морѣ возлежатъ Iонїи великомъ.
Целена лютая и Гарпїй злыхъ соборъ,
Со дней, какъ возбраненъ Финеевъ сталъ имъ дворъ,
Лишенные царя великолѣпной пищи
Вселилися въ сїи уединясь жилищи.

Скверняй сихъ чудищь адъ на свѣтъ не изрыгалъ,
И смертныхъ язвой Зевсъ лютѣйшей не каралъ.
Пернатыя сіи дѣвичьи имутъ зраки,
На скаредныхъ чревахъ обжирства вѣчны знаки,
Кохтисты руки, злость и блѣдность на челахъ,
Во челюстяхъ ихъ гладъ и смерть на очесахъ.
Вшедъ въ портъ, стада воловъ видѣньемъ доброзрачныхъ
И козъ безъ пастырей на пажитяхъ зримъ злачныхъ.
Премногихъ низложа стрѣлами и мечемъ
Боговъ и Зевса въ часть корысти сей зовемъ;
Сооружа одры на берегѣ изъ дерна
Пируемъ посреди раскошества безмѣрна:
Какъ быстрый съ горъ полетъ внезапно устремя
И крылъ біеніемъ по воздуху шумя
Несыты Гарпіи изнесши кохти страшны,
Падутъ на насъ сквернятъ и расхищаютъ брашны!
Гортань ихъ дикій гласъ пускаетъ, аки адъ,
Ліется изъ тѣлесъ несносный окрестъ смрадъ.
Мы тощія скалы, далече, подъ навѣсомъ
Приосѣненные растущимъ окрестъ лѣсомъ
Готовимъ вновь столы; средь новыхъ олтарей
Возводимъ жертвенникъ куреніе огней:
Вновь люты Гарпіи, томимы адскимъ гладомъ,
Изъ мрачныхъ къ намъ пещеръ летятъ шумящимъ ста-
Съ простертіемъ кохтей пускающися въ долъ [домъ;
Нашъ паки пустошатъ и оскверняютъ столъ.
Велю своимъ пріять оружіе во длани,
Противъ чудовищь сихъ устроиться ко брани.

ВЪ

ВЪ мигЪ наши по кустамЪ мечи свои кладутЪ
И притаивЪ щиты соперницЪ лютыхЪ ждутЪ.
Лишь только гнусныя творенья низлетѣли,
И крылЪ біеніемЪ вдоль брега возшумѣли;
МизенЪ сЪ горы даетЪ кЪ сраженью знакЪ трубой:
ВступаютЪ ратники для нихЪ во странный бой;
Мечами грозныя возЪемлютЪ вЪ верьхЪ десницы,
Гдѣ тучей мерзскія сомкнулись моря птицы;
Но мечь не можетЪ ихЪ поранить, поколоть;
Безвредну, возлетя, уносятЪ кЪ небу плоть,
Оставя по себѣ знакЪ алчности безмѣрной,
Полусожранну снѣдь, и видЪ повсюду скверной.
Всѣ кЪ небу возвились; изчесли ихЪ слѣды;
Целена лишь одна предвѣстница бѣды
На каменной горы вершину возлетѣла,
И встрепенясь, оттоль сіи стихи пропѣла:
„Трояне дерзкіе! иль мало ради васЪ
„Лишити собственныхЪ тельцевЪ и юницЪ насЪ?
„Брань надобно еще, брань сЪ нами весть безчинно,
„И Гарпій гнать изЪ ихЪ отечества безвинно?
„Внемлитежь днесь мой гласЪ и скройте внутрь сердецЪ.
„Что самЪ изрекЪ мнѣ ФебЪ, ему боговЪ отецЪ,
„Царица Фурій то вамЪ нынѣ предрекаю.
„Ко Италійскому стремитеся вы краю:
„Споспѣшный вѣтрЪ вамЪ дастЪ коснуться сей земли,
„ВнесетЪ вЪ пристанище желанно корабли;
„Но не возможете дозволеннаго града
„Воздвигнути дотоль, пока жестокость глада

„Принудитъ васъ столы изгрызанны поясть,
„Во мщенье, что войной вы смѣли насъ потрясть.
Рекла, и въ мрачный лѣсъ взвилась крылъ быстрыхъ ма-
Ликъ воевъ пораженъ неизреченнымъ страхомъ [хомъ;
Стоитъ безъ чувствія; во мысляхъ ихъ не бой;
Спѣшатъ прибѣгнути ко Гарпіямъ съ мольбой;
Богинилъ то, или творенія прокляты,
Прямы пророчицы, иль гнусныя пернаты.
Анхизъ простря свои въ верьхъ длани со бреговъ
Съ обѣтомъ жертвъ, зоветъ великихъ сонмъ боговъ:
„Нещастіе сіе, о боги! отвратите,
„И милостиво родъ васъ чтущій соблюдите.
За симъ велитъ суда отъ брега отрѣшать,
Споспѣшный началъ Нотъ во парусы дышать.
По пѣнящейся флотъ пучинѣ успѣваетъ;
Летимъ, куда насъ вѣтръ и кормчій порываетъ.
Уже средь волнъ Закинѳъ является лѣсистъ,
Дулихій, и Самосъ и Неритъ каменистъ;
Бѣжа скалъ Иѳаки, земель Лаерта славна,
Клянемъ отечество Улисса звѣронравна.;
И вскорѣ бурный верьхъ крутой Левкаты зримъ;
И Феба толь судимъ ужаснаго морскимъ.
Отъ долгаго межь волнъ хожденія усталы
Сюда Нерикоса несемся въ стѣны малы.
Легли на якоряхъ вдоль брега корабли;
Скоряй, какъ чаяли, коснувшися земли,
Жертвъ тучныхъ на олтарь возносимъ дань обильну
Сохраньшу насъ въ пути Юпитеру всесильну.

На

На брегѣ Актїя Троянскихъ зрѣлищь блескъ
Открывъ, торжественный заводимъ шумъ и плескъ;
Фригїйски юноши силъ полны и надежды
Вступаютъ во борьбу, совлекшися одежды;
Сцѣпясь, стопами персть чужихъ чертятъ полей,
Течетъ, средь подвига, со членовъ ихъ елей.
Ликуемъ, что въ пути отъ Грековъ мы спаслися,
Среди владычествъ ихъ безвредно пронеслися.
Межь тѣмъ, обращься вкругъ свершаетъ солнце годъ;
Зима Бореевъ шлетъ морскихъ въ пучину водъ.
Дабы не упустить ко плаванїю время,
Щитъ мѣдный, крывшее Аванта въ битвахъ бремя,
При дверяхъ капища своею самъ рукой
Привѣсити спѣшу со надписью такой:
„Корысть, что здѣсь Еней въ даръ Фебу посвящаетъ,
„Надъ побѣдительми побѣду возвѣщаетъ.
По семъ велю пловцамъ взиматися за трудъ;
Они на перерывъ понтъ пѣнятъ и мятутъ.
Феацки башни се изъ взора мы теряемъ,
И плыти вдоль бреговъ Епира ускоряемъ;
Склоня въ Хаонское пристанище свой флотъ,
Въ высокїй опочить возшествуемъ Буѳротъ.
Неимовѣрной здѣсь обрадованъ я вѣстью;
Прїамовъ будто сынъ вѣнчанный царской честью
Геленъ удѣльнаго Епира правитъ долъ,
По Пиррѣ получивъ супругу и престолъ;
Что Андромаху вновь въ участье брачна ложа
Сотечественный ей Троянскїй взялъ вельможа.

Да приключенїй токъ подробно весь вниму,
Оставя флотъ теку къ Гелену самому;
Отъ града въ близости среди дубравы мрачной,
Гдѣ новый Симоендъ шумя струей прозрачной
Минувши древняго напоминалъ красы,
По нѣкоей судьбѣ, въ тѣ самыя часы
Торжественный обрядъ въ честь Гекторова праха
Болѣзнующая свершала Андромаха;
Гробницу, вызывъ слезъ, дернъ мягкїй покрывалъ,
Сугубый жертвенникъ близъ оныя стоялъ;
И Андромаха гласъ рыданьемъ прерывая
Кричала, мощну тѣнь супруга призывая.
Узрѣвшая меня внезапу предъ собой,
И окрестъ воиновъ въ Троянскихъ збруяхъ строй
Среди ужасности чудесъ оцѣпѣнѣла,
Померкли очеса и грудь оледѣнѣла,
Въ объятїя рабынь во омракѣ падетъ!
По нѣсколькѣ минутъ съ трудомъ въ себя пришедъ:
„Богининъ сынъ, гласитъ, тебя ли зрю неложно?
„Ты живъ; и здѣсь твое присудствїе возможно!
„Иль ежели ты днесь стоиши предо мной
„Лишь тѣнь Енеева; повѣждь, гдѣ Гекторъ мой?
Рекла, и горькими слезами оросилась;
Стенанїемъ ея вся роща огласилась.
Смятенъ, скорбящей ей отвѣтствую едва,
Перерываются въ устахъ моихъ слова.
„Я живъ, вѣщаю ей, коль жизнью слыть достойны
„Минуты кажда дня плачевны, неспокойны.

„Не сомнѣвайся, зришь Енея предъ собой;
„Увы! по Гекторѣ что дѣялось съ тобой;
„Вдовицею по семъ героѣ ты осталась,
„Иль Пирру плѣнница супругою досталась?
Съ стыдѣнїемъ она свой долу взоръ низведъ,
„Блаженнѣйша изъ всѣхъ Прїамля дщерь! речетъ,
„Котора въ отчествѣ, злодѣйской тѣни жертва,
„При гробѣ онаго закланна, пала мертва;
„И смертїю себя отъ рабства сберегла
„Ко побѣдителю на одръ не возлегла.
„По падшей Трои я изъ понта въ понтъ влекома,
„Принуждена сносить киченье Фтїйска дома,
„И юнаго вождя неукротимый нравъ,
„Кой узы брачныя со мною разорвавъ,
„Супруги новыя искалъ въ Лакедемонѣ,
„И сердце перенесъ свое ко Гермїонѣ;
„Меня невольницу Гелену обручилъ,
„Подобный коего неволи рокъ тягчилъ.
„Но гнѣвъ и мщенїе неистова Ореста,
„Скорбяща, что его отъемлется невѣста,
„Неосторожнаго постигнули царя;
„Во Дельфахъ убїенъ онъ палъ у олтаря
„Когда Неоптолемъ былъ преданъ смерти тлѣну,
„Владѣнїй часть его досталася Гелену,
„Кой ону брата въ честь Хаонїей нарекъ,
„А сей Пергамомъ холмъ и Троею облекъ.
„Но твой по морю бѣгъ кїй вѣтръ сюда направилъ?
„Кїй богъ межь насъ тебя невѣдуща поставилъ?

„Асканій живъ ли твой и здравствуетъ ли сынъ,
„Участникъ въ младости намъ горестныхъ судьбинъ?
„Какъ онъ несетъ уронъ и матери и Трои?
„Изображаютсяль въ немъ прадѣды герои?
„И движутъ ли его тещи добротъ стезей
„Иль дядя иль отецъ, иль Гекторъ иль Еней?
Вѣщаетъ такъ, съ рѣчьми стенаніе мѣшая,
И тщетными лице слезами орошая.
Но се со множествомъ вельможъ, внѣ градскихъ стѣнъ,
Во срѣтеніе намъ исходитъ самъ Геленъ!
Познавъ своихъ ведетъ со радостью въ чертоги;
Во продолженіе до градскихъ вратъ дороги
Беседуетъ, и токъ своихъ изъ устъ рѣчей
Сопровождаетъ слезъ потокомъ изъ очей.
Несяся по стопамъ предшествующа друга
Зрю пышный Трои видъ, внутрь мала стѣнъ округа;
Въ изсякшемъ токѣ зрю Скамандровы струи;
Объемлю съ радостью вратъ Скейскихъ вереи;
Сообщники мои пуская взоръ по граду,
Вкушаютъ равную отъ зрѣлищь сихъ отраду.
Гостепріимецъ всѣхъ ко пиру приглашалъ,
Въ огромныхъ храминахъ пришельцевъ угощалъ.
Ликуемъ среди двора убранствами богата;
Сосуды по столамъ изъ цѣльна блещутъ злата.
Уже преходитъ день, преходитъ и другой,
Вѣтръ кличетъ въ море флотъ, суля намъ путь благой;
Но прежде нежели подвергнуся волнъ року,
Ко вѣнценосному прибѣгнувый пророку

„Ты,

„Ты, кой, реку, боговъ толкуеши законъ,
„Устами коего вѣщаетъ Аполлонъ,
„Въ треножьяхъ зритель тайнъ, во лаврахъ и планетахъ,
„Во крикѣ птицъ, и ихъ подъ небесемъ полетахъ!
„Склонися на мою склонися днесь мольбу
„Открой, Геленъ, открой грядущу мнѣ судьбу.
„Въ Италїю меня всѣ боги посылаютъ,
„Обряды всѣ мнѣ путь щастливый предвѣщаютъ.
„Целена лишь мой слухъ ужасностью разитъ,
„Отмщенїемъ съ небесъ и гладомъ мнѣ грозитъ.
„Рцы, кїя для меня опаснѣй всѣхъ уроны,
„И какъ преодолѣть толь тяжкїя препоны.
Геленъ сперьва богамъ въ даръ жертвы вознеся,
Стоялъ предъ олтарьми, о мирѣ ихъ прося;
По семъ сорвавъ съ главы священно покрывало,
Что вдоль его раменъ простершись развѣвало,
Ко Аполлону въ храмъ мя за руку повлекъ;
Трепещущею я туда ногою текъ.
Коль скоро предъ лице онъ божїе достигнулъ,
Сїе пророчество изъ устъ своихъ отрыгнулъ:
„Богининъ сынъ! открылъ мнѣ то великїй Фебъ,
„Что твой предводитъ флотъ всевышнихъ власть судебъ;
„Что на сїе отецъ боговъ соизволяетъ,
„И тако свѣту днесь тещи опредѣляетъ;
„Дабы тебя средь морь отъ бѣдъ предостеречь
„И въ то пристанище пособствовати втечь,
„Которо для тебя въ Авзонїи готово;
„Я краткое хощу къ тебѣ простерти слово.

„Вдаль

„Вдаль знати будуще Гелену не дано
„Юноной вдаль ему вѣщать возбранено.
„Италїя, что намъ сосѣдственной ты числишь,
„И въ нѣдра коея толь скоро внити мыслишь,
„Странами многими отсель раздѣлена,
„Безмѣрностью пути лежитъ отдалена.
„Тебѣ усильемъ веслъ Сицильску пѣнить влагу,
„И вѣять твоему межь волнъ Авзонскихъ флагу;
„Тебѣ ко острову Цирцеи приступать,
„И преисподнїя озера преплывать;
„Претерпишь велїй трудъ и долго время выждешь
„Ты прежде нежели желанный градъ созиждешь;
„Созиждешь оный ты среди твоей земли,
„И въ коемъ мѣстѣ, я предвозвѣщу, внемли.
„Когда уклоньшися народнаго ты шуму,
„Впадешь въ печальную, прохаживаясь, думу,
„И межь деревъ, что тѣнь на рѣчный мещутъ брегъ,
„Веприцу узриши бѣлѣющу, какъ снѣгъ,
„И тридесять вепрятъ, дѣтей одноутробныхъ,
„Своею бѣлизной ихъ матери подобныхъ;
„Тутъ подвига конецъ, начало тутъ отрадъ,
„Обѣтованный тутъ воздвигнеши ты градъ.
„Предвѣстье Гарпїи тебя да не тревожитъ:
„Могущество судьбы всѣ страхи уничтожитъ,
„И васъ томящее гаданье разрѣшитъ;
„Воззванный Аполлонъ вамъ въ помощь поспѣшитъ.
„Однако сихъ краевъ Италїи прибрежной,
„Что моря нашего шумливости мятежной

„Подвер-

„Подвержены, блюдись, сколь можешь, и бѣги:
„Повсюду наши здѣсь господствуютъ враги.
„Здѣсь Локры поселясь Нарикомъ овладѣли,
„Салентскія поля тутъ Критяне обсѣли,
„Тамъ воинъ, кой на брань Меливянъ предводилъ,
„Стѣнами Филоктетъ Петилію снабдилъ.
„Когда же во края намѣренны достигнешь
„И олтари твои вдоль берега воздвигнешь,
„Во время жертвенныхъ возсланія даровъ
„Навергни на главу пурпуровый покровъ,
„Дабы средь дѣемыхъ тобою приношеній,
„Среди торжественныхъ, въ честь Вышнимъ, всесожженій,
„Предъ очи не предсталъ враждебный нѣкій зракъ,
„И не смутилъ тебя, нещастія въ предзнакъ.
„Ты, спутники твои сей чинъ блюдите точно,
„Да въ роды сохраненъ онъ будетъ непорочно.
„Но какъ носимаго въ открытой глубинѣ
„Ко Сицилійской вѣтръ приближитъ тя странѣ,
„И въ разстояніи поемлемомъ отъ взора
„Начнутъ ширѣть врата сомкнутаго Пелора:
„Правь въ лѣво и простри кругомъ по морю ходъ;
„По праву сторону блюдись бреговъ и водъ.
„Слухъ носится, стихій борьбу начавшихъ сила
„Со трескомъ сушу здѣсь на полы раздѣлила;
„Отецъ развалинъ трусъ хребетъ ея разсѣкъ;
„Толики въ естествѣ родитъ премѣны вѣкъ!
„Двѣ стало суши, гдѣ былъ прежде долъ единый;
„Изъ провалившейся возникнулъ понтъ средины,

„И отъ Гесперскаго отторгъ Сицильскїй брегъ;
„Той тверди, а другой видъ острова сберегъ:
„По обоимъ стоятъ во чинѣ особливомъ
„И веси и града раздѣлены проливомъ.
„Тутъ вправѣ Скилла вой во весь пускаетъ зѣвъ;
„Тамъ влѣвѣ лютыя Харивды слышанъ ревъ,
„Котора въ жерла понтъ глубоко поглощаетъ,
„И паки съ клокотомъ на воздухъ возвращаетъ;
„То жретъ въ себя, то вдругъ изъ преисподнихъ мѣстъ,
„Какъ адскїй водометъ до самыхъ мещетъ звѣздъ!
„Не меньше Скилла зла, не менѣе свирѣпа,
„Извнутрь огромнаго и мрачнаго вертепа
„Изсуя выше волнъ зїяющїе рты
„Влечетъ къ себѣ суда на каменны хребты.
„Съ главы до пояса прелестнѣйшая дѣва,
„Рядъ волчьихъ челюстей пускающа изъ чрева,
„Чудовищной отъ чреслъ имуща рыбы видъ,
„Что движась понтъ хвостомъ дельфиновымъ мутитъ.
„Плыть лучше одаль, гдѣ безбѣдственна пучина,
„И съ тратой времени объѣхать кругъ Пахина;
„Чѣмъ любопытный къ ней пускать въ пещеру взоръ,
„И слышать вой и лай камнистыхъ окрестъ горъ.
„Но естьли нѣкїй смыслъ Гелену посланъ съ неба,
„И естьли истинно водохновенье Феба;
„Какъ вящїй долгъ тебѣ стремлюсь напомянуть:
„Юноны къ божеству благоговѣнъ будь.
„Пролей мольбы предъ сей владычицею сильной,
„Твори обѣты ей, чти жертвою обильной;

„Да тако на конецъ, торжественникъ ты бѣдствъ,
„Прейдешь въ Италїю, среду твоихъ наслѣдствъ.
„Внесясь въ Кумейскїй портъ, гдѣ токъ озеръ священныхъ,
„Гдѣ быстръ Авернъ шумитъ среди лѣсовъ сгущенныхъ,
„Обрящешь дивну въ сей пророчицу странѣ,
„Котора каменной пещеры въ глубинѣ,
„Въ восторгѣ, таинства судебъ поетъ небесныхъ,
„И пишетъ оныя на листвїяхъ древесныхъ;
„Пещеры на помостъ черту къ чертѣ кладетъ;
„Недвижимъ каждый стихъ порядокъ свой блюдетъ.
„Коль скоро дунувъ вѣтръ въ растворенныя двери
„Восхититъ легкїй трудъ пророчащїя дщери,
„Она въ безпечьи зря летанїе листковъ
„Не упражняется въ сложеньи вновь стиховъ,
„Тогда взыскующи пророчественна свѣта
„Кляня Сивиллу вспять отходятъ безъ отвѣта.
„Но ты на времени утрату не взирай,
„И спутниковъ твоихъ роптанье презирай,
„Хоть силой бы твой флотъ влекла погода въ море,
„Сулилъ бы вѣтръ пренесть ко краю должну вскорѣ,
„Манилъ бы парусы надутьемъ, не лети;
„Сивиллу первѣе въ пещерѣ посѣти.
„Моли, да гласъ къ тебѣ простретъ своей гортани:
„Она тебѣ народъ въ Италїи, и брани,
„Какъ несть труды, какъ ихъ избѣгнуть, предречетъ;
„Благопоспѣшно твой флотъ ею потечетъ.
„О семъ я долженъ былъ бесѣдовать съ тобою,
„Гряди, и къ небесамъ возвысь геройствомъ Трою.

Почивъ Геленъ своей бесѣды отъ труда,
Великолѣпные шлетъ дары на суда.
Тягчитъ весь флотъ, пока на брегѣ медлятъ гости,
Вещьми изъ золота и изъ слоновой кости,
Сребромъ, конобами, на коихъ вкругъ блисталъ
Рожденный посреди Додонскихъ рощь металлъ.
Мнѣ въ даръ особенный назначена отъ друга
Переплетенная вся золотомъ кольчуга,
И помавающїй перомъ высокимъ шлемъ,
Орудье, что предъ симъ носилъ Неоптолемъ.
Чествованъ и Анхизъ; искусны мореходцы
Въ надежные даны по безднѣ путеводцы.
Епирскїе кони къ дарамъ приложены,
Гребцами флотъ, ружьемъ всѣ ратны снабжены.
Не тратя красныя для плаванья погоды,
Анхизъ на парусахъ велитъ летѣть чрезъ воды.
Къ нему толкующїй небесны тайны князь
При разставанїи съ почтеньемъ обратясь,
„Любимецъ, рекъ, боговъ, блаженъ превыше мѣры!
„О удостоенный узъ брачныхъ отъ Венеры!
„Двукратно отъ мечей исторженный и пламъ;
„Которыми объятъ нещастный былъ Пергамъ,
„Анхизъ! Авзонїю се зриши предъ тобою;
„Лети сопровожденъ щастливою судьбою.
„Но тщись, дабы твой флотъ въ передъ въ передъ все
„Та далѣ часть лежитъ, котору Фебъ нарекъ. [текъ,
„О старецъ отъ небесъ благословенный сыномъ,
„Боговъ изъ пламеней исторгшимъ исполиномъ!

„Гряди; почто мнѣ твой остановляти путь;
„Бесѣдовать, когда споспѣшный вѣтръ сталъ дуть.
И Андромаха скорбь свидѣтельствуя стономъ
Дарила равно насъ при разлученьи ономъ.
Истканной золотомъ я ризою почтенъ,
Іулъ Фригійскою хламидой подаренъ.
Въ семъ случаѣ сама щедрота говорила
Достоинство тоя, которая дарила.
За симъ премножество хранившихся у ней
Искуствомъ ткательнымъ содѣланныхъ вещей.
Іулу поднося: „прими, дитя, вѣщала;
„То перстовъ трудъ моихъ; сама я все соткала.
„Чтобъ долго ты о мнѣ воспоминати могъ,
„Храни сїе моей любви къ тебѣ залогъ;
„Прими отъ твоего возможну щедрость друга,
„Симъ Гекторова днесь даритъ тебя супруга.
„Сладчайшїй отрокъ, въ комъ Астїанактъ мой живъ!
„Подобье истое, когда мой взоръ не лживъ;
„Онъ тако быстрые кидалъ повсюду взгляды;
„Такъ руки обращалъ и ликъ свой полнъ отрады!
„И естьли бы его мракъ смерти не покрылъ,
„Тебѣбъ лѣтами онъ теперь ровесникъ былъ.
Слезъ теплыхъ по лицу съ текущими струями,
Прощаюсь тако я съ сладчайшими друзьями:
„Живите щастливо, бѣдъ вашихъ кончанъ токъ;
„Отъ одного другой къ себѣ насъ кличетъ рокъ.
„Обрѣтшимъ вамъ покой ужь болѣе нѣтъ нужды
„Съ опасностью моря переплывати чужды;

„Искать Авзоніи, котора прочь бѣжитъ,
„И кою обрѣсти всемѣрно надлежитъ.
„У васъ Скамандровъ токъ и Троя предъ очами,
„Котору создали своими вы руками.
„Даждь небо, чтобъ сія щастливѣй той цвѣла,
„И Грековъ варварству приступна не была.
„Когда внесяся въ Тибръ поля мои увижду,
„И обѣщанный мнѣ отъ Неба градъ созижду;
„Положимъ дружества между собой завѣтъ,
„Котораго ничто на свѣтѣ не прервет.
„Влекущіе нашъ родъ отъ одного истока
„И одинакаго понесши тяжесть рока,
„Составимъ царствіе едино мы изъ двухъ,
„И въ поздны племена прельемъ любови духъ.
Разставшись, по волнамъ въ Италію дерзаемъ,
Keравній, къ ней отколь путь кратокъ, достизаемъ;
Межь тѣмъ скатяся въ понтъ кончаетъ солнце день;
Высоки горы вкругъ объемлетъ ночи тѣнь.
Метнувши якори на милый брегъ исходимъ,
Часть ночи, при волнахъ, во отдыхѣ преводимъ;
Изнеможенные объемлетъ члены сонъ,
Потребна стража флотъ отъ всѣхъ блюдетъ сторонъ.
Едва еще часы полунощны летѣли,
Недремлющъ Палинуръ встаетъ съ своей постели;
Въ дыханья воздуха искусный слухъ вперя,
Изслѣдуетъ всякъ вѣтръ колеблющій моря.
Очами каждое созвѣздье примѣчаетъ,
Что свой по небу токъ въ безмолвьи совершаетъ;

Испытный мещетъ взоръ въ Арктура и Гіадъ,
Предвозвѣщающихъ шумливый дождь и градъ.
Разсматриваетъ блескъ сугубаго Тріона
И ополченнаго во злато Оріона;
Примѣтя, что ефиръ надежду ведра шлетъ,
Съ кормы повѣстный знакъ ко плаванью даетъ.
Мы гласу кормчія нашъ сонъ прервавшу внемлемъ,
Садимся на суда и вѣтрила подъемлемъ.
Ужь звѣзды разогнавъ, разсыпавъ ночи мракъ,
Багряный изъ подъ волнъ заря возноситъ зракъ.
Темнѣяся вдали Италіански горы,
Съ водою равны, намъ являются предъ взоры.
Италія! гласитъ всѣхъ первѣе Ахатъ;
Италія! пловцы всѣ съ радостью кричатъ.
Анхизъ пріемъ потиръ виномъ вскрай полнитъ оной,
И съ верьху изъ цвѣтовъ вѣнчающій короной,
Со палубы къ богамъ моленіе ліетъ.
„Правители земли и моря! вопіетъ,
„Споспѣшна вѣтра намъ дыханіе пошлите,
„И къ брегу насъ сему принесть благоволите."
Усилясь жданный вѣтръ сталъ близить пристань къ намъ;
Открылся на горѣ Палладинъ взору храмъ;
Спѣша внестися внутрь пристанища толь мила,
Свивъ парусы, крутимъ туда свои кормила.
Гдѣ море бьетъ съ страны восточной во брега,
Есть суши край идущь изгибомъ, какъ дуга;
Камнистые бугры набѣгу волнъ открыты
Стоятъ, ихъ брызгами и пѣною омыты.

При

При самомъ устїи, двѣ гордыя скалы,
Какъ рукотворные преградные валы
Пуская отъ себя, втокъ моря окружаютъ,
И безопаснѣйшїй тѣмъ портъ сооружаютъ;
Отъ взора утаенъ онъ внутрь забралъ лежитъ,
Минервинъ отъ бреговъ храмъ, кажется, бѣжитъ.
Здѣсь цвѣтомъ бѣлизнѣ подобящихся снѣга
Четыре я коня, во близости отъ брега,
На пажити узрѣлъ зеленый рвущихъ злакъ;
Всѣхъ прежде въ сей землѣ насъ встрѣтившїй предзнакъ.
„Войной, вскричалъ Анхизъ, намъ долъ сей угрожаетъ;
„Война всегда коней на сѣчу вооружаетъ,
„Но какъ онижъ яремъ привычны въ нуждѣ несть,
„И правиться вожжми; надежда къ миру есть.
Изшедъ на берегъ шлемъ моленїе къ Палладѣ,
Что къ нашей перьву съ волнъ узрѣли мы отрадѣ,
И памятуя, что Геленъ завѣщавалъ;
Съ наверженьемъ на насъ Фригїйскихъ покрывалъ,
Стоимъ предъ олтарьми, и по святынь закону,
Обильной жертвою велику чтимъ Юнону.
Не медля, жертвенныхъ по совершеньи тайнъ
Преобративъ рога парусоносныхъ райнъ,
Отъ Греческихъ себя селенїй удаляемъ,
И подозрительны намъ земли оставляемъ.
Ираклїева, коль слухъ оный справедливъ,
Тарента абїе преемлетъ насъ заливъ;
Лацинска супротивъ свой кажетъ храмъ Юнона;
Впадаютъ въ очеса града поверьхъ Кавлона

И сокрушенїемъ на морѣ кораблей
Отъ давна времени прослывшїй Скилацей.
По семъ высокостью главы своей примѣтна
Сицилїанская является намъ Етна.
Сражающагося противъ своихъ препонъ
Немолчный моря здѣсь далече слышанъ стонъ;
О камни и брега ударясь волны яры
И преломясь несутъ вновь тѣжь на нихъ удары;
Чернѣющи творятъ ужасенъ мѣли скокъ;
Вертится и кипитъ со влагою песокъ.
„Се камни тѣ, вскричалъ Анхизъ, тѣ страшны жерла,
„Которы, пѣлъ Геленъ, Харивда распростерла.
„Умножьте, други, днесь удары вашихъ веслъ,
„Истощавайте мочь плеча и рукъ и чреслъ.
Всѣхъ прежде Палинуръ корабль свой въ лѣво клонитъ,
Весь флотъ во слѣдъ за нимъ, прїемомъ тѣмъ же, гонитъ.
Во облачну волна возвергша насъ страну,
Опадъ, ко адову стремглавъ бросаетъ дну.
Три раза страшный ревъ пустили камни тощи;
Три раза хлябь изъ всей возринувшася мощи
Во отдаленныя плеснула небеса,
И падала оттоль, разсыпясь, какъ роса!
Межъ тѣмъ скатилося родяще день свѣтило;
Безвѣтрїе суда усталы захватило.
Мы плаванье свое случаю предаемъ,
Гребущи ко брегамъ Циклопскимъ пристаемъ,
Въ пространный портъ и бурь насилью не подвластный,
Лишь токмо Етной близъ лежащею злочастный.

Сїя мать ужасовъ дымъ, жупелъ и смолу,
Густую искрами сопровожденну мглу,
Крутяща вихремъ, шлетъ къ превыспренню ееиру;
И разстилаетъ ночь безвременно по мїру;
Бросаетъ въ верьхъ клубы ревущаго огня;
Они летятъ къ звѣздамъ другъ друга въ слѣдъ гоня;
Кремнисты иногда вдругъ холмы восторгая,
Утробу собственну на воздухъ изрыгая,
Стрѣляетъ тьмой бугровъ разсыпавшихся въ персть,
Клокочетъ и грозитъ кипяще дно отверсть.
Слухъ носится, сїя ужасная громада
Полусоженнаго отъ молнїй Енцелада
Скрываетъ подъ собой; давимъ въ гробницѣ сей
Онъ дышетъ пламенемъ сквозь устїя пещей,
И всякїй разъ, какъ бокъ усталый обращаетъ,
Движенїе его долъ окрестъ ощущаетъ;
Вся твердь Сицилїи колеблется средь водъ,
И дымомъ обложенъ чернѣетъ неба сводъ.
Среди деревъ, что насъ при брегѣ сокрывали,
Всю ночь несносну мы боязнь претерпѣвали;
Необычайный билъ намъ въ уши трескъ и стукъ
Не зрящимъ, что родитъ страшилищный сей звукъ.
Краса небесъ была туманомъ помраченна,
Луна во облаки густыя оболченна.
Наутрїе, заря разгнавша влажну тѣнь
Лишь стала проявлять желанный мїру день,
Се нѣкїй человѣкъ, отъ флота не далече,
Едва подобїе имущїй человѣче,

Во одѣянїе прегнусное обвитъ,
И страшенъ сухотой блѣднѣющихъ ланитъ
Изъ лѣса, какъ призракъ нечаянный, исходитъ,
И длани ко брегамъ съ моленїемъ возводитъ!
Пускаемъ взоръ къ нему; весь чоренъ, полнъ студа;
Всклокоченны власы, растрепанна брада;
Во мѣсто ризъ покрытъ древесными листами,
Которы сцѣплены терновыми иглами;
Являющїйся быть, по внѣшню виду, Грекъ,
Что въ отчество свое, по падшей Трои, текъ.
Нашъ видя флотъ летѣлъ спасенья онъ къ надеждѣ:
Но вскорѣ усмотрѣвъ по збруѣ и одеждѣ,
Что племя мы Троянъ, и что ему враги,
Остановилъ свои средь шествїя шаги.
Стоялъ и озиралъ насъ быстрыми глазами;
По томъ вдругъ бросясь къ намъ со стономъ и слезами,
„Для Вышнихъ васъ молю, Трояне, возопилъ,
„Для обща воздуха, и на небѣ свѣтилъ,
„Умилосердитесь, съ собой меня возьмите
„И въ какову либо часть свѣта пренесите:
„Доволенъ буду тѣмъ. Я рода не таю,
„Я Грекъ, противу васъ сражавшїйся въ бою.
„Когда вина моя достойна смертной кары,
„Низриньте вашего злодѣя въ волны яры.
„Умру не чувствуя спряженныхъ съ смертью мукъ,
„Лишь только мнѣбъ умреть отъ человѣчихъ рукъ.
То рекъ, и падъ молилъ изъять его изъ плѣна,
Метался, обѣималъ рыдающъ намъ колѣна.

Велимъ повѣдати, чемъ рокъ его тяжелъ,
Кто родомъ онъ таковъ, и какъ сюда зашелъ?
Самъ юношѣ Анхизъ духъ бодрости вперяетъ,
Простертїемъ руки о дружбѣ увѣряетъ.
Онъ, робость отложа, „изъ Иѳаки, вѣщалъ,
„Улисса я на брань нещастна провождалъ;
„Зовусь Ахименидъ; рожденъ отъ Адамаста.
„Убожество, вина прискорбїя намъ часта,
„Принудило меня искать плода въ войнѣ.
„[О лучше бы съ отцемъ дѣлить нещастье мнѣ!]
„Улиссъ въ отечество флотъ правя быстротечной
„Былъ брошенъ вѣтромъ къ сей странѣ безчеловѣчной.
„Онъ бѣгствомъ съ воями Циклопскихъ спасся рукъ;
„Остался я забытъ въ жилищѣ лютыхъ мукъ.
„Циклоповъ дворъ, вертепъ широкїй, преужасный,
„Внутри котораго мракъ царствуетъ всечасный;
„Кровавыми покрытъ весь трупами помостъ;
„Циклоповъ очесамъ едва объятенъ ростъ.
„Какъ встанетъ, облаковъ касается главою;
„Какъ ступитъ, твердь дрожитъ подъ тяжкою пятою
„Звѣрообразный, злый, и дивїй сопостатъ!
„[Чудовище сїе заприте боги въ адъ.]
„Утробу варваръ сей во алчности безмѣрной
„Нещастныхъ плотїю и кровью полнитъ черной.
„Я видѣлъ самъ, какъ онъ лежащїй на хребтѣ,
„И протяженъ по всей вертепа долготѣ
„Двоихъ изъ насъ схватя великою рукою,
„И въ низъ съ стремительной повергнувъ быстротою

„Еди-

„Единымъ о скалу ударомъ раздробилъ;
„И мозгъ ихъ излетя пещеру окропилъ;
„Багрѣлись кровїю припражїе и стѣны:
„Онъ въ страшны челюсти вложа парные члены,
„Мнѣ зрящу, оные, о ужасъ! началъ грысть;
„Терзалась межъ зубовъ трепещуща корысть.
„Но разумъ въ сей бѣдѣ Улисса не оставилъ,
„Казнь должну чувствовать Циклопа онъ заставилъ.
„Лишь пищей и питьемъ тиранъ обременясь
„И тяжкою главой на камень восклонясь,
„Помоста, дремлющїй, хребтомъ своимъ коснулся,
„Безмѣрнымъ тѣломъ вдоль пещеры протянулся,
„И громко захрапя, объятый крѣпкимъ сномъ,
„Сталъ вонъ рыгать куски со кровью и виномъ:
„Молитву мы проливъ ко небу благосклонну
„Устроеваемся чудовищу мстить сонну,
„И исполняя устъ Улиссовыхъ приказъ
„Вонзаемъ оному орудье остро въ глазъ;
„Во глазъ, кой, аки щитъ, въ сраженїяхъ ограду,
„Иль долу съ высоты свѣтящую лампаду,
„Единъ и обращалъ, виновникъ мерзкїй зла,
„Среди покрытаго угрюмостью чела.
„Неистоваго симъ злодѣя наказуемъ;
„Сопутникамъ воздавъ долгъ мести торжествуемъ.
„Но вы нещастные бѣгите прочь скорѣй,
„Канаты отрѣша простритесь въ глубь морей.
„Коль страшенъ Полифемъ и силенъ паче мѣры
„Доящъ своихъ овецъ внутрь мрачныя пещеры,

„Циклоповъ сто другихъ живутъ по симъ брегамъ,
„И странствуютъ вездѣ разсыпясь по горамъ,
„Всѣ, яко Полифемъ, ужасны, звѣронравны,
„Ему могуществомъ и тѣла станомъ равны.
„Три раза ужь сомкнувъ рога свои луна
„Сіянья зрѣлася заемнаго полна:
„Какъ кроюсь я въ лѣсахъ, между берлогъ звѣриныхъ,
„Въ ущельяхъ скалъ, отколь Циклоповъ зрю единыхъ,
„И слыша топотъ ногъ и ихъ ревущій гласъ
„Во трепетъ прихожу почти по всякій часъ.
„И сообразную пустынному жилищу
„Коренья подаютъ и ягоды мнѣ пищу.
„Узря, что перьвый вашъ ко брегу флотъ притекъ,
„Я оному себя, кто въ немъ ни плылъ, обрекъ.
„Да не пожрутъ меня лишь оны исполины,
„Я горесть всякія приму отъ васъ кончины.
Едва свершилъ онъ рѣчь, предъ очи наши вдругъ
Дикообразный се является пастухъ;
Ужасный Полифемъ, чудовищна громада,
Къ знакомымъ берегамъ грядетъ съ горы межь стада;
Высокъ, уродливъ, толстъ, ступающъ тяжело,
Обезображено безглазіемъ чело!
Въ рукѣ высокая, жезла во мѣсто, сосна;
Тѣснится кругъ него скотина руноносна,
Блеющихъ множество безчисленно овецъ,
Чѣмъ тѣшится однимъ неистовый слѣпецъ.
На шеѣ сопреди свирѣль виситъ пастушья
Питаніе его въ нещастьи благодушья.

Достигнувъ моря, внутрь прибрежныхъ входитъ волнъ,
И промывая глазъ гноючей крови полнъ,
Во оный горстію солену влагу плещетъ
И боли не терпя отъ ярости скрежещетъ.
Ужь вносится, грозящь, въ средину топкихъ влагъ,
Но понтъ еще до ребръ гиганта не досягъ.
Да предстоящія погибели спасемся,
Съ услужнымъ Грекомъ прочь отъ берега несемся;
Въ безмолвной скорости канаты отрубя
Летимъ во глубину всей силою гребя.
Почуялъ исполинъ, и къ флоту обратился,
На крикъ и веслъ на шумъ, за онымъ въ слѣдъ пустился;
Но не могущій насъ рукою досящи,
Ни Іонійскими волнами въ бродъ тещи,
Толь громко возопилъ, полнъ ярости и гнѣва,
Что море отъ его вострепетало рева;
Въ брегахъ Италіи раздался страшный звонъ,
И велій слышанъ былъ въ пещерахъ Етны стонъ.
На крикъ его съ холмовъ и изъ дубравъ Циклопы
Встревожась быстры мчатъ ко океяну стопы.
Стоитъ вдоль берега чудовищей соборъ
И зляся къ намъ оттоль суровый мещетъ взоръ;
Лютообразный полкъ! гиганты однооки,
Вознемлющи главы ко облакамъ высоки;
Какъ многовѣтвенны матеры древеса,
Что гордые верьхи несутъ подъ небеса;
Какъ кипарисный лѣсъ Діаннѣ посвященный;
Иль частыхъ сонмъ дубовъ въ честь Зевса возращенный.

Мы ради въ трепетѣ бѣжать куда нибудь
И вѣтру поручить какому либо путь.
Но наставленье насъ Геленово смущаетъ;
Тутъ Скилла воюща, Харивда тамъ стращаетъ;
Отвага бѣдственна межь сихъ чудовищь плыть.
Рѣшимся вспять летѣть, чтобъ гибели избыть.
И се полночный вѣтръ съ Пелорска мыса вѣетъ,
И по волнамъ суда благопоспѣшенъ рѣетъ.
Камнисто устіе Пантагіи преплывъ
Встрѣчаемъ очесы Мегарскій мы заливъ;
Который пролетѣвъ путь далѣ направляемъ,
И нискобрегій Тапсъ за нами оставляемъ.
Улиссу по волнамъ состранствовавшій Грекъ,
Котораго предъ симъ къ Циклопамъ рокъ завлекъ,
Пловущій съ нами днесь обратно тѣмъ же слѣдомъ,
Намъ сказывалъ мѣста: ему весь брегъ былъ вѣдомъ.
Противъ Плиммера, гдѣ понтъ пѣнится ревущь,
Есть островъ именемъ Орѳигія словущь.
Алфей поящій струй обиліемъ Елиду,
При впадѣ въ океанъ теряяся изъ виду,
Сквозь тайный подъ землей ему лишь вѣстный ходъ,
Со бездною своихъ не сообщая водъ,
Течетъ въ Орѳигію, и ищущій союза
Своихъ съ твоими струй, сладчайша Ареѳуза!
Съ тобой изъ подъ земли произникаетъ въ свѣтъ,
Крутится въ берегахъ, и влагу въ море льетъ.
Поклоньшись съ вѣрою богамъ сего предѣла,
Несемся вдаль и зримъ благословенны села,

Пріятный

Пріятный гдѣ Гелоръ струи свои катитъ,
И наводненіемъ нивъ жатвы богатитъ.
По семъ приближася къ высокому Пахину
Обходимъ вкругъ скалы простертыя въ пучину.
И Камаринскій се вдали намъ видѣнъ токъ,
Которому велѣлъ стоять недвижну рокъ;
Гелойскія поля и превелика Гела,
Что имя отъ рѣки, пьетъ кою, возъимѣла;
И гордый Агригентъ высокостью своей,
Отецъ во древни дни подвижничьихъ коней.
Минуючи твои, Селинъ прекрасный, стѣны,
Растущи кругъ тебя я пальмы зрю зелены.
И Лилибейскихъ близъ пронесшися мѣлей
Со сонмомъ столько морь преплывшихъ кораблей
Убѣжище во портъ Дрепанскій воспріемлю
Въ нерадостный мнѣ край, во роковую землю.
По претерпѣньи бурь толь многихъ въ глубинѣ,
Въ сей токомъ слезъ моихъ омоченной странѣ
Анхиза я лишенъ, [о лютыя досады!]
Анхиза, всей моей подпоры и отрады.
Здѣсь, отче мой, меня оставилъ ты и свѣтъ;
Такъ всуе исхищенъ отъ толь ты многихъ бѣдъ?
Геленъ, кой ужасы мнѣ разны проповѣдалъ,
Сея плачевнѣйшей утраты знать мнѣ не далъ;
Ниже грядущаго гадательница зла
О смерти мнѣ твоей Целена предрекла.
Здѣсь старцу былъ конецъ болѣзней и страданій,
Далекихъ по земли и по морю скитаній;

Отсель въ Италїю стремящася меня
Къ вамъ боги принесли, сюда мой бѣгъ склоня.
Такъ, сонму внемлющу, судьбы Всевышней власти
И собственны Еней повѣствовалъ напасти,
Кимъ образомъ его по безднѣ рокъ влачилъ;
И на конецъ, прервавъ бесѣду, опочилъ.

В. Петровъ.

ЕНЕЙ
ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА
ПУБЛІЯ ВИРГИЛІЯ МАРОНА.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СОКРАЩЕНІЕ.

Дидона любовь свою ко Енею открываетъ сестрѣ, и по совѣту ея преклоняется ко брачному съ нимъ сочетанію. Юнона такожде, да удобнѣе отвратитъ Енея отъ Италіи, предлагаетъ Венерѣ сей бракъ и способъ совершенія онаго. Наутріе Еней со Дидоной изшедъ на ловлю и будучи застиженъ внезапною бурею воздвигнутою отъ Юноны, сокрывается въ пещеру, гдѣ между ими совершеніе онаго нещастнаго брака послѣдовало. Между тѣмъ Юпитеръ моленіемъ Іарва на Дидону негодующаго преклоненный посылаетъ Меркурія ко Енею съ повелѣніемъ, да пловетъ въ Италію. Онъ изволенію Юпитера повинуясь все къ отплытію потребное втай учреждаетъ; но Дидона возъимѣвъ

подозрѣніе о ево отъѣздѣ, нѣжными упреками, прозьбою и слезами, самолично, и чрезъ сестру свою, отъ сего намѣренія отклонить его покушается. Еней въ сонномъ видѣніи вторично поощренный Меркуріемъ подъемлетъ якори и плаванію предается. Дидона нетерпя болѣзни, на возвышенномъ мѣстѣ двора, подъ видомъ жертвъ, воздвизаетъ превеликій срубъ, и востекши на оный въ ярости и отчаяніи, Енеевымъ кинжаломъ закалается.

* * *

Дидона ужъ давно любовью уязвленна
Питаетъ въ сердцѣ боль и страждетъ распа-
Воображая ликъ Енеевыхъ добротъ, [ленна;
Геройски подвиги, и знаменитый родъ,
Чело, и очеса вдыхающія радость,
Неизреченную бесѣдованья сладость,
Всю ночь въ одрѣ своемъ мятущася лежитъ;
Покой отъ думъ, и сонъ отъ вѣждъ ея бѣжитъ.
Наутріе, лишь въ мірѣ явленьемъ ясна взора,
Со неба и земли разгнала тѣнь Аврора,
Въ разстроеньи ума, какъ страсть ее влечетъ,
Участницѣ всѣхъ тайнъ сестрѣ своей речетъ:

,,Какія,

„Какїя, Анна, днесь мечты мой духъ смущаютъ?
„Какїя мя во снѣ видѣнїя стращаютъ?
„Кто сей недавный къ намъ во Африку пришлецъ?
„Коль лѣпъ и сановитъ! коль мужественъ борецъ!
„Порода онъ боговъ, онъ отрасль ихъ всемѣрно:
„Величественность въ немъ то кажетъ достовѣрно.
„Боязнь неложный знакъ съ природы нискихъ душъ.
„Но О съ какими сей сражался бѣдствы мужь!
„Колико грозныя повѣствовалъ намъ брани,
„Въ которыхъ упражнялъ свои онъ сильны длани!
„Когдабъ лишившася супруга моего,
„Который въ свѣтѣ былъ миляе мнѣ всего,
„Не положила я на сердце всеконечно
„Любить его по смерть и вдовствовати вѣчно,
„И приключившїй мнѣ толикъ печали мракъ
„Не вовсебъ омерзѣлъ передо мною бракъ:
„Ябъ можетъ быть его талантами тронулась,
„И вновь ко слабости любовной поползнулась.
„Но О возлюбленна сестра моя, внуши:
„Ввѣряю я тебѣ все таинство души.
„По преставленїи нещастнаго Сихея,
„Во братѣ кой моемъ обрѣлъ себѣ злодѣя
„Предъ олтарьми ему вонзивша въ перси мечь,
„Единъ Еней возмогъ къ себѣ мой взоръ привлечь;

„Единъ, сверьхъ чаянья, мнѣ нѣжныхъ думъ содѣтель
„Поколебалъ во мнѣ всю сердца добродѣтель:
„Я чувствую, увы! кипѣнїе въ крови,
„Признакъ родящейся вновь прежнїя любви.
„Но подо мной земля да челюсти разинетъ,
„Да прежде громомъ Зевсъ во адъ меня низринетъ,
„Во мрачный адъ, гдѣ ждетъ преступныхъ должна месть,
„Нарушу нежель я твои законы, честь!
„Съ кѣмъ перьвѣе была спряженна я судьбою
„Тотъ сердце навсегда унесъ мое съ собою;
„Сихеева то дань, во гробъ заключено
„Со прахомъ пусть его почїетъ вѣкъ оно.
Рекла и вздохомъ рѣчь тяжчайшимъ заключила,
Вздымающуся грудь слезами омочила.
Ей Анна вопреки, „О свѣтъ моихъ очей,
„О солнечныхъ, речетъ, дражайша мнѣ лучей!
„Единаль хощешь ты мрачить прекрасну младость,
„Бездѣтна быть, ниже́ вкусити брака сладость?
„Не ужьли чаеши, что хладный мертвыхъ пеплъ
„Во гробѣ чувствуетъ, кто къ нимъ любовью теплъ?
„Пускай, когда твоя скорбь вновѣ свирѣпѣла,
„Ты Ливскихъ жениховъ и Тирскихъ не терпѣла;
„Презрѣнъ тобой Іарвъ и прочїе вожди
„Живущи въ Африкѣ трїумфовъ посреди:

„Ещель послѣдовать той страсти отречешься,
„Къ которой днесь сама всемъ сердцемъ ты влечешься?
„Или не мыслиши, коль бѣдственъ есть сей долъ,
„На коемъ основать ты хощешь свой престолъ?
„Съ сея тебя страны страшатъ Гетуловъ грады
„Рожденныхъ воевать и рушити ограды;
„Неукротимый съ той Нумидянъ родъ прилегъ,
„Опасные пески и неприступный брегъ;
„Отселѣ вопреки объемлютъ степи знойны
„Набѣги гдѣ творятъ Баркїйцы неспокойны.
„Молчу, коль тяжку брань изъ гордыхъ Тира вратъ
„Изслать на тя грозитъ твой злобствующїй братъ.
„Всевышни, твоего въ покровъ особый трона,
„И милосердая, мнѣ кажется, Юнона
„Нарочно принесли сюда Фригїйскїй флотъ:
„Съ Енеемъ бракъ тебѣ коль будетъ твердъ оплотъ!
„Сложенны съ нашими Троянскїя знамена
„Колико вознесутъ державу Карѳагена!
„Ты точїю небесъ о помощи проси,
„Благопрїятныя имъ жертвы возноси;
„Пришельцевъ угощай и не щади привѣтствїй,
„Ко провлаченью дней ищи возможныхъ средствїй;
„Тверди имъ грозныхъ бурь надъ Океяномъ стонъ,
„Скажи: отягощенъ дождями Орїонъ;

„Ра-

„Распадшися суда къ отплытію не готовы;
„Премѣны воздуха неслыханно суровы.
Сей рѣчью воспылалъ въ ней вящій огнь заразъ;
Надежда возрасла, оставшій стыдъ угасъ.
Боговъ по капищамъ усердно обѣ молятъ,
Да свыше миръ на нихъ послати соизволятъ;
Церерѣ, радостныхъ виновнику сердецъ,
И Фебу въ даръ несутъ избраннѣйшихъ овецъ;
Юнону брачнаго блюстительницу ложа
Чествуютъ паче всѣхъ, ей жертву жертвой множа.
Предъ бѣлой юницей, со чашею стоя,
Дидона льетъ вино между роговъ тоя;
Свой ходъ отъ олтаря къ другому направляя
И приношенія всякъ день усугубляя,
Щастливый алчетъ знакъ въ утробахъ жертвъ обрѣсть,
На дышущихъ частяхъ свой жребій жаждетъ честь.
Гаданій суета! что храмъ споспѣшествуетъ,
Надъ кѣмъ единожды любовь восторжествуетъ?
Жжетъ нѣжный пламень кровь, моленій посреди,
И рана гнѣздится болѣзненна въ груди.
Горитъ любовію Дидона пренещастна,
По граду носится, сама въ себѣ невластна.
Средь Критскихъ тако рощь съ стрѣлою въ тѣлѣ лань,
Пастушья невзначай пустила кою длань,

По доламъ и буграмъ стремительна несется,
И роковая трость межъ ребръ ея трясется.
То гостя возводя на башенъ высоту
Оттолѣ кажетъ вдругъ всю града красоту;
То Тирскихъ блескъ ему сокровищь открываетъ;
Начнетъ вѣщать, и гласъ, краснѣясь, прерываетъ.
При истеченьи дня, вновь ищетъ пировать,
Вновь проситъ Трои плѣнъ себѣ повѣствовать;
Рѣчь кажду ушесы жадательными внемлетъ,
Съ повѣтствователя очей своихъ не съемлетъ.
Скончавшусь пиршеству, какъ звѣзды и луна
Теряя свѣтъ начнутъ звать смертныхъ въ нѣдры сна,
Уединенная грустить, изнемогаетъ,
На одръ оставленный Енеемъ возлегаетъ:
Отсудствующь въ ея онъ зрится очесахъ;
Его сладчайшій гласъ твердится въ ушесахъ.
При всеконечномъ силъ бороти страсть station уронѣ
Іула на своемъ лобзая держитъ лонѣ,
И льстится тѣмъ любовь на время обмануть;
Напрасно: не дитя, отецъ ей полнитъ грудь.
Начаты башни въ верьхъ уже не всходятъ болѣ,
Не упражняется оружьемъ юность въ полѣ,
Не зиждутъ кораблямъ пристанищь внутрь бреговъ,
Ни твердей отражать нашествія враговъ.

Пресѣклись всѣ труды величественна града,
Стѣнъ ужасъ, къ небеси встающая громада.
Межь тѣмъ супруга громъ держащаго царя
Заразу сицеву въ Сидонской дщери зря,
Зря, како умъ ея сталъ плѣнникъ чуждой власти,
Честь како обуздать безсильна лютой страсти,
Къ Венерѣ зла сего виновницѣ течетъ,
И въ ухищренномъ ей привѣтствіи речетъ:
„Немолчную хвалу, безцѣнные трофеи
„Чрезъ общи съ сыномъ ты пріобрѣла затѣи;
„Что надъ одной женой два сильныхъ божества
„Обманомъ домоглись желанна торжества.
„Я знаю, Карѳагенъ возмнила ты опаснымъ,
„И подозрѣніемъ встревожилась напраснымъ.
„Но будетъ ли когда межь нами распрь конецъ?
„Къ чему толикое въ насъ рвеніе сердецъ?
„Содѣемъ паче миръ, и оный вѣрнымъ знакомъ,
„Межь смертными двумя запечатлѣемъ бракомъ.
„Свершилося теперь желаніе твое:
„Дидона влюблена, и пламень жжетъ ее.
„Изъ обоихъ племенъ едино да составимъ
„И властью оное да нераздѣльной правимъ.
„Хотя женихъ влечетъ изъ Фригіи свой родъ,
„быть такъ: приданое се Тирскій вамъ народъ.

Венера ощутивъ Юнонино коварство,
Что обѣщанное странѣ Авзонской царство
Сей хитростью она во Африку влекла,
„Кто столь несмысленъ, ей въ отвѣтствїе рекла,
„Отъ предложенья чтобъ толь лестна отказаться?
„Кто станетъ съ вышнею Богинею тязаться?
„И О когдабъ сбылось вѣщаемо тобой!
„Но чрезвычайно я тревожуся судьбой,
„Дозволитъ ли небесъ превыспреннїй Владыка,
„Дабы въ единый два слїялися языка.
„Супруга ты его: твоей къ нему мольбѣ
„Отворенъ путь; начни, я слѣдую тебѣ.
Юнона вопреки: „я дѣло все устрою,
„И, коимъ образомъ, внемли, тебѣ открою.
„Заутра, лишь заря на небо ускоритъ,
„И солнце кругъ земный лучами озаритъ:
„Еней съ нещастною Дидоной, для забавы,
„Изыдетъ въ шумѣ трубъ, на ловъ звѣрей, въ дубравы.
„Какъ станутъ кругъ лѣсовъ тенета разставлять,
„И всадники свой рыскъ на добычь устремлять:
„Вдругъ бурю страшную рука моя воздвигнетъ,
„Ловящихъ дождь и градъ и громъ изъ тучь постигнетъ.
„Всѣ врозь разсыплются, въ средины частыхъ рощъ,
„Надъ всѣми распростретъ покровъ свой черна нощь.

„Еней сопряташись отъ непогоды оной
„Уклонится въ одну пещеру со Дидоной.
„Сама я буду здѣсь, какъ ложа брачна стражь,
„И ежели ты мнѣ согласїе подашь,
„Съ имущимъ обрѣстись притомъ же Гименеемъ,
„Я вѣчно сопрягу царицу со Енеемъ.
Венера безъ преки Юнонинъ гласъ вняла,
И, коль сей вымыслъ хитръ, усмѣшкой знать дала.
Уже, оставя понтъ, заря свой зракъ возводитъ;
Изъ Карѳагенскихъ вратъ сонмъ юношей исходитъ.
Массильски всадники, въ сопровожденьи псовъ,
Съ тенеты, съ копьями, несутся въ мракъ лѣсовъ.
Благоговѣнїя исполненные многа,
Внѣ вратъ, вельможи ждутъ царицу изъ чертога.
Подъ златомъ и червцемъ конь рвется во полетъ,
Кусаетъ удило, и клубомъ пѣну шлетъ.
И се! се шествуетъ толпой препровожденна;
Сидонская на ней хламида распещренна,
Златый при ребрахъ тулъ пречудныя красы,
И златомъ созади превязанны власы;
Златая пугвица смыкаетъ багряницу;
Цвѣтъ коей зрителямъ вселяетъ въ умъ денницу!
За ней послѣдуетъ болярь Троянскихъ хоръ,
И мещущїй Іулъ веселый окрестъ взоръ.

Еней всѣхъ лѣпостью и станомъ превышаетъ
Рядъ шествїя всего собою украшаетъ.
Коль красенъ Фебъ, когда Ликїйскую страну
И Ксанѳа хладную оставя быстрину
Въ отечественный Дилъ путь паки направляетъ
И снова лѣтнїе въ немъ лики составляетъ;
Кругъ олтарей его тамъ Критянинъ, Дрїопъ ,
И пестрый Скиѳъ творятъ движенья разны стопъ;
По Кинѳу шествуетъ онъ лавромъ увязенный
Имущъ свои власы всѣ златомъ преплетенны,
Величественъ и лѣпъ народа предъ очьми;
Звукъ стрѣлы издаютъ въ калчанѣ за плечьми:
Толь живъ и бодръ Еней въ семъ шествїи казался;
Въ лицѣ его красы подобный блескъ являлся.
Когда ловящїе достигнувъ вышшихъ горъ
Встревожили звѣрей среди ихъ мрачныхъ норъ:
Се козы дикїя со каменной стремнины
Низринясь прыгаютъ чрезъ холмныя вершины.
Съ горы, вдоль поля, тамъ елени табуномъ
Несутся; изъ подъ нихъ восходитъ пыль столбомъ.
Младый Іулъ коня къ ристанью быстру нудитъ,
Ловцевъ ко ревности своимъ примѣромъ будитъ;
То ту толпу, скача, то инну опредитъ,
И стрѣлы расточать на робкїй скотъ щадитъ;

Возводитъ окрестъ взоръ, не можно ли примѣтить
Гдѣ вепря, или льва съ горы текуща встрѣтить.
Межъ тѣмъ незапный громъ со неба возгремѣлъ,
Смѣшенный съ градомъ дождь, пролившись, зашумѣлъ;
Ревутъ потоки съ горъ, насильны вѣтры свищутъ:
Разсыпясь по полямъ ловцы убѣжищь ищутъ;
Трояне, Тиряне, и Афродитинъ внукъ
Бѣгутъ, забывъ свои тенета, стрѣлы, лукъ.
Дидона отъ дождя и вихря толь свирѣпа
Съ Енеемъ кроется во мракъ тогожь вертепа.
Земля въ трясенїе приводитъ свой хребетъ,
Юнона знаменье на воздухѣ даетъ;
Прегрозны молнїи на небѣ зримы были,
И надъ пещерою горъ нимфы въ слухъ завыли.
Сей день Царицѣ былъ напасти день всея,
Источникъ горестей и пагубы ея.
Уже презрѣвши честь, пустясь въ безславье крайне
Не мыслитъ болѣе любви скрывати въ тайнѣ;
Студодѣянїе супружествомъ зоветъ,
Льстясь, тѣмъ винѣ своей придать доброты цвѣтъ.
И се Молва течетъ по Африкѣ всемѣстно,
Молва, зло скоростью всѣхъ паче золъ извѣстно.
Проворствомъ навсегда своимъ оживлена
Прїобрѣтаетъ мочь чрезъ шествїе она,

Сперва мала, и вдругъ величины чудесной;
Стопы поверьхъ земли, глава во поднебесной!
Вѣщаютъ, что сїя Тифеева сестра
Толико ногъ и крилъ стремленїемъ быстра,
Убїйственнымъ богамъ во мщенїе опасно
Землею рождена, чудовище ужасно;
Имуща множество подъ перьями очесъ,
Языковъ, звонкихъ устъ, и внемлющихъ ушесъ.
Въ ночи паритъ шумя вселенной сквозь границы
И носитъ бдящїя по всѣмъ странамъ зѣницы;
На кровахъ въ день, какъ стражь, и башенъ высотахъ
Сѣдитъ, и гордые приводитъ грады въ страхъ,
Поспѣшна вѣстница дѣлъ истинныхъ и ложныхъ,
Составленныхъ мечтой, и вовсе невозможныхъ.
Изъ града въ градъ она изъ веси мчася въ весь
Гласитъ ликующа и лжи и правды смѣсь:
„Достигъ во Карѳагенъ изъ Фригїи вельможа
„Дидона коего въ честь брачна высситъ ложа.
„Во сладострастїи и роскоши они,
„Правленья долгъ забывъ, преводятъ хлада дни.
Богиня вѣсть сїю вездѣ распространяетъ
Летитъ, и вдругъ полетъ къ Іарву свой склоняетъ;
Вливающа въ царевъ подобны рѣчи слухъ
Ревнивой пламенитъ въ немъ яростїю духъ.

Гарамантїйскія сынъ Нимфы и Аммона,
Во области, гдѣ блескъ его былъ страшенъ трона,
Нещетно множество онъ капищь, олтарей,
Родившему его воздвигъ Царю царей.
Не гаснетъ тамо огнь единожды вожженный
Во стражу вѣчную Всевышнимъ посвященный;
Подъ кровью жертвенныхъ багрѣетъ долъ овновъ;
Красуются врата вѣнками изъ цвѣтовъ.
Монархъ сей вѣстїю презѣльно востревоженъ,
Во гнѣвѣ, каковый словесному возможенъ,
Съ простертїемъ лица и рукъ на небеса,
Предъ олтарьми, сїи отрыгнулъ словеса:
„О Зевсъ, предъ коимъ мы средь пестрыхъ ложъ пируемъ,
„И возлїяньемъ винъ днесь коего чествуемъ,
„Съ священной твоего престола высоты,
„Что смертные творятъ, или не зриши Ты?
„Иль грома твоего напрасны, Отче, трески,
„И всуе намъ грозятъ изъ облакъ молнїй блески?
„Вселившаяся здѣсь бродящая жена
„Котора мнѣ землей подъ градъ одолжена,
„Котору даромъ нивъ отъ глада я избавилъ,
„И наблюдать законъ страны сея заставилъ,
„Супружества со мной отринула союзъ,
„Мнѣ къ сраму, возжелавъ съ Енеемъ брачныхъ узъ.

„И сей вторый Паридъ со слабыми скопцами
„Съ блудящими за нимъ по свѣту бѣглецами,
„Подъ митрой подвязной, что кажетъ къ нѣгѣ страсть,
„Въ кудряхъ, отколь течетъ благоуханна масть,
„Едва ступить успѣлъ на брегъ нашъ робкимъ шагомъ,
„Отъятымъ у меня днесь пользуется благомъ!
„Почтожь, О Отче, я въ моленьяхъ тя зову,
„И сыномъ для чего Аммоновымъ слыву?
Еще за олтари царь къ небу вопїющїй
Держался, какъ его услышалъ Всемогущїй,
Услышалъ, и низвелъ на Карѳагенъ свой взоръ,
И на влюбившихся, вселенныя позоръ.
„Спѣши, устройся въ путь, вѣщаетъ ко Ермїю,
„Съ Зефирами несись сквозь тонкую стихїю,
„И предъ Енея, кой платя Ероту дань
„Въ чужой землѣ коснитъ, немедленно предстань,
„И рцы: мнѣ мать его не тако описала,
„Двукратно отъ враговъ не съ тѣмъ его спасала.
„Онъ будетъ тотъ герой, вѣщала дщерь ко мнѣ,
„Кой въ громкой воцарясь могуществомъ странѣ
„Явитъ, что праотецъ въ немъ Тевкръ великїй дышетъ,
„Свои законы всей подсолнечной предпишетъ.
„Когда его сея не движетъ славы звукъ,
„Не прилагаетъ къ ней трудолюбивыхъ рукъ,

„Почто Асканїю державствовать мѣшаетъ?
„Отецъ зовущихъ благъ рожденнаго лишаетъ!
„Кїй мыслитъ плодъ съ чужихъ собрати онъ луговъ?
„Съ какой надеждою коснитъ среди враговъ?
„Не вспомнитъ о поляхъ его прихода ждущихъ;
„Не вспомнитъ о родѣхъ отъ чреслъ его грядущихъ.
„Да вновь прострется въ понтъ, повѣждь ему сїе;
„Въ семъ сила; сицево велѣнїе мое.
Зевсъ рекъ, Ермїй летѣть въ предписанны границы
Вздѣваетъ золоты крылатыя плесницы,
Которыхъ помощью чрезъ земли и моря,
Въ вихрь быстрый облаченъ, онъ носится паря;
Прїемлетъ въ руку жезлъ, жезлъ коимъ вызываетъ
Изъ ада души вонъ, иныя въ адъ свергаетъ;
Даритъ, коль хочетъ, сны, коль хочетъ, въемлетъ прочь,
И даже со очей снимаетъ смерти ночь.
Вооруженный симъ онъ легки вѣтры гонитъ,
И невозбранный путь сквозь мрачны тучи клонитъ,
Мгла вьется раздаясь, гдѣ сильный богъ паритъ.
Уже Атланта онъ крутыя ребра зритъ,
Атланта, коего превознесенно темя
Огромна небеси поддерживаетъ бремя;
Вѣнчанну соснами и черной облакъ тьмой
Бьетъ дождь и вѣтръ главу и лѣтомъ и зимой;

Снѣговъ

Снѣговъ громады вкругъ тягчатъ плещи широки;
Съ бровей, съ ланитъ текутъ пребыстры въ долъ по-
И безобразная отъ глыбъ висяща льда [токи;
На перси падаетъ предлинная брада.
Держа крылѣ свои распространенны равно
На гору богъ сію съ высотъ спустился плавно;
И здѣсь на малый часъ почивый, не коснилъ,
Всемъ махомъ свой полетъ ко морю устремилъ.
Какъ птица вдоль бреговъ, гдѣ о́тмѣли рыбъ полны,
Межь камней носится ложащася на волны:
Съ плечь дѣда такъ Ермій сквозь воздухъ быстро текъ,
Ливійски такъ пески и встрѣчны вѣтры сѣкъ.
Коль скоро кущь достигъ крылатыми стопами,
Между народными Енея зритъ толпами
Спѣшаща башни въ верьхъ начаты возвышать,
Полусостроенны жилища довершать.
Мечь аспидный на немъ сквозь прожелть искры мещетъ;
Спущенна риза съ плечь червцемъ Тирійскимъ блещетъ,
Великолѣпныя Дидоны трудъ и даръ,
Гдѣ злата тканіе горѣло аки жаръ.
Со гнѣвомъ подступя: „тыль Трои послѣ плѣна
„Сооружаеши здѣсь стѣны Карѳагена,
„И сладострастья рабъ, среди пустыни сей,
„Чужую власть крѣпишь забывый о своей?

„Самъ царь боговъ, что долъ и небо управляетъ,
„Къ тебѣ меня съ высотъ Олимпа посылаетъ;
„Онъ самъ велѣлъ оттоль сквозь воздухъ быстро несть
„И въ ушеса твои сію вложити вѣсть:
„Что строишь? для чего во Африкѣ косниши?
„Какую чрезъ сіе стяжати пользу мниши?
„Коль собственной тебя не движетъ славы звукъ;
„Не хочешь приложить своихъ ко оной рукъ:
„Возри на сладкую надежду падшей Трои
„На возникающа Асканія въ герои,
„Котораго владѣть Италіею часть
„И всюду простирать свою изъ Рима власть.
То рекъ, и смертнаго отъ взора вдругъ сокрылся,
На воздухѣ въ пары тончайши разрѣшился.
Симъ чудомъ пораженъ Еней оцѣпѣнѣлъ;
Взнялись его власы, языкъ одревенѣлъ.
Подвигнутый боговъ велѣніемъ толь строгимъ
Объятый ужасомъ величества ихъ многимъ
Съ нетерпѣливостью пуститься хощетъ въ бѣгъ,
Пуститься, и на вѣкъ оставить милый брегъ.
Но ахъ! что дѣлать? какъ къ царицѣ онъ подступитъ?
Какимъ витійствомъ словъ любовь ея подкупитъ?
Нещетныхъ посреди колеблющійся думъ
Въ различныя страны свой быстрый клонитъ умъ:

Тотъ благъ совѣтъ, другой его преобораетъ;
Сей способъ наконецъ, какъ лучшій, избираетъ.
Велитъ, Клоанѳъ ему предсталъ бы и Сергестъ,
Представшимъ, „скорый, рекъ, назначилъ я отъѣздъ.
„Готовьте ружья, флотъ, пловцевъ на брегъ сзывайте,
„Движеній сихъ вину отъ нихъ утаевайте.
„Межъ тѣмъ, пока закрытъ царицѣ нашъ совѣтъ,
„И неразрывныхъ узъ надежда въ ней живетъ,
„Потщуся, сколь могу, я въ сердце къ ней достигнуть,
„И къ разлученію со мной ее подвигнуть;
„Потщусь щасливый часъ къ бесѣдѣ съ ней обрѣсть,
„И средства лучшія, что мыслимъ, произвесть.
Со ревностью на брегъ герои поспѣшаютъ
И повелѣнное съ весельемъ совершаютъ.

Но сей царица ковъ, отправу тайну въ путь
Проникнула, [любовь кто можетъ обмануть?]
Трепещуща всего и въ нѣдрахъ безопасья
Предчувствовала въ мигъ настатіе злочасья.
Самъ Слухъ, что страсть ея вездѣ разнесть спѣшилъ,
Енеевъ умыселъ ей страстной днесь внушилъ.
Нося отчаянье внутрь сердца, и досаду
Лютѣетъ, бѣгаетъ неистова по граду
Вакханки въ образѣ, что силой божества
Восторжась мысліею въ ночь шумна торжества

Бѣснуется, кричитъ, скача предъ Киѳерономъ,
Кой крикомъ крикъ, и звонъ возвратнымъ платитъ зво-
По семъ, излить свой гнѣвъ къ Енею потекла [номъ.
И застижа его, „такъ ты еще, рекла,
„Скрыть чаялъ отъ меня злодѣйство чрезвычайно?
„Невѣрный! ты отсель хотѣлъ уѣхать тайно?
„Ни нѣжна страсть, во мнѣ ты кою ощущалъ,
„Ни клятвы, коими мнѣ вѣрность обѣщалъ,
„Ни скорбь, отчаянье и нестерпима мука,
„Мнѣ кою приключитъ сія съ тобой разлука,
„Ни смерть моя тебя не можетъ удержать?
„Сквозь бури по валамъ стремишься ты бѣжать.
„Скажи, жестокой, мнѣ, коль Троябъ пребывала,
„И оная къ себѣ тебя бы призывала:
„Противу грозныя дыханій быстроты
„Во Трою по волнамъ пустился ли бы ты?
„Ты мчась въ безвѣстный край съ Дидоной растаешься?
„Чтобъ отъ меня уйти, ты страху предаешься?
„Для слезъ свидѣтельницъ печали моея,
„Для данной мнѣ въ залогъ десницы твоея,
„[Когда нещастна я, когда уже такъ сталось
„Къ чему другому мнѣ прибѣгнути осталось?]
„Для узъ, которы насъ на вѣки сопрягли,
„Для ложа брачна, гдѣ мы сперьва возлегли,

„Коль

„Коль я тебѣ какой заслугой угодила,
„Коль прелестьми тебя какими усладила,
„Смягчись, и обо мнѣ нещастной потужи,
„Намѣренье твое (О сжалься!) отложи.
„Тобою стала я всей Африкѣ постыла;
„Тобой во подданныхъ любовь ко мнѣ устыла;
„Тобой погибла честь, и славы блескъ изчезъ,
„Той славы, коей я всходила до небесъ.
„Дражайшій гость! [такъ звать должна я днесь супруга,]
„Меня ли, твоего на смерть покинешь друга?
„Но жить за чѣмъ?... чтобъ зрѣть отъ брата гибель
„Чтобы Іарвъ меня похитилъ студно въ плѣнъ? [стѣнъ?
„О естьлибы, до сей плачевной въ понтъ отправы
„Ты сѣмя мнѣ воздвигъ, твердь новыя державы;
„Въ чертогахъ естьлибъ сихъ младый Еней игралъ
„Кой толькобы тебя лицемъ изображалъ;
„Не столь бы по тебѣ я плакала, терзалась,
„Не вовсе бы тобой оставлена казалась.
Рекла. Еней вперя мысль въ оны словеса,
Которыя къ нему вѣщали небеса,
Стоялъ въ молчаніи, потупя долу очи,
И сердца скрыть болѣзнь изъ всей крѣпился мочи.
„Посемъ, сколь много, рекъ, твоихъ ко мнѣ заслугъ,
„Царица, навсегда то чувствуетъ мой духъ.

„Доколь

„Доколь дышать, доколь себя я помнить буду:
„Дотоль прещедрыя Елизы не забуду.
„Внемли днесь мой отвѣтъ; чтобъ я уплыти втай
„Хотѣлъ отъ сихъ бреговъ, царица, не мечтай.
„До нашей что любви, я бракомъ ту не числилъ,
„По случаю пришлецъ супругомъ быть не мыслилъ.
„Когдабъ во власть судьба мнѣ полну предала
„По волѣ жизнь моей устроить и дѣла:
„Собравъ, колико льзя, сограждан по разстроѣ
„Въ любезномъ отчествѣ остался бы я въ Троѣ;
„Возобновилъ бы дворъ, въ которомъ жилъ Пріамъ,
„И древній воскресилъ изъ пепла бы Пергамъ.
„Но Фебъ мя, Фебъ, въ страну вечерню посылаетъ:
„Тамъ отчество мое; туда мой духъ пылаетъ.
„Когда Сидонка ты здѣсь строишь крѣпость стѣнъ,
„Любуешься на свой взирая Карѳагенъ:
„Почто въ Италіи Троянамъ не селиться?
„И намъ позволено въ край чуждый удалиться.
„Колькратно долъ мрачитъ ночь крилы распростря
„И звѣзды блещутъ сводъ синѣющій пестря,
„Являяся во снѣ Анхизъ меня смущаетъ,
„Суровымъ мнѣ лицемъ здѣсь медлить запрещаетъ;
„Драгій Іулъ въ моей всечасно мысли живъ
„Винитъ мя, мной лишенъ обѣтованныхъ нивъ.

,,И днесь Ермїй съ высотъ лазорева навѣса
,,Отъ самово ко мнѣ ниспосланный Зевеса
,,[Клянуся обоихъ величествомъ боговъ]
,,Гремящїй возвѣстилъ Всевышняго мнѣ зовъ.
,,Я бога созѣрцалъ своими очесами,
,,Зрѣлъ свѣтъ его, и гласъ внялъ сими ушесами.
,,Ты жалобы свои, царица, прекрати,
,,Неосновательный гнѣвъ сердца укроти;
,,Не мучь меня, себя, вздыханїями болѣ:
,,Не по своей гряду въ Италїю я волѣ.

Съ начала до конца Енеевыхъ рѣчей
Дидона быстротой кружащихся очей
Презоръ къ нему и бунтъ души своей являла,
Съ главы его до ногъ, въ молчаньи, озирала.
Въ послѣдокъ яростью жестокой вспламенѣвъ
Изъ устъ трепещущихъ изрыгнула свой гнѣвъ:
,,Рушитель клятвъ, рекла, къ нему взоръ грозный киня,
,,Не Тевкръ тебя родилъ, носила не богиня,
,,Кавказомъ межъ кремней ты въ свѣтъ изриновенъ
,,И львицами въ лѣсахъ Гирканскихъ воздоенъ.
,,Почто измѣнника мнѣ въявь не ненавидѣть?
,,Чѣмъ болѣе меня ужь можетъ онъ обидѣть?
,,Вздохнулъ ли онъ, когда рыдала я стеня?
,,Промолвилъ ли мнѣ что? взглянулъ ли на меня?

„Зря муку, зря моей къ себѣ любови пламень,
„Заплакалъ ли хоть разъ безчувственный сей камень?
„Изъ множества досадъ которою начать,
„И коею, увы, мнѣ жалобу кончать?
„Ни Ира днесь, ни Зевсъ, отъ высоты престола,
„На мерзости сего не приникаютъ дола;
„Безпечные даютъ порокамъ въ людяхъ рость:
„Нѣтъ вѣрности нигдѣ; превозмогаетъ злость.
„Сего изверженна на брегъ нашъ, нища, нага,
„Прiяла всякаго въ участiе я блага;
„Разсыпанны суда въ пристанище внесла;
„Сопутниковъ его отъ пагубы спасла:
„Безумная! . . . за то какая мнѣ отплата?
„Ахъ, Фурiями я терзаюся объята!
„То сильный Аполлонъ за море въ дальный свѣтъ
„Всемѣстными его пророчествы зоветъ;
„То Маiинъ съ неба сынъ, боговъ послушенъ богу,
„По воздуху къ нему приноситъ вѣсть престрогу.
„Такъ: боги станутъ мнить о малости такой;
„Подобны помыслы смущаютъ ихъ покой.
„Не возражаю я, колико хочешь лги,
„И не держу тебя; ступай, спѣши, бѣги,
„Несись въ Италiю сквозь бурныя погоды,
„И флотомъ достизай владычества чрезъ воды.

„Но естьли кая мощь и правда въ Небѣ есть;
„Постигнетъ тя средь волнъ неизбѣжима месть;
„О камень разбїенъ Дидону ты вспомянешь,
„И именемъ ее стократно кликать станешь.
„Отсутственна, огнемъ я черным ополчусь,
„И слѣдомъ за тобой, какъ Фурїя, помчусь.
„Когдажъ принудитъ смерть мя съ свѣтомъ симъ растать-
„Всемѣстна буду тѣнь въ глазахъ твоихъ мечтаться, [ся
„И наводить тебѣ тревогу и боязнь:
„Постраждеши, злодѣй, достойную ты казнь.
„И слыша о твоемъ во бездну золъ упадѣ
„Межъ тѣней радостьми взыграю я во адѣ.
Здѣсь гнѣвныхъ токъ словесъ царица прервала,
И отъ Енея вдругъ отвращься потекла,
Оставивши его въ смятенїи великомъ
Вѣщати рвущася къ ней медлѣннымъ языкомъ.
Болѣзнуя она днесь солнца отъ лучей
И отъ любовничьихъ скрывается очей;
И болѣ не терпя усилившейся муки
Въ жестокомъ омракѣ падетъ къ рабынямъ въ руки.
Они съ роптанїемъ на гнѣвна рока судъ
Блѣднѣющу въ чертогъ на одръ ее несутъ.

Еней въ царицѣ тщась смягчить болѣзнь свирѣпу
И утѣшенїемъ подати ей подкрѣпу,

Самъ чувствуетъ въ себѣ душевныхъ силъ уронъ;
Крушится, сѣтуетъ, и шлетъ за стономъ стонъ.
Однако Зевсово велѣнїе свершаетъ,
И свой на брегѣ флотъ не медля посѣщаетъ.
Трояне не щадя взыскуема труда
Со суши тянутъ въ понтъ высокїя суда,
И цѣлы для снастей влекутъ дубы ко брегу:
Ужь весь на морѣ флотъ: толикъ ихъ жаръ ко бѣгу!
Когда на ихъ изъ вратъ изшествїе взглянуть,
Отъ града до судовъ народомъ усланъ путь!
То образъ муравьевъ, сомкняся кои въ тучу,
Снѣдь нужну для зимы, пшеницы грабятъ кучу.
Несется черный полкъ поспѣшною стопой
И узкой по травѣ влечетъ корысть тропой.
Иные силой плечь огромны зерна пхаютъ,
Другїе къ подвигу лѣнивыхъ побуждаютъ
Со важностью за ихъ коснѣнїе грозя;
Всѣ движутся; кипитъ раченьемъ ихъ стезя.
Что чувствовала ты, нещастная Дидона,
Колико грудь твоя вздымалася отъ стона;
Когда со высоты жилища твоего
Тревогу зрѣла волнъ и брега ты всего?
Жестокая любовь! пресладостна отрава!
О коль твоя сильна надъ смертными держава!

Вновь къ прозбѣ, ко слезамъ прибѣгнуть хочетъ вновь,
И прелагая гнѣвъ царица на любовь
Стремится до одной всѣ двигнути пружины,
Чтобъ, естьли умирать, умреть не безъ причины.
„О Анна, посмотри, ужь весь въ смятеньи брегъ;
„Стеклись, пускаются во вожделѣнный бѣгъ;
„Ужь парусы на вѣтръ расправлены пловцами,
„И кормы кораблей обвѣшены вѣнцами.
„Ахъ естьлибъ сей ударъ предвидѣть я могла,
„Зараньебъ силы я къ терпѣнью напрягла.
„Но ты нещастной мнѣ яви сїю услугу:
„Тебѣ преступникъ былъ во всемъ открытъ какъ другу;
„Ты знала какъ его почтенїе купить,
„Во всякїй часъ къ его какъ сердцу доступить:
„Поди, сестра, поди, и гордаго побѣдой
„Потщися кроткою смягчить врага бесѣдой.
„Скажи, я съ Греками въ Авлидѣ не была,
„Во пагубѣ Троянъ участья не брала.
„Ялъ флотъ когда въ Пергамъ осадный посылала?
„Анхизовъ ли изрывъ я пепелъ разметала?
„Что мой плачевный гласъ, что внять ему претитъ?
„Куда отсель стремглавъ, куда, тиранъ, летитъ?
„Пусть то любовницѣ даруетъ безутѣшной:
„Помедлитъ пусть, пока возвѣетъ вѣтръ успѣшной.

„Не бракъ имъ рушенный возставить съ нимъ ищу,
„Ниже лишить его прекрасныхъ поль хощу:
„Чтобъ успокоить страсть, мнѣ нужно токмо время,
„Пока привыклабъ я сносити бѣдствїй бремя:
„Послѣдней отъ него сей милости прошу,
„И скорбный гласъ къ тебѣ, О Анна, возношу,
„Когда испросиши сїю для мя отраду:
„Я жизнїю ему пожертвую въ награду.
Сестра Дидонины плачевны словеса
Вносила много кратъ Енею въ ушеса:
Но равнодушенъ онъ стенанїя не внемлетъ,
Ни жалобъ ни упрекъ внутрь сердца не прїемлетъ.
Всесильная въ томъ имъ упорствуетъ судьба;
Ожесточаетъ богъ кротчайша духъ раба.
Какъ дубъ теченьемъ дней стяжавшїй многу крѣпость,
Когда надъ нимъ свою Бореи всю свирѣпость
Истощавающи, со всѣхъ сторонъ ревутъ,
И силяся его свалить на землю, рвутъ:
Далече шумъ и трескъ по воздуху несется,
И кажда вѣтвь на немъ, роняя листъ, трясется;
Монархъ Альпїйскихъ горъ величественъ, хоть нагъ,
Не уступаетъ имъ онъ поля ни на шагъ,
И сколь высоко въ верьхъ главу свою возводитъ,
Столь корнемъ въ пропасти подземныя уходитъ:

Такъ

Такъ вождь Троянъ борясь съ стенаніями женъ,
Недвижимъ духомъ былъ, хоть въ сердцѣ пораженъ;
Вотще во мысли зракъ мечтается любезной,
Вотще изъ глаcъ его потокъ катится слезной.

Днесь ужасъ рока зря Дидона люту смерть
Зоветъ къ себѣ; и долъ противенъ ей и твердь.
Все грусть, отчаянье души ея сугубитъ,
Все смерть, единственну отъ бѣдъ избаву, трубитъ.
Принесшей дары ей ко олтарю свои,
Пріяли черный цвѣтъ влагъ жертвенныхъ струи;
И возліянія обряду посвященны
Вдругъ вина въ гнусну кровь, О ужасъ! превращенны.
Сіе видѣніе отъ подданныхъ ея
И даже отъ сестры скрываетъ своея.
Былъ храмъ изъ мрамора внутрь стѣнъ черможныхъ круга
Во память перьваго воздвигнутый супруга,
Зелены вѣтьви гдѣ и изъ цвѣтовъ вѣнки
Сплетенные ея усердіемъ руки,
И тканія изъ рунъ, что снѣга цвѣтъ являли,
Всю утварь онаго, всю лѣпость составляли.
Извнутрь ево, когда тьма царствуетъ и сонъ
Сихѣевъ слышанъ гласъ ее зовущій вонъ.
Со крова филинъ въ ночь почти безперерывно,
Предвѣстникъ бѣдъ, кричитъ протяжно и унывно.

То древнихъ грозныя вѣщанія пророкъ
Разятъ ее теперь ужасныхъ громомъ строкъ;
То самъ, въ ея груди содѣтель раны вѣчной,
Мятетъ ее во снѣ Еней безчеловѣчной.
Въ восторгѣ часто мнитъ, ей будто друга нѣтъ,
Весь будто, согласясь, ее оставилъ свѣтъ;
Что странствуетъ она далече на единѣ
И ищетъ подданныхъ блудяща по пустынѣ.
Такъ разума Панѳей лишался своего
Которому, въ часы неистовства его,
Толпами фуріи мечталися гнѣвливы,
Два солнца вдругъ въ глазахъ, и двои зрѣлись Ѳивы.
Такъ страждетъ бѣшенство въ позорищахъ Орестъ
Стремящійся отъ золъ спастись премѣной мѣстъ;
Вооруженная изъ тартара огнями
Мать бѣгаетъ за нимъ подъ черными змѣями;
Онъ внѣ мучилища изнесть свой рвется шагъ:
Но фуріи претятъ обсѣдши храма прагъ.
Въ безсильи наконецъ, въ отчаяніи яромъ,
Рѣшится всѣ бѣды однимъ скончать ударомъ,
И помышленіе заемлетъ тѣмъ свое,
Когда и какъ свершить намѣренье сіе;
Потомъ погибельну во сердцѣ думу кроя,
Чело и очеса къ веселію устроя,

Со-

Сострраждущей сестрѣ, „поздравь меня, речетъ,
„Я путь нашла, кой мнѣ всѣ бѣдства пресѣчетъ,
„Обратно предо мной любовника поставитъ,
„Иль навсегда меня отъ стрѣлъ любви избавитъ.
„Во Еѳіопіи, гдѣ сильный солнца жаръ,
„Гдѣ звѣздный на плечахъ Атлантъ катаетъ шаръ,
„Межь дальнымъ близь береговъ на западѣ народомъ,
„Живетъ священница, Массиліанка родомъ,
„Что въ храмѣ Гесперидъ служебницей была
„И вѣтьви на древахъ священныя блюла,
„Снотворный макъ и медъ передъ змія метала
„И тѣмъ облегше садъ чудовище питала.
„Увѣрилася я, волшебствами она
„Любовный огнь тушить и возжигать сильна,
„Сильна претить рѣкамъ, вспять двигать неба знаки,
„И мрачны возводить изъ тартара призраки.
„Какъ топнетъ, долъ подъ ней весь стонетъ затрясясь!
„Какъ молвитъ, вязы съ горъ низходятъ къ ней несясь!
„Дражайша, на тебя, и на Всевидцевъ шлюся,
„Что я неволею къ волшебству днесь стремлюся.
„Ты тайно на дворѣ мнѣ срубъ сооружи,
„И збрую варвара на оный возложи,
„Всѣ ризы, все что онъ въ чертогахъ ни оставилъ,
„Но паче брачный одръ, кой плакать мя заставилъ:

„Священница велитъ всю память истребить
„Злодѣя, кой искалъ Дидону погубить.
Скончавъ коварну рѣчь царица умолкаетъ;
На нѣжный зракъ ея вдругъ блѣдность востекаетъ.
Сестра не мысля, что восторженна отъ злобъ
Подъ видомъ жертвъ она себѣ готовитъ гробъ;
Не мня, чтобъ о своемъ любовникѣ простерти
Скорбь далѣе могла, какъ о супружней смерти,
Во удовольство ей возноситъ дубъ на дубъ,
И страшный на дворѣ согромождаетъ срубъ.
Дидона тьмой вѣнковъ верьхъ онаго вѣнчая,
И погребальными въ кругъ вѣтьвьми облачая,
Поемлюща умомъ весь ужасъ блискихъ слѣдствъ,
Одежду, что носилъ ея виновникъ бѣдствъ,
Киньжалъ, и образъ, кой ей былъ всево дороже,
Днесь гнѣва сталъ предлогъ, велитъ вознесть на ложе.
Готовы олтари, настали жертвъ часы:
Со распущенными священница власы,
устами шлющими немолчна ужасъ рева
Твердитъ по именамъ Хаоса и Ерева,
Нещетны божества, Трегубу изъ дѣвицъ,
Гордящуся числомъ троихъ Діану лицъ.
Для вида жертвенну обряду имовѣрна
Кропленіе творитъ водъ мнимыхъ изъ Аверна;

Изъ вредныхъ, въ лунну ночь, ссѣченныхъ мѣдью травъ
Жметъ соки, во единъ слагая ихъ составъ;
Мѣшаетъ плоть съ чела изшедша въ свѣтъ жребяти,
Любиму рождьшей снѣдь предускоривъ отъяти.
Дидона олтари днесь солью и мукой
Кропяща, и за нихъ держащася рукой,
Съ неизреченною души своей тугою,
Безъ пояса, съ одной безъ обуви ногою,
Торжественно зоветъ въ свидѣтельство боговъ,
И звѣзды свѣдущи, коль рокъ ея суровъ;
И естьли кая власть невѣрнымъ казнь наноситъ
Обиженну свою любовь отмстити проситъ.

Настала ночь, и тѣнь раскинула вездѣ,
Опочивали всѣ творенья по трудѣ;
Въ безмолвіи текли по синю небу звѣзды;
Въ пещеру звѣрь, въ свои пернаты скрылись гнѣзды;
Скотъ сельный на лугу, змій въ тернѣ свившись легъ,
И рыбы подъ водой пресѣкли быстрый бѣгъ;
Утихъ и лѣсъ и понтъ, и шумъ суетъ въ народѣ,
Среди безпечья, все покоилось въ природѣ;
Дидона бѣдная, Дидона лишь одна,
Подъ блѣднымъ свѣтомъ, кой пускала въ долъ луна,
Крушится, мучится; ни мысль ея ни очи
Не знаютъ сладка сна, не знаютъ темной ночи.

Растетъ въ груди тоска; то вспыхнетъ въ ней любовь,
То гнѣвъ, какъ море вѣтръ, ея волнуетъ кровь;
Страсть борется страсть, и всѣхъ ихъ сердце не вмѣщаетъ;
„Что дѣлать мнѣ теперь? сама въ себѣ вѣщаетъ,
„Ко прежнимъ ли тещи мнѣ съ прозьбой женихамъ
„На посмѣянье имъ давать себя и срамъ;
„Напрашиватися Іарву быть женою
„Отриновенному толикократно мною?
„Иль мчаться въ слѣдъ Троянъ, и жертвуя собой
„Презрѣнной сдѣлатись на флотѣ ихъ рабой?
„Такъ; я спасла ихъ; то послужитъ мнѣ въ отраду;
„Коль знатну за сіе пріемлю я награду!
„Положимъ; я пойду; но будетъ ли успѣхъ?
„Во гордыхъ я пловцахъ произведу лишь смѣхъ?
„Не научили тя, Дидона, муки томны,
„Лаомедонтовы коль чада вѣроломны.
„Но чтожъ? одной мнѣ въ слѣдъ щастливцевъ сихъ
„Иль весь съ собою дворъ, всѣхъ подданныхъ влещи, [тещи,
„И коихъ я едва отторгнула отъ Тира,
„Гнать снова по волнамъ въ концы другіе міра?
„Нѣтъ; лучше умирай; смерть долгъ, Дидона, твой,
„Вонзи въ грудь острый мечь, и тѣмъ боль кончи свой.
„Ты, Анна, ты всея причина мнѣ напасти:
„Ты жертвовала мной врагу, моей льстя страсти.

„Ахъ!

„Ахъ! лучшебъ сердца вновь къ любви не приучать!
„Пустыннымъ лучше бы мнѣ звѣремъ одичать!
„Сихею данная нарушена мной клятва:
„И се невѣрности моей какая жатва!
Таковъ Дидона стонъ во мглѣ ночной лила
Изъ сердца, кое гнѣвъ любовь и грусть рвала.
Еней подъ собственнымъ все въ путь устроя окомъ,
Въ кормѣ на кораблѣ опочивалъ высокомъ:
Какъ богъ, котораго онъ прежде созѣрцалъ,
Во сонномъ днесь ему видѣніи предсталъ,
По гласу, по лицу Меркурію подобенъ,
Съ нимъ желтостью власовъ и тѣла станомъ сходенъ.
„Богининъ сынъ, ему вѣщаетъ сице онъ,
„Возможноль, чтобъ тебя тягчилъ днесь крѣпкій сонъ?
„Не зрищи, кія тя напасти окружаютъ?
„Не слышишь, како въ понтъ тя вѣтры приглашаютъ?
„Рѣшившася умреть царица днесь не спитъ,
„Готовитъ пагубу, и гнѣвомъ вся кипитъ.
„Бѣги отсель, бѣги, пока возможно, въ море:
„Покроютъ Океанъ суда Тирійски вскорѣ,
„И поженутъ огнемъ Дидонина врага;
„Увидишь въ пламени и волны и брега.
„Отчаянна любовь всю месть на тя изрыгнетъ:
„Коль въ семъ пристанищѣ заря тебя застигнетъ.

„Встань, вѣтрила раскинь, понтъ веслами ударь:
„Жена, во всякій часъ удобь превратна тварь.
То рекши, абіе на воздухъ разрѣшился
Разсыпался, изчезъ, и съ нощію смѣсился.
Еней притрепетенъ видѣньемъ сицевымъ
Вспрянувъ отъ сна гласитъ къ сопутникамъ своимъ:
„Востаньте, други, всѣ, въ мигъ парусы расправьте;
„За весла вземлитесь, и бѣгъ вашъ въ море правьте.
„Се паки богъ съ высотъ насъ нудитъ ускорять,
„Сѣчь верьви, и себя дыханіямъ ввѣрять.
„Кто ты ни есь, тебѣ, О Господи, послушны,
„Грядемъ во слѣдъ тебя мы паки благодушны;
„О будь намъ вождь и насъ по безднѣ водъ неси;
„Пошли намъ щастливы созвѣздья въ небеси.
За симъ мечь пламенный мгновенно извлекаетъ
И верьвь державшую корабль пересѣкаетъ.
Вселяется во всѣхъ подобный жаръ Троянъ,
Всѣ движутся, спѣшатъ, несутся въ Океанъ.
Оставили брега, вдаль мчатся дерзновенны,
И волны стонутъ ихъ судами покровенны.
Въ низъ клонятся, да мощь всю вдругъ употребятъ;
Веселой греблей понтъ рвутъ, пѣнятъ и клубятъ.

И се Тиѳоновъ одръ оставивша багряный
Возводитъ изъ подъ волнъ Аврора зракъ румяный,

И

И сыплетъ новыя на землю красоты ;
Царица терема палатна съ высоты,
Коль скоро по волнамъ пловущій флотъ узрѣла
И пусты пристани и бреги усмотрѣла,
Отчаянна себя въ прекрасну грудь біетъ,
И желты рвя власы, „О Боже, вопіетъ,
„Уѣдетъ сей пришлецъ, умчится вонъ изъ виду,
„Нанесши смертну мнѣ въ землѣ моей обиду;
„И Тиряне своей царицы не отмстятъ?
„Вооружась во слѣдъ за нимъ не полетятъ?
„Раскиньте парусы, всей силою гребите!
„Неситесь, и догнавъ огнемъ его губите!
„Ахъ, что вѣщаю я?... гдѣ я?... мой меркнетъ умъ!...
„Дидона бѣдная! твой тщетенъ гнѣвъ и шумъ:
„Днесь вовсе надъ тобой судьба ожесточала;
„Тогда было разить, какъ скипетръ ты вручала.
„Се клятвы, коими крѣпилъ со мной онъ бракъ,
„Десница данная мнѣ вѣрности во знакъ!
„Се воинъ, кой боговъ изъ пламени избавилъ,
„И дряхлому отцу плеча свои подставилъ!
„Не въ силѣль я была злодѣя растерзать,
„И члены по волнамъ кровавы разбросать,
„Друзей и самово Асканія заклати,
„И нечестивому отцу во пищу дати?

„Но страшно; коль ево не удалось бы стерть.
„Чегобъ страшиться мнѣ обрекшейся на смерть?
„Ябъ станъ враговъ и флотъ огнемъ воспламенила,
„Отца бы, сына, весь ихъ родъ искоренила,
„И послѣ бы, какъ ихъ во сѣчи премогла,
„Самабъ на трупахъ ихъ, бездушный трупъ, легла.
„О Солнце, кое все лучами посѣщаешь,
„И наши съ высоты дѣянья освѣщаешь!
„И ты посредница, Юнона, брачныхъ дѣлъ,
„Поемлюща въ себѣ, коль рокъ мой днесь тяжелъ;
„И празднуемая по стогнамъ въ ночь Геката,
„Которой жертвенна творится воемъ плата;
„Вы Фурїи на месть преклонны существа,
„Желающей умреть Дидоны божества!
„Вы мой, какъ должно, стонъ и скорбь души внемлите,
„И совершить мои мольбы благоволите.
„Коль неминуемо сей мерзостный тиранъ
„Достичь въ пристанище желанныхъ долженъ странъ;
„И требуетъ сего теченіе непреложно
„Судьбы, противитись которой не возможно:
„По крайней мѣрѣ въ казнь своихъ ко мнѣ измѣнъ
„Да будетъ онъ гонимъ отъ храбрыхъ тамъ племенъ;
„Да изъ присвоенныхъ предѣловъ исключенный,
„И отъ объятія сыновня отлученный

„Зритъ

„Зритъ срамное своихъ паденїе друзей,
„И проситъ у чужихъ пособїя князей;
„И какъ въ поносный миръ вступити убѣдится,
„Да благоденствїя и царствъ не насладится:
„Но да безвременно падетъ, корысть врагу,
„И ляжетъ на пустомъ непогребенъ брегу.
„О семъ молю, о семъ къ вамъ Боги днесь взываю,
„И сей послѣднїй гласъ со кровью проливаю.
„А вы, О Тиряне! вы вѣчную вражду
„Ведите съ родомъ симъ; сего отъ васъ я жду.
„Поминовенье мнѣ сїе творите мертвой,
„И услаждайте мя во адѣ сею жертвой.
„Востани отъ моихъ, востань, герой, костей;
„Руби, и жги Троянъ ихъ въ сердцѣ областей!
„Отъ днешняго часа на все грядуще время,
„Колькратно Тирское ни придетъ въ силу племя;
„Кладу заклятїе: страна воюй съ страной,
„Со брегомъ брегъ, волна борися со волной;
„Раздайтесь двухъ колѣнъ повсюду брани громки!
„И лейся злобы духъ отъ праотцевъ въ потомки!
То рекши, во умѣ возможныхъ ищетъ средствъ,
Скоряй преторгнуть жизнь несносныхъ полну бѣдствъ;
На мамку возведя Сихееву зѣницы,
(Крылъ собственну ея во Тирѣ мракъ гробницы)

„Любезная моя Барцея, ей рекла,
„Внуши сестрѣ, сей часъ ко мнѣ бы притекла;
„Вели омытися ей чистою водою
„И привести овецъ заклательныхъ съ собою;
„Да возьметъ все для жертвъ потребное, скажи;
„Ты такожде чело убрусомъ обложи.
„Хощу по силѣ я торжественна обряда
„Намѣренну свершить днесь жертву богу ада;
„Хощу несносныя страданьи прекратить,
„И сей Троянца срубъ во пепелъ обратить.
Рекла: Барцея ей свидѣтельствуя ревность
Побѣгла, дряхла сколь дозволила ей древность.
Дидона съ трудностью отъ трепета дыша,
Самоубійствія свирѣпостью пыша,
Имуща очеса всѣ кровію облиты,
Дрощащи, мертвости подъ пятнами, ланиты,
Страхъ смерти по всему простершійся лицу,
Бѣжитъ къ тому двора, гдѣ срубъ стоялъ, концу,
Въ пылу отчаянья на оный востекаетъ,
И изъ ноженъ кинжалъ Дарданскій извлекаетъ,
Не на погибельный нещастной ей ударъ,
Не ради сицевой потребы данный даръ.
При созерцаніи меча и брачна ложа
И платья, что носилъ уѣхавшій вельможа,

Спо-

Спокойствїю себя на время предаетъ,
Задумывается, и молча слезы льетъ.
По семъ повергшись въ одръ, среди тяжчайшей муки,
Во время вѣчныя со оными разлуки,
„Дражайшїе, речетъ, залоги мнѣ любви,
„Доколь дозволилъ рокъ питать мнѣ жаръ въ крови,
„Изъ тѣла моего вы дышу прїимите,
„И отъ мученїя сего меня измите.
„Жила и кончила теченье я свое,
„Какое щастье мнѣ назначило мое.
„И днесь со славою во области подземны,
„Величественна тѣнь, гряду во царства темны.
„Чево мнѣ больше? я воздвигла славный градъ,
„И зрѣла кругъ него высокихъ твердь оградъ;
„За смерть супруга месть надъ братомъ оказала,
„И въ ономъ моего злодѣя наказала.
„Блаженна, и увы сто кратъ блаженна я,
„Коль флотъ Троянъ землибъ не косенъ былъ сея.
Супружественный одръ, то рекши, лобызаетъ;
„Воставъ, такъ умирать безъ мщенья мнѣ? вѣщаетъ.
„Но надобно умреть; умру, умру; такъ! такъ!
„Ко тѣнямъ низхожу во преисподнїй мракъ.
„Да узритъ мой тиранъ сей пламень со пучины,
„И понесетъ съ собой признакъ моей кончины!

Рекла; и сонмъ рабынь ее ужь падшу зритъ,
Ужь тепла кровь киньжалъ и руки ей багритъ.
Весь дворъ сталъ вопля полнъ и горьнія палаты;
Какъ громомъ бьетъ молва градъ вѣстью сей утраты;
Вездѣ рыданье женъ, повсюду плачь возникъ;
Къ высокимъ облакамъ за крикомъ шлется крикъ:
Какъ будто древній Тиръ, иль стѣны Карѳагена
Среди внезапнаго обрѣтшіяся плѣна
Отъ сопостатъ вездѣ разнесшихъ мечь и страхъ
Со трескомъ падали, и рушились во прахъ,
И огнь размноживши ярящіяся пламы
Жилища пожиралъ и купно божьи храмы

Сестра въ безпамятствѣ отъ вѣсти сицевой,
Бія себя во грудь и зракъ терзая свой,
Сквозь плачущихъ толпу къ царицѣ ускоряетъ,
„Елиза! къ ней зовя, Елиза! повторяетъ.
„Такъ сей твой умыслъ былъ? ты сей пріяла путь
„Безхитростну сестру, о горе! обмануть?
„Сей срубъ и олтари я съ тѣмъ ли созидала?
„Отъ жертвенныхъ огней сего ли ожидала?
„Осиротѣвшая! осталась я грустить.
„Чѣмъ жалобу начать? къ кому мой стонъ пустить?
„Почто, увы, спѣша изъ свѣта вонъ изыти,
„Не удостоила мя спутницею быти?

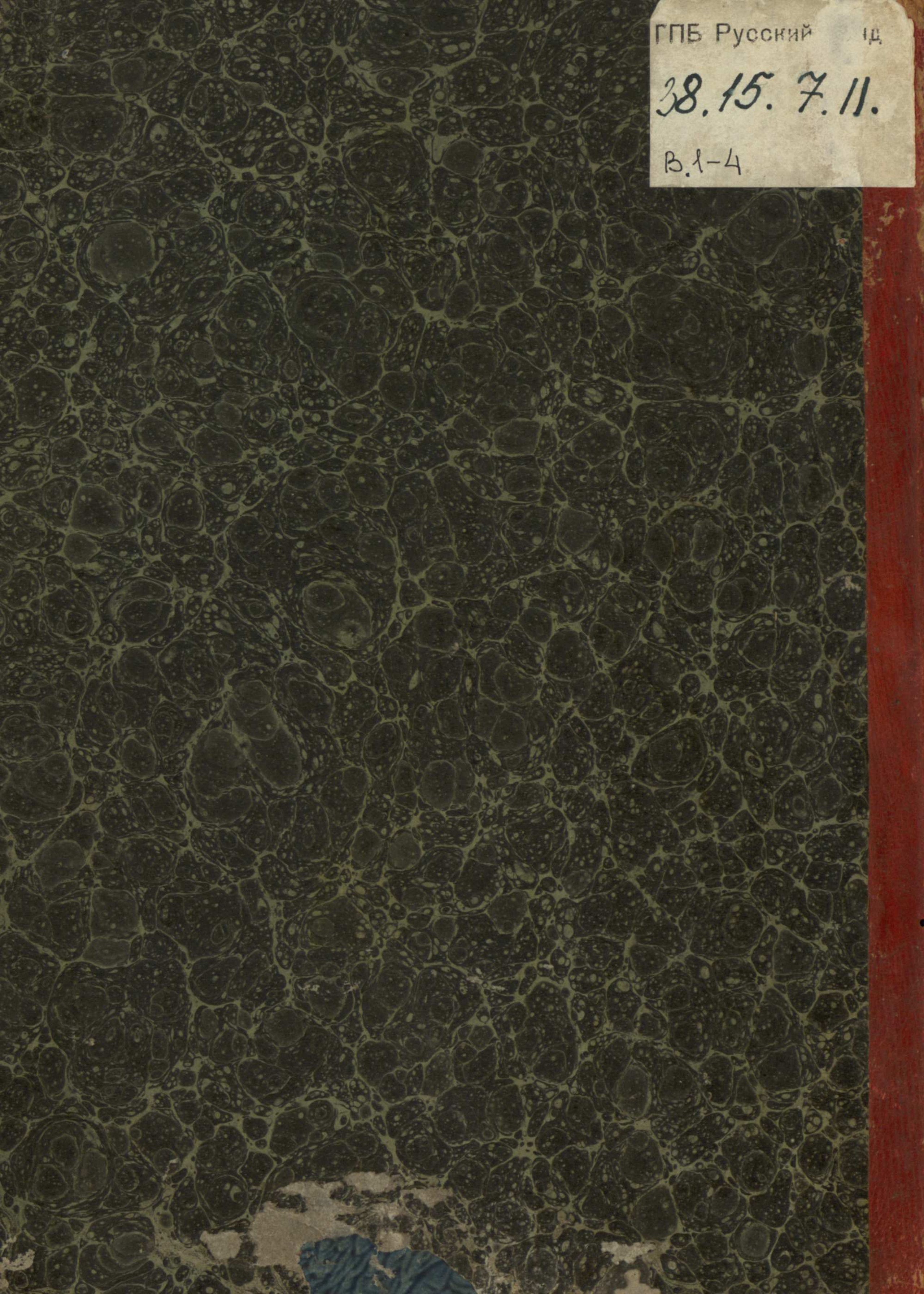
„По-

„Почто дѣлить меня твой рокъ не призвала?
„Ябъ тѣмъ же жизнь мечемъ въ мигъ тотъ же прервала.
„За тѣмъ ли я сама сію громаду склала,
„Къ богамъ отечества молитвы возсылала,
„Чтобъ мнѣ себя отсель на время унести,
„И послѣбъ тако тя лежащу обрѣсти?
„Увы, сестра, ты всѣхъ ударомъ симъ разшибла!
„Я, ты, вельможи, градъ, надежда всѣхъ погибла!
„Ахъ, дайте, да водой омою раны я,
„И прейму усты дыханіе ея.
Глася, на сруба верьхъ восходитъ по ступенямъ,
И отходящую сестру ко мертвымъ тѣнямъ
Пріемлетъ плачуща въ объятія свои,
Одеждой захватить кровавы тщась струи.
Дидона силится открыти тяжки очи,
И закрываетъ въ мигъ оскудѣвая въ мочи:
Глубокія въ груди творятъ ей раны боль,
И кровь не престая ключемъ біетъ оттоль.
Три раза встать, опрясь на локоть, возмогалась,
Три раза ослабѣвъ въ одръ паки низвергалась.
Искала въ небеси блудящимъ окомъ дня,
Обрѣтши напряглась, отъ сердца возстеня.

Юнона въ долъ низведъ божественны зѣницы,
И сжаляся надъ симъ томленіемъ царицы,

Ириду на земный низпосылаетъ кругъ
Скоряй борющійся известь изъ тѣла духъ.
Какъ смерть сія была не дѣйство обща рока,
Не преступленья казнь; но гнѣва плодъ жестока:
Для Прозерпины дань еще не съятъ былъ власъ,
Еще итти во адъ ея не вышелъ часъ.
Ирида машучи крылами безъ прерыву,
По тучѣ, въ кою бьетъ лучь солнца сопротиву,
Сквозь тысячу цвѣтовъ, путь долу правитъ свой,
И низпустясь стоитъ царицы надъ главой.
„Сей власъ, какъ долгъ велитъ, Плутону посвящаю,
„И отъ сего тебя я тѣла разрѣшаю.
Сказавъ пресѣкла власъ, и смерть въ глубь адскихъ нѣдръ
Духъ успшей унесла; изчезла жизнь на вѣтръ.

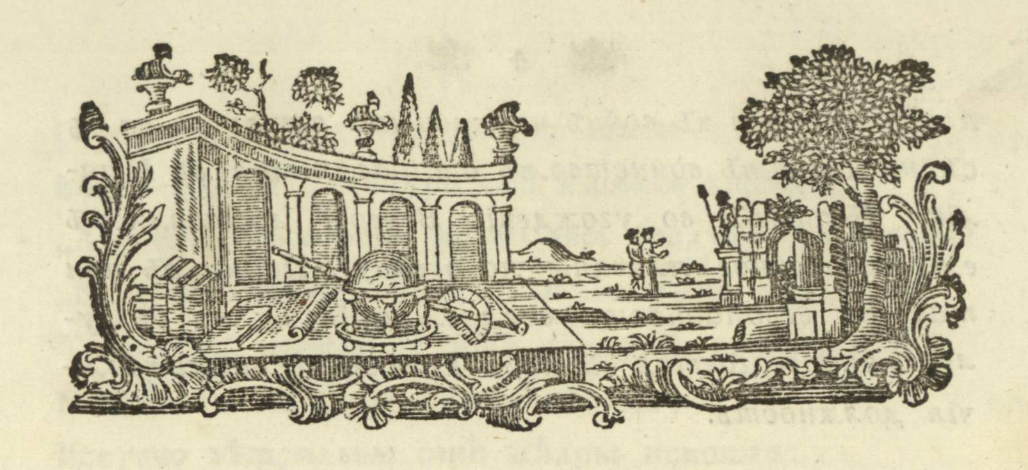
Петровъ.



ГПБ Русский ...д
38.15. 7.11.
В.1-4

ЕНЕЙ
ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА
ПУБЛІЯ ВИРГИЛІЯ МАРОНА.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.



СОДЕРЖАНІЕ.

Еней изъ Карѳагена пловущь въ Италію силою бури заносится въ Сицилію, гдѣ благосклонно будучи принятъ Ацестомъ, въ честь поминовенія отцу своему Анхизу открываетъ торжественныя игры и опредѣляетъ награды побѣдителямъ. Между тѣмъ Троянскія жены поощренные Иридою съ досады на долговременное плаваніе бросаютъ огнь на флотъ, отъ котораго четыре корабля сгараютъ, прочія Зевесъ ниспустя внезапный ливень отъ пламени спасаетъ. Въ слѣдующую ночь явльшійся во снѣ Енею Анхизъ именемъ Зевеса повелѣваетъ ему по совѣту Навтія оставить женъ и слабыхъ старцевъ въ Сициліи и со цвѣтомъ юношества плыть въ Италію, и прежде всего посѣтить Сивиллину пещеру. Еней повинуясь отцу созидаетъ градъ по имени Ацеста и въ ономъ

поселя женъ и къ войнѣ неудобныхъ старцевъ самъ съ надежнымъ воинствомъ отправляется въ Италїю. Нептунъ во угожденїе Венеры доставляетъ ему спокойное плаванїе по океяну. Палинуръ при таковой безопасности воздремавшїй купно съ рулемъ опровергается въ море. Еней заступаетъ кормчїя должность.

* * *

Межь тѣмъ Еней заливъ судами претекая
И волны, черныя Бореемъ, разсѣкая,
Вспять очи ко стѣнамъ нещастнымъ обращалъ,
Которыя ужь огнь Дидонинъ освѣщалъ.
Кто пламень сей возжегъ, причина сокровенна:
Но зная, коль жена во гнѣвѣ дерзновенна,
Обманутой любви колико боль жестокъ,
Чрезъ пламы понималъ любовницынъ онъ рокъ.
Когда коснулся флотъ пучинныя средины
И зрѣлось море лишь и небеса едины,
Дождлива туча вдругъ съ угрюмой синевой
Востала распрострясь пловущихъ надъ главой;
Виситъ, беременна предвѣстьемъ непогоды,
Чернѣющею мглой нахмурилися воды.

Обрѣт-

Обрѣтшiйся среди нечаянныя тьмы
Вождь флота Палинуръ, съ высокiя кормы,
„Ахъ кiй, глаголетъ, мракъ весь воздухъ окружаетъ!
„Коль страшною Нептунъ намъ бурей угрожаетъ!
То рекши, парусы велитъ пловцамъ свивать,
И всею силою на греблѣ успѣвать;
Искусно вѣтрильны самъ нѣдры искошая,
„Великiй князь, речетъ, къ Енею возглашая,
„Не мню въ Италiю, подъ мракомъ симъ небесъ,
„Достигнути, хоть самъ ручалсябъ въ томъ Зевесъ:
„Ревутъ со запада дыханьи поперечны;
„Густятся облака во тучи безконечны.
„Все наше вопреки усилiе тщета:
„Уноситъ во страну флотъ вѣтровъ быстрота.
„Коль премогаетъ насъ въ семъ случаѣ фортуна:
„Пойдемъ во слѣдъ за ней по области Нептуна.
„И естьли вѣрно я во памяти храню
„Созвѣздiя, кои зрѣлъ, безбурну сущу дню;
„Достигнуть твоего къ брегамъ союзнымъ брата,
„Ко царству Ерикса, часовъ не многихъ трата.
Такъ буря требуетъ„ отвѣтствуетъ Еней,
„Давно я зрю, вотще ты борешися съ ней.
„Бѣгъ флота премѣни. Подъ солнцемъ нѣтъ предѣла,
„Кудабъ душа моя охотнѣе летѣла,

„Какъ той, гдѣ царствуетъ соотчичь мой Ацестъ,
„И гдѣ лежитъ Анхизъ; что сихъ миляй мнѣ мѣстъ?
Со словомъ флотъ его въ путь должный успѣваетъ,
И парусы Зефиръ споспѣшный надуваетъ.
Летятъ и за собой шумящу пѣну вьютъ:
Въ послѣдокъ ко брегамъ знакомымъ пристаютъ.
Завидя издали съ горы превознесенной
Союзническій флотъ ко брегу принесенной,
Медвѣдя кожею Ливійскаго одѣтъ,
Съ копьемъ въ рукѣ, Ацестъ во срѣтенье течетъ.
Богъ чистыхъ струй, Кринизъ, Троянки ставъ лю-
Владѣтелю сему рожденія виновникъ. [бовникъ,
Еще ко сродникамъ любовью онъ горитъ,
О ихъ приплытіи привѣтства имъ творитъ;
Во сельскомъ пиръ для нихъ избыточествѣ строитъ,
Угощаваетъ всѣхъ, и аки другъ покоитъ.
Разгнавъ созвѣздія, власть нощи разоря,
Наутріе лишь днемъ блеснула въ міръ заря:
Со берега всего пловцевъ Еней сзываетъ,
И тако имъ съ холма высокаго вѣщаетъ:
„Трояне славные, боговъ великій родъ,
„Ко исполненію уже приходитъ годъ,
„Какъ мы Анхизовъ пепелъ подъ перстію сокрыли
„И олтари ему печальны посвятили:

„И ежель мысли мнѣ не тьмитъ забвенья тѣнь,
„Я чаю, настоитъ ужь близко оный день,
„Кой мнѣ [изволило такъ Небо вседержавно]
„Плачевенъ будетъ въ вѣкъ, и досточестенъ равно.
„Хотя бы странствовалъ въ Ливійскихъ я пескахъ,
„Держался плѣнникомъ во Греческихъ рукахъ:
„Торжественъ ябъ обрядъ въ честь дня сего отпра-
„И жертвы на олтарь взложити не оставилъ. [вилъ,
„Но по особой, мню, днесь милости боговъ,
„Достигли дружнихъ мы, гдѣ отчій пепл, береговъ.
„Да убо не косня Анхиза мы чествуемъ,
„Поминовенья день всѣ купно торжествуемъ,
„Моля, да даруетъ споспѣшный намъ онъ вѣтръ,
„Достигнути земли обѣтованной нѣдръ,
„И градъ, въ его же бы гдѣ храмахъ всенародно
„Сей жертвой могъ его я чтити ежегодно.
„Ацестъ, у коего Троянка мать была,
„На каждый намъ корабль два даруетъ вола.
„Боговъ своихъ на пиръ присутствія просите
„И покланяемыхъ Ацестомъ пригласите.
„Когда девятый день Аврора намъ явитъ,
„И дышущи лучемъ творенья оживитъ:
„Я подвигъ положу между судами флота,
„На греблѣ въ комъ тещи обрящется охота,

„Кто

„Кто силой одаренъ, иль быстростію ногъ,
„Искуснѣе другихъ стрѣляти бы кто могъ,
„Иль битись кистенемъ; да всѣ въ той день предста-
„И ждутъ возмездій, ихъ вѣнчати кои станутъ. [нутъ,
„Запечатлѣйте всѣ молчаніемъ уста,
„Украсьтесь вѣтвенна зеленостью листа.
То рекши самъ чело вкругъ миртомъ увиваетъ;
За нимъ Ацестъ, Гелимъ въ мигъ тоже содѣваетъ;
Подобнымъ красится младый Іулъ вѣнкомъ,
Послѣдуемый въ томъ всѣхъ юношей полкомъ.
Народа съ тысящьми вѣнчавшагося сице
Грядетъ оттоль Еней къ Анхизовой гробницѣ;
И какъ обычай былъ во древни времена,
Двѣ чаши цѣльнаго исполненны вина,
Двѣ крови, двѣ млека на землю проливаетъ,
И сыплющій цвѣты пурпуровы, взываетъ:
„О Отче радуйся! О радуйся! еще,
„Дражайшій пепле, мной объемлемый вотще,
„Душа и тѣнь меня родившаго героя!
„Увы, мнѣ не далъ рокъ драгой страны покоя,
„Италіи съ тобой искати и обрѣсть,
„Съ тобой внестися въ Тибръ, каковъ той Тибръ ни
Онъ рекъ, и велій змій, въ тужъ самую минуту, [есть.
Имущь во кольца плоть безчисленны сомкнуту,

ИзЪ подЪ Анхизовой гробницы выникЪ вдругЪ,
Вьясь тихо, оныя и олтарей вокругЪ;
ХребетЪ его блисталЪ во златѢ и лазурѢ,
КакЪ разноцвѢтная дуга межь тучь по бурѢ.
ОнЪ длинными себя изгибами влача
И межь олтарьныхЪ чашь, то кЪ сей, то кЪ той теча,
ВкусилЪ отЪ каждыя стоявшей снѢди тамо
И не содѢлавый вреда, оттолѢ прямо
Ко старцевой себя гробницѢ вспять понесЪ,
И вЪ ону углубясь отЪ зрѢнія изчезЪ.
Еней толь странное зря чудо цепѢнѢетЪ,
И размышляющій вЪ себѢ недоумѢетЪ,
То Геній ли какій стрегущій той округЪ,
Или отцу его служащій нѢкій духЪ.
Кого явившійся призракЪ ни образуетЪ,
ТѢмЪ вящу кЪ празднеству онЪ ревность показуетЪ;
ВелитЪ, да пять свиній, пять жертвенныхЪ овецЪ,
Да черныхЪ столько же тельцевЪ заколетЪ жрецЪ.
ИзЪ рукЪ своихЪ на гробЪ самЪ вина возливаетЪ
И громко отчу тѢнь изЪ ада призываетЪ.
Колико можетЪ кто, всѢ жертвуютЪ пловцы;
Тягчатся олтари, и падаютЪ тельцы.
КипятЪ разставленны по муравамЪ конобы,
И проницаются огнемЪ скотовЪ утробы.

И се урочный день для подвиговъ насталъ,
Девятою зарей Фебъ ясный возблисталъ.
Молвой позорища и именемъ Ацеста
Подвигнутый народъ изъ кажда окрестъ мѣста
Со любопытствіемъ стекается въ Дрепанъ;
Иные видѣти усердствуютъ Троянъ;
Другіе въ подвигахъ участвовати сами:
Бугристые брега покрылись зрящихъ тьмами.
Да жаръ подвижникамъ умножится въ груди,
Передъ очами всѣхъ, театра посреди,
Раскладываются треножія священны,
Вѣнки и пальмы въ честь героямъ возращенны;
Оружья сдѣланны изящнымъ образцомъ
И упоенные одежды багрецомъ;
Таланты серебра и блещущаго злата,
Завистна будущимъ побѣдоносцамъ плата.
Со высоты холма ужь трубный слышанъ гласъ,
Что жданный наступилъ къ открытью зрѣлищь часъ.
Четыре корабля снабденныхъ равномочно
Назначены тещи влагъ поприще урочно.
Мнестей на Китѣ свой по безднѣ правитъ ходъ,
Мнестей, отъ коего выводитъ Меммій родъ.
Химеру Гій стремитъ, ужасную громаду,
Подобящуюся величиною граду.

Троян-

Троянски юноши всей силой рукъ и чреслъ
Женутъ ее межь волнъ тремя рядами веслъ.
Сергестъ, кѣмъ Сергїевъ возникло въ Римѣ племя,
Центавра нудитъ въ понтъ, тяжело понту бремя;
Клоанѳъ, отъ коего Клуентїй кровь влечетъ,
На Скиллѣ по валамъ лазоревой течетъ.

Противу берега, подъ пѣною, бугриста,
Вдали лежитъ гора на морѣ камениста,
Которыя хребетъ во бурны времена
Бїенье терпитъ волнъ и тяжки бремена;
Какъ поле, въ тихи дни, стоитъ открытъ зѣницамъ,
Сладчайшее морскимъ отдохновенье птицамъ.
Зеленый дубъ, звѣздамъ главою кой грозилъ,
На мѣстѣ семъ Еней какъ мѣту водрузилъ:
Дабы соперники горы достигнуть тщались
И ону вкругъ оплывъ во пристань возвращались.
Кому съ кѣмъ въ близости нестися по водамъ,
Назначены мѣста по жребїю судамъ.
Уже подвижники въ убранствѣ пребогатомъ
Блистаютъ на кормахъ подъ червленью и златомъ;
Ужь бодрой младостью цвѣтущїе гребцы
Сѣдятъ покровены топольими вѣнцы;
Елеемъ лоснятся наги плеча натерты,
Ко весламъ руки ихъ не двигнутся простерты;

Вперенны̆ духомъ, всѣ одной минуты ждутъ,
Когда повѣстный знакъ къ теченью имъ дадутъ;
Безмѣрное хвалы желанье ихъ стрекочетъ,
Отъ страха сердце ихъ вонъ вылетѣти хочетъ.
Коль скоро звонкїя услышанъ гласъ трубы,
Текутъ во поприще въ мигъ сынове судьбы;
Возносятъ крикъ гребцы, умножити отвагу,
Движенье часто мышцъ клубитъ и пѣнитъ влагу;
Браздами равными, глубь роюще, пловутъ:
Зїяетъ понтъ; его дны рѣжутъ, весла рвутъ.
Не столь стремительны въ ристаньи колесницы,
Не подвизаются толь ревностно возницы,
Когда тряся вожжьми, тщась прочихъ перестичь,
Наклонны, на коней свой взмахиваютъ бичь.
Усердствуетъ народъ отважнымъ чадамъ славы,
Нещетныхъ плескомъ рукъ шумятъ вокругъ дубравы;
Восклнкновенїя катятся вдоль бреговъ,
И отдается крикъ удвоенъ отъ холмовъ.
Въ шуму, въ тревогѣ сей, Гїй всѣхъ перестизаетъ;
За нимъ течетъ Клоанѳъ и пѣну воздвизаетъ,
Благоуспѣшенъ веслъ усердныхъ быстротой,
Но медлѣнъ корабля огромна тяготой.
За сими наравнѣ Центавръ летя со Китомъ
Другъ съ другомъ въ подвигѣ прю держатъ знамени-
[томъ,

И

И усиляяся достичь побѣды лавръ,
То выпередитъ Китъ великій, то Центавръ,
То оба равными, по зближеньи, челами,
Со пѣною вокругъ, несутся межь валами.
Ужь плавательми горъ хребты достижены,
Побѣдоносецъ Гій, средь моря глубины
Во подвига жару ко кормчію взываетъ:
„Что тако тя, Менетъ, во право порываетъ?
„Держися берега, ко камнямъ въ лѣво правь,
„Для прочихъ глубину открытую оставь.
Гій рекъ, но камней страхъ все прочь Менета гонитъ,
Онъ далѣ свой корабль въ пространно море клонитъ.
„Не въ ту страну, не въ ту, на камни правь, Менетъ,
Вторично къ кормчію Гій съ гнѣвомъ вопіетъ.
Обращься зритъ себѣ Клоанѳа належаща,
И во теченіи ближайшій путь держаща.
Межь судна Гіева и шумныя скалы,
Съ уклономъ въ лѣво, онъ летя черезъ валы
Противуборника и мѣту вдругъ минуетъ,
И выѣхавъ на понтъ безбѣдный торжествуетъ.
Съ досады плачетъ Гій, и устремленный въ месть,
Забывъ и жизнь друзей, и собственную честь,
За преслушаніе, отъ робости, совѣта,
Съ высокія кормы бросаетъ въ понтъ Менета.

На мѣсто кормчія самъ правитъ кораблемъ,
И нудящій гребцевъ вратитъ на брегъ рулемъ.
Но влагою своихъ одеждъ отяготѣвшій
И лѣтами уже довольно состарѣвшій
Коль скоро наконецъ съ сѣдой главой на свѣтъ
Возникнулъ отъ дна глубокаго Менетъ,
На верьхъ кремнистаго пригорка возлезаетъ,
И сѣдши, мокоръ весь, на камнѣ отдыхаетъ.
Смѣялись зрители, когда онъ брошенъ былъ;
Смѣялись, изъ подъ волнъ какъ вынырнувши плылъ;
Смѣются, какъ, да дастъ дыханію свободу,
Солену изъ грудей отхаркиваетъ воду.
Съ Сергестомъ тутъ Мнестей удобіе обрѣтъ
У косна Гія взять ласкаются передъ.
Сергестъ скоряй летитъ и ближится ко мѣтѣ;
Однако онъ не всемъ Центавромъ въ перелетѣ;
Едина часть сего несется вопреди,
Съ другой смыкается Китъ носомъ созади.
Мнестей между гребцовъ ходящь безперестани,
Ихъ будитъ упразднять всю мочь плеча и длани;
„О други, коихъ я, какъ Трою рокъ попралъ,
„Во спутники себѣ всегдашніе избралъ,
„Днесь, днесь то ревніе, та мочь нужна въ семъ спорѣ,
„На Іонійскомъ вы явили кою морѣ,

„Отъ Сирти коя насъ Гетульскія спасла,
„И сквозь порывный яръ Малеи пронесла.
„Уже теперь Мнестей не первымъ ищетъ быти,
„Ниже течетъ, дабы побѣдоносцемъ слыти;
„О небо, О когдабъ! . . . но той да побѣдитъ,
„Кого Владѣтель морь симъ щастьемъ наградитъ;
„Несносный студъ и срамъ послѣдними остатись,
„Не дайте вы сему, не дайте, други статись.
Послушные пловцы, во весь хребтовъ исклонъ,
Гребутъ, стремя корабль межь водныхъ къ бѣгу лонъ;
Съ трудомъ преводятъ духъ запекшимися ртами;
Вздымается ихъ грудь, и потъ течетъ ручьями;
Отъ ударенiй веслъ махина вся дрожитъ;
Подстланна влага вонъ изъ подъ нея бѣжитъ.
Съ толикой ревностью летящимъ къ мѣтѣ прямо
Къ побѣдѣ подаетъ имъ способъ счастье само.
Когда ко брегу жмясь ярящiйся Сергестъ
Свой тщился ускорить во поприщѣ поѣздъ,
Нещастный, набѣжавъ на камни, зацѣпился,
И въ оныхъ заключенъ увязъ, остановился;
Рядъ веселъ затрещалъ ударенныхъ о мысъ,
И корабельный носъ качаяся повисъ.
Встаютъ гребцы съ скамiй, и взносятъ крики громки,
Съ шестами суетясь сбираютъ веслъ обломки.

Но

Но радостный Мнестей, во греблю весь вперенъ,
И самой подвига удачей ободренъ,
Въ пособіе къ себѣ зовя дыханья щедры,
Летитъ чрезъ водныя благопоспѣшенъ нѣдры.
Какъ голубица, чадъ неоперенныхъ мать,
Назначилъ коей рокъ въ пещерѣ превитать,
Когда объимется какимъ незапнымъ страхомъ,
Захлопаетъ плещей пернатыхъ частымъ махомъ;
По семъ паритъ въ еѳиръ, подобная стрѣлѣ,
И плаваетъ свои не движа тамъ крылѣ:
Такъ рѣжетъ понтъ Мнестей, Китъ тако мимо брега
Бѣжитъ, усиленный отъ самаго разбѣга.
Сергеста прежде, кой со бѣдствіемъ въ борьбѣ
Безъ пользы цѣлый свѣтъ на помощь звалъ къ себѣ,
Предпринималъ нестись на веслахъ сокрушенныхъ,
Обтекъ, и почестей жадая совершенныхъ
Химеру послѣ, волнъ страшилище, постигъ;
Она безъ кормчія преодолѣнна въ мигъ.
Уже въ концѣ Клоанѳ единый остается,
Его престигнуть въ бѣгъ, удвоя мочь, вдается.
Всеобщій Кита тутъ сопровождаетъ плескъ;
Не молкнетъ въ воздухѣ и шумъ и крикъ и трескъ.
Одни стяжанный лавръ соблюсть всей рвутся силой,
Бѣгъ кончить съ честію имъ паче жизни милой:

Другихъ

Другихъ успѣшіе къ теченію острить,
Возможность побѣдить побѣду имъ даритъ.
И можетъ быть, гребя другъ другу безуступно,
Во пристань оба бы внеслися совокупно:
Когдабъ съ простертіемъ ко безднѣ рукъ своихъ
Клоанѳ не произнесъ глаголовъ сицевыхъ:
„О Боги, сильные скиптродержавцы моря,
„По коему теку съ соперниками споря,
„Предъ вашимъ олтаремъ, лишь сниду я на брегъ,
„Падетъ вамъ жертва волъ бѣлѣющій, какъ снѣгъ,
„И внутренняя его повергнется въ пучину
„Со возліяньемъ винъ свершаемымъ по чину.
Онъ рекъ, и Форковъ хоръ, всѣ нимфы въ той же часъ
И Панопея сей изъ бездны вняли гласъ.
Прикосновеніемъ своей Портунъ десницы
Самъ Кита пхаетъ вдаль, достигнути границы.
Быстряе бурь крутыхъ, быстряй свистящихъ стрѣлъ,
Побѣдоносецъ онъ въ пристанище влетѣлъ.
Уже торжественно глашатай восклицаетъ
И побѣдителемъ Клоанѳа нарицаетъ.
Вождь подвиговъ Еней, народа предъ лицемъ,
Лавровымъ кроетъ самъ главу его вѣнцемъ.
И по три на корабль вола опредѣляетъ,
Сребромъ гребцевъ, и винъ избыткомъ надѣляетъ.

Вожди, которые по поприщу мчены,
За подвигъ вящими честьми отличены.
Побѣдоносному Клоанѳу дарованна
Высокія цѣны хламида златотканна,
Котору по краямъ, извитись сколь могла,
Меливска въ два ряда вкругъ червлень облегла.
На оной Ганимедъ изображенъ былъ швеньемъ
Въ дубровѣ за̀ звѣрьми гонящійся со рвеньемъ,
Со напряженною къ стрѣлянью тятивой;
Онъ мечется, усталъ, и дышетъ какъ живой.
Схватя его кохтьми Зевесова перната
Несетъ по воздуху вдругъ ужасомъ объята;
Сѣдые пѣстуны вотще на небеса,
Со распростертьемъ рукъ, возводятъ очеса;
Лишенны ловчія псы бѣшенствомъ пылаютъ
И челюсти свои подъемля къ верьху лаютъ.
Мнестей, по первомъ кой въ пристанище вбѣжалъ,
Превиту золотомъ кольчугу въ даръ стяжалъ,
Которую Еней, предъ симъ, при гордой Троѣ,
Во поединочномъ со Димолеемъ боѣ,
На полѣ, Симоендъ гдѣ въ шумѣ многомъ текъ,
Съ поверженнаго имъ соперника совлекъ;
Сія ему отъ рукъ Енеевыхъ награда
Дана, уборъ въ строю, въ сраженіяхъ ограда.

Фегей и СагарисЪ, носители бременЪ,
Едва держали ту всей силою раменЪ:
Но вЪ оной Димолей, среди кровава бою,
РазсыпанныхЪ ТроянЪ гонялЪ передЪ собою.
Гїй, вЪ третьихЪ коего махина вЪ портЪ втекла,
Возмездїе прїялЪ, два мѣдные котла,
Двѣ чаши сребряны, художествомЪ отличны,
Изображенїя гдѣ зрѣлися различны.
Ужь почестьми гордясь за свой герои трудЪ
СЪ багряными кругЪ челЪ ихЪ лентами грядутЪ.
СергестЪ хребтами горЪ вЪ теченїи запятой,
Едва вонЪ выбився, сЪ великой веслЪ утратой,
Единый оныхЪ рядЪ имущь отшибенЪ прочь,
СмѣхЪ зрящимЪ, по морю влечется черезЪ мочь.
КакЪ мѣдна колеса змїй тяжестью раздавленЪ,
Иль камнемЪ сокрушенЪ и полумертвЪ оставленЪ,
Вотще, дабы уйти, то вЪ клубЪ себя вїетЪ,
То длинны плотїю искрутины даетЪ;
Во предней части онЪ остатокЪ чуя мочи
ШипитЪ, подЪемлетЪ грудь, вкругЪ водитЪ ярки очи,
Но вЪ кольца заднюю сбираетЪ со трудомЪ,
И еле движется, отЪ тяжкой раны хромЪ.
Толь медлѣнЪ былЪ корабль нещастнаго Сергеста,
Толь тягостно онЪ плылЪ, чуть двигаяся сЪ мѣста.

Нижебъ обратно онъ въ пристанище достигъ,
Когдабъ всѣхъ парусовъ на вѣтеръ не воздвигъ.
Еней отъ радости, что цѣлъ корабль и други,
Сергеста тѣшитъ мздой, хоть нѣтъ его заслуги.
Рабу ему даритъ, могущу прясть и ткать,
Фолою, Критянку, двоихъ младенцевъ мать.
Скончавшусь подвигу, не слышнымъ плескамъ
На злачно со бреговъ Еней преходитъ поле, [болѣ,
Во кругъ котораго, всегдашняя краса,
Расли поверьхъ холмовъ зеленые лѣса.
Амфитеатру долъ огромностью подобенъ,
И ко ристанію торжественну удобенъ.
Средь тысящей герой народа тамъ возсѣдъ
Споръ бѣга предложилъ и лестны мзды побѣдъ.
Троянъ, Сициліянъ, толпы стекатись стали:
Но Низъ и Евріалъ въ мигъ перьвые предстали.
Благообразенъ былъ и молодъ Евріалъ;
Низъ чистою къ нему любовію пылалъ.
За ними подвига участникомъ имъ равна
Діоръ, Пріамова исходитъ отрасль славна.
По немъ, подобныхъ льстясь надеждою коронъ,
Ступаетъ на среду со Салїемъ Патронъ;
Единъ щитавшійся Акарнянъ за сочлена,
Другой Аркадяникъ, Тегеева колѣна.

Пи-

Питомствомъ должные Сицилїи своимъ
Являются потомъ Панопесъ и Гелимъ,
Обыкшїе въ лѣсахъ скитатись и дубровахъ
Ацесту спутники всегдашнїе на ловахъ;
И инны многїе, которыхъ имена
Забвеньемъ древнїя пожрали времена.
Еней имъ: „Юноши, ко мнѣ вашъ слугъ прострите,
„И мысли радостны во рѣчь мою вперите.
„Всѣ къ подвигу сему являющїе жаръ
„Достойный отъ меня прїимете вы даръ.
„Дамъ по два копїя, ко каждаго защитѣ,
„Съ стальными острѣйми содѣланными въ Критѣ;
„По обоюдной всѣхъ сѣкирѣ одѣлю
„Насѣченной сребромъ: всѣмъ равну честь сулю.
„Трехъ перьвыхъ отличу наградой особливой:
„Главы ихъ желтою украсятся оливой.
„Конь бодрый перьвому побѣдоносцу мзда,
„На коемъ заблеститъ драгой цѣны узда.
„Второму даръ калчанъ съ Ѳракїйскими стрѣлами
„Отъ Амазонскихъ дѣвъ носимый за плечами;
„При коемъ золота́ во перевязи ткань,
„Въ алмазной пугвицѣ искусна блещетъ грань.
„Возмездье третьему въ семъ Греческомъ шеломѣ,
„Кой снятъ съ соперника по силъ его преломѣ.

Онъ рекъ; подвижники мѣста свои берутъ,
И съ трубнымъ гласомъ вдругъ, оставя прагъ текутъ.
Какъ вихри ярые, стремятся, ускоряютъ,
И мѣту издали очами пожираютъ.
Быстръ, аки молнія, и легокъ аки вѣтръ
Уходитъ Низъ у всѣхъ движеньемъ частымъ бедръ.
За Низомъ Салій текъ въ межьмѣстіи далекомъ,
За Сальемъ Евріалъ во разстояньи нѣкомъ;
За Евріаловымъ вблизи хребтомъ Гелимъ,
Сверстатись рвущійся съ соперникомъ своимъ.
За онымъ се Діоръ съ возможной быстротою
Летитъ, плечо съ плечомъ, пята почти съ пятою.
И естьли бы ему еще сильняй налечь
И оставалось бы пространства больше течь:
Побѣдыбъ, можетъ быть, онъ выигралъ корону,
Или содѣлалъ бы сомнительною ону.
Уже подвижники, со потомъ на лицѣ,
Утруждьшеся текли при поприща концѣ,
Какъ Низъ нещастливый, средь гордыя отваги,
Упалъ отъ слизкія на злачномъ полѣ влаги.
Пролита тельча кровь во жертву тутъ богамъ
Подвижничьимъ была препятственна ногамъ.
Уже побѣдою ево вѣнчалась младость,
Ужь сердце сладка въ немъ упоевала радость:

Но вдругъ все рушили обманчивы стези;
Въ священной, посклизнясь, онъ ницъ упалъ грязи;
Упалъ, но своего любимца не оставилъ,
Вставая лядвiю онъ Салiю подставилъ;
И Салiй съ нимъ сшибясь средь поля навзничь палъ.
Симъ пользуясь въ передъ несется Еврiалъ,
И побѣдитель ставъ благодѣяньемъ друга,
Со плескомъ зрителей, стрѣлой летитъ вдоль луга.
По немъ Гелимъ, по семъ свой кончитъ бѣгъ Дiоръ,
Влетя днесь третiимъ въ побѣдоносчiй хоръ.
Но Салiй мечется во гнѣвѣ превеликомъ,
И весь амфитеатръ нескромнымъ полнитъ крикомъ,
Прося, вѣнецъ ему да будетъ возвращенъ,
Который у него коварствомъ исхищенъ.
Не мыслитъ Еврiалъ прибѣгнути къ защитамъ:
Слезъ токи по его катящися ланитамъ,
Доброта красоты возвышенна лучемъ,
И обща всѣхъ прiязнь поборствуютъ по немъ.
Всѣхъ болѣе Дiоръ ему споспѣшествуетъ,
И почести его достойна именуетъ.
Онъ правомъ самъ ко мздѣ не могъ бы обладать
Коль Салiю въ бѣгу честь перьвенства отдать.
Спокойтеся, „речетъ Еней имъ, храбры чада:
„Обѣтованна вамъ заплатится награда.

„Но жребїй жалостенъ мнѣ друга моего;
„Дозвольте мнѣ теперь утѣшити его.
То рекши, кожу льва, ловитвы плодъ богатой,
Подъ гривой тяготу желтѣющу мохнатой,
При коей золото на пазнoктяхъ горитъ,
Нещастну Салїю, покровъ плещамъ, даритъ.
„Коль побѣжденыхъ ты толико награждаешь,
„И столь, воскрикнулъ Низъ, о падшихъ сострадаешь:
„Для Низа кую мзду ты долженъ изобрѣсть,
„Который заслужилъ верьховную бы честь,
„Когда бы тотъ же рокъ его не опрокинулъ,
„Который на бѣгу и Салїя низринулъ?
То рекши, на себѣ нещастья кажетъ знакъ,
Замаранны плеча и безобразный зракъ.
Отецъ щедротъ ему усмѣшкой отвѣчаетъ,
И щитъ заслугъ его возмездьемъ назначаетъ,
Дидимаоновыхъ работу дивну рукъ,
Искуствомъ кой стяжалъ повсюду славы звукъ.
Висѣвшїй древле даръ во капищѣ Нептуна
Теперь наградою подвижника сталъ юна.
По удоволеньи возмездьями за бѣгъ,
Теперь, „гласитъ Еней, окинувъ окомъ всѣхъ,
„Теперь въ комъ столько силъ и мужества достанетъ,
„Да съ дланьми въ кистени вложенными предстанетъ.

Сїе провозглася, износитъ на среду
Для побѣдителя и побѣжденна мзду.
Тому въ даръ златомъ волъ и лентами увитый,
Сему шеломъ и мечь, назначенъ знаменитый.
При шумѣ зрителей, въ мигъ выдвинясь въ передъ
Съ ужасной силою является Даретъ;
Даретъ, на крѣпость кой надѣясь и проворство,
Съ Паридомъ много кратъ вступалъ въ единоборство;
И кой при кроющемъ пеплъ Гекторовъ бугрѣ
На празднуемой въ честь вождю сему игрѣ
Вутїя въ подвигахъ Гиганта превелика,
Хвалящась внукомъ быть Бебрїйскаго Амика,
Надъ всѣми вземлюща соперниками верьхъ,
На землю за мертво, сразяся съ нимъ повергъ.
Таковъ былъ сей Даретъ; главу онъ гордо носитъ,
И кажучи плещи широки боя проситъ;
То правою рукой, то лѣвой размахнетъ,
Свистящими пястьми по воздуху бїетъ.
Соперника ему въ народѣ ищутъ кликомъ;
Не обрѣтается во множествѣ толикомъ
Ниже единъ, ктобъ смѣлъ съ нимъ вызватись на брань,
И ополчить свою тяжелой кожей длань.
Онъ радуясь, и мня, ему нѣтъ равной мочи,
Не медля предстаетъ Енею передъ очи,

И лѣвою рукой схватя за рогъ тельца,
„Богининъ сынъ, речетъ, коль нѣтъ по мнѣ бойца,
„Доколь я буду здѣсь безъ дѣйствія стояти?
„Побѣды повели возмездье мнѣ пріяти.
Единогласно весь воскликнулъ сонмъ Троянъ:
Да будетъ даръ ему обѣтованный данъ.
Тутъ внявъ Ацестъ толпу неправедно судящу,
Къ Ентеллу близь себя на муравѣ сѣдящу,
„О доблестью речетъ, всѣхъ высившій герой,
„Доволящійся днесь лишь тщетною хвалой,
„Ентеллъ! попустишь ли ты дару толь богату
„Безъ противленія и боя быти взяту?
„Гдѣ Ериксъ оный днесь наставникъ твой, и богъ,
„Который тя училъ сламляти сильныхъ рогъ?
„Гдѣ слухъ трубящій, коль во битвахъ ты успѣшенъ?
„Твой домъ, который вкругъ корыстями обвѣшенъ?
„Ко славѣ есть во мнѣ, гласитъ Ентеллъ, любовь;
„Не страхъ мѣшаетъ мнѣ но охладѣвша кровь.
„Отъ состарѣнія мои ослабли жилы;
„Потрясся весь составъ и улетѣли силы.
„О естьли бы имѣлъ я крѣпость юныхъ лѣтъ,
„Которая сему буяну смѣлость шлетъ:
„Пускалсябъ безо мзды во бои я кровавы,
„Не нужны мнѣ тельцы; сражаюсь я для славы.

За вымолвленными словами не косня
Онъ бросилъ на песокъ два тяжкихъ кистеня;
Чѣмъ Ериксъ вооружалъ свои обычно длани,
Коль кратно изходилъ на таковыя брани.
Узрѣвъ сей странный рукъ подвижничьихъ уборъ
Во изумленье впалъ весь зрителей соборъ.
Седмь кожъ воловїихъ одна съ другой сложенны
Желѣзомъ и свинцомъ лежали напряженны.
Изумѣвается всѣхъ болѣе Даретъ,
И поединьщика отваги не беретъ.
Еней зрѣть оныя желанье показуетъ,
Вземъ, тяжесть и ремней ихъ свитки испытуетъ.
„Что ежели бы, рекъ возвыся старецъ гласъ,
„Случилося кому увидѣти изъ васъ
„Алкида кистени, орудїе ужасно,
„И на прибрежьи семъ сраженїе нещасно!
„Со сими Ериксъ, твой одноутробный братъ,
„Выхаживалъ противъ могущихъ супостатъ.
„Еще и кровь и мозгъ на нихъ напечатлѣнны.
„Бойцевъ, которые имъ были одоленны.
„Онъ ими сопротивъ Ираклїя стоялъ;
„Я такъ же нѣкогда ихъ самъ употреблялъ;
„Пока во битвахъ мнѣ рука моя служила,
„Завистна старость мнѣ власовъ не оснѣжила.

„Но естьли сихъ Даретъ страшится кистеней;
„Когда на то Ацестъ согласенъ и Еней,
„Чтобъ силы межь собой извѣдать намъ тѣлесны:
„Да возмемъ оба мы орудья равновѣсны.
„Я сїи отмѣню: Даретъ, ты страхъ отринь;
„Но кистени и ты Троянски также скинь.
То вымолвя, съ себя одежду совлекаетъ,
Широку грудь, плещи, и мышцы обнажаетъ;
Дороденъ, жиловатъ, и плотенъ и высокъ,
Видѣнье страшное! изходитъ на песокъ.
Да битву уравнитъ, Анхиза сынъ преславный
Къ ихъ дланямъ палицъ вѣсъ привязываетъ равный.
Вдругъ оба мышцами въ верьхъ розмахи даютъ,
И вытяняся, ногъ на персты привстаютъ;
Со осторожностью другъ ко другу подходятъ,
Отъ ударенїя главы свои отводятъ;
Однѣми дѣйствуя руками межь собой,
Переплетаются и начинаютъ бой.
Единъ, для младости, живъ, легокъ и проворенъ,
Другой тѣлесныхъ удъ громадою упоренъ;
Но видно косныхъ въ немъ дрожанїе колѣнъ;
Дыханье трудное трясетъ въ немъ каждый членъ.
Уже соперники другъ друга ударяютъ,
И звонки въ ребра въ грудь уразы повторяютъ;

Во скранїя себя, во ушеса стучатъ;
Подъ палицъ тяготой ланиты ихъ звучатъ.
Ентеллъ стоитъ своихъ недвижимъ силъ упоромъ,
Отъ рукъ соперничьихъ спасаясь бдящимъ взоромъ.
Даретъ, какъ вождь хотяй нагорный взяти градъ,
Обставивый его всѣхъ ужасомъ громадъ,
То съ сей страны, то съ той, для врыву внутрь, за-
Но тщетные вездѣ наскаки производитъ. [ходитъ,
Ентеллъ во сродный вшедъ единоборцамъ жаръ
Возноситъ высоко десницу на ударъ:
Даретъ надъ головой сѣнь видя смертна страха
Увертывается изъ подъ его размаха:
Ентеллъ стремленїе на вѣтеръ истощивъ,
Всей тѣла тяготой, толь силенъ былъ порывъ,
На землю падаетъ, какъ вырвана изъ корня
Со Иды сосна въ долъ иль съ Еримаѳа горня.
Весь сонмъ участвуетъ во приключеньи семъ;
Кричатъ, и носится ихъ крикъ подъ небесемъ.
Всѣхъ перьвѣе Ацестъ ко старцу подбѣгаетъ,
И другу отъ земли востати помогаетъ.
Не устрашенъ своимъ нещастїемъ герой,
Со вящимъ рвенїемъ возобновляетъ бой;
Гнѣвъ, стыдъ, и мужество душѣ его природно
Въ немъ будитъ мочь, омыть безчестье всенародно.

Всей силою врагу налегши своему
ЖенетЪ его стремглавЪ по берегу всему;
То шуей, то десной разитЪ вЪ стремленьи яромЪ;
Со звукомЪ звукЪ, ударЪ сливается сЪ ударомЪ.
Коль частЪ изЪ тучь на кровЪ падуща града стукЪ,
Удары такЪ герой изЪ бурныхЪ сыпля рукЪ,
ИзЪ сердца храбростью и мщенїемЪ нагрѣта,
ТолкаетЪ и вертитЪ во всѣ страны Дарета.
Да кончитЪ бой, Еней кЪ подвижникамЪ летитЪ,
Ентеллу далѣе свирѣпствовать претитЪ,
Изнеможеннаго Дарета исхищаетЪ,
И вЪ утѣшенїе ко оному вѣщаетЪ:
„Нещастный! како ты толико обуялЪ?
„Противу ты кого сражаться предпрїялЪ?
„Не чувствуеши ли, что вышша нѣка сила
„Для пораженья тя десницу возносила.
„Ты богу уступи. СынЪ мира тако рекЪ,
И повелительнымЪ брань гласомЪ разовлекЪ.
Дарета на бою прїявша раны многи
На силу по песку свои влекуща ноги,
СЪ висящей томно сЪ плечь и язвенной главой,
ТупымЪ стенаньемЪ боль вѣщающаго свой,
ИзЪ отворенна рта чрезЪ безобразны губы
Измещущаго кровь и вышибены зубы

Друзья,

Друзья, исполнены прискорбья и студа,
Поддерживаючи, отводятЪ на суда;
Вспять кликнуты мечемЪ и шлемомЪ обладаютЪ,
ПобѢду и вола Ентеллу покидаютЪ.
ТутЪ почестью своей торжественникЪ гордясь,
„Трояне, возгласилЪ, и ты, великїй князь,
„Зри, коль я силенЪ былЪ вЪ мои младые лѢта,
„И отЪ какого ты удару спасЪ Дарета.
То рекши, сЪ кистенемЪ противу сталЪ тельца
Назначеннаго вЪ дарЪ для щастлива бойца,
И межь роговЪ его, костей гдѢ вяща скрѢпа,
Ударя, вышибЪ мозгЪ изЪ внутренности чрепа.
Затрясся, заревѢлЪ вЪ мгновенье ока волЪ,
И сЪ трескомЪ падЪ покрылЪ тяжелымЪ трупомЪ долЪ.
ЕнтеллЪ надЪ онымЪ ставЪ, со кистенемЪ вЪ десницѢ
ОтЪ сердца глубины провозглаголалЪ сице:
„О ЕриксЪ, прїими, се жертва ти моя!
„Даретовой души пристойнѢе сїя.
„Почїйте кистени: мя славой удоволя,
„ОтнынѢ навсегда схожу со ратна поля.

По семЪ наградами вновь весь вельможь совѢтЪ
Ко подвигу Еней стрѢлянїя зоветЪ;
СнявЪ мачту сЪ корабля, который несЪ Сереста,
ВелитЪ воздвигнути средь зрѢлищнаго мѢста,

И

И къ верьху той, стрѣламъ чтобъ мѣту показать,
На нитѣ голубя живаго привязать.
Стеклись соперники, которыхъ по пріемѣ
Былъ брошенъ жеребій именъ включеньемъ въ шлемѣ.
При оглашающемъ лѣсъ крикѣ, брегъ и понтъ
Всѣхъ прежде выникъ сынъ Гиртасовъ Гиппоконтъ,
За нимъ во жребіи изшественникъ не косный
Оливы подъ вѣнкомъ Мнестей побѣдоносный.
За симъ Евритіонъ Пандара славна братъ,
Который нѣкогда, союза во превратъ,
Великой поощренъ ко мщенію Минервой
Ужжаще копіе пустилъ во Грековъ перьвой.
Послѣдній былъ Ацестъ, который сколь ни старъ,
Ко юныхъ подвигу питалъ во сердцѣ жаръ.
Уже соперники пріемля стрѣлы въ руки
Упруги перстами натягиваютъ луки.
И Гиппоконтова всѣхъ перьвѣе стрѣла
Со звонкой тятивы путь къ небу обрѣла;
Летитъ свистящая и воздухъ раздвизаетъ,
Но въ мачту, остріемъ ударяся, унзаетъ.
Вдругъ древо подъ ея ударомъ затряслось;
Далече птичьихъ крылъ плесканье раздалось.
По немъ Мнестей свой лукъ изъ всей напрягши мочи
Пускаетъ въ высоту стрѣлу и купно очи.

Пустилъ, но въ голубя умѣтити не могъ;
Ахъ жалко! пересѣкъ его лишь путы ногъ.
Перната встрепенясь, полету предается,
И вольность возвратя подъ облаки вїется.
Евритїонъ ужь лукъ натянутый имущъ
И брата своего въ пособїе зовущъ,
Подъ черной голубя ликующаго мглою
Пронзаетъ мѣткою на полету стрѣлою.
Лишась дыханїя близь звѣздныхъ онъ небесъ
Смертельну трость съ собой обратно долу снесъ.
Побѣда свершена и подвигъ миновался:
Единый лишь Ацестъ безъ пальмы оставался.
Но онъ являя, коль ему покоренъ лукъ,
Пускаетъ изъ своихъ стрѣлу на воздухъ рукъ.
Внезапу чудо тутъ представилося странно
Присутствующихъ всѣхъ очами созерцанно;
Знакъ важна бытїя, какъ вскрылъ то послѣ рокъ,
И гласъ стращающихъ, но поздный гласъ, пророкъ.
Стрѣла его въ странѣ воздушной загорѣлась,
И пламенну бразду начертавати зрѣлась;
Сверкнувъ межь облачныхъ превознесенныхъ нѣдръ
Изчезла превратясь во утонченный вѣтръ;
Звѣздамъ подобна, что падутъ подъ небесами
Препровожденны въ долъ горящими власами.

Во изумленіи всѣ мужи къ небу зрятъ,
Обѣты внутрь сердецъ богамъ своимъ творятъ.
И самъ Еней сіе прознаменье пріемля,
Ацеста радостна съ почтеніемъ объемля
Великолѣпный даръ передъ него влечетъ;
„О старче, пріими, прими сіе, речетъ,
„Зевесъ, кой выспреннимъ Олимпомъ управляетъ,
„Симъ чудомъ днесь твою побѣду проявляетъ.
„Се чаша мной тебѣ подносится злата,
„Изображеній гдѣ блистаетъ разнота.
„Киссей избралъ ее, въ сокровищѣ премногомъ,
„Къ Анхизу своего въ вѣкъ дружества залогомъ.
„О мужь, возлюбленный толико небесамъ,
„Вмѣни, Анхизъ тебѣ даритъ ее мной самъ.
При семъ вѣнкомъ его лавровымъ украшаетъ,
И побѣдителемъ верьховнымъ проглашаетъ.
Ниже завидуетъ сей чести Евритіонъ
Хоть голубя съ высотъ единъ низвергнулъ онъ.
По нихъ пріемлетъ мзду узъ птичьихъ разразитель;
А послѣ всѣхъ, стрѣлы внутрь дерева вонзитель.
Стрѣлъ кончилася пря, и абіе по ней
Ко надзирателю Іулову Еней,
Не медля предъ него предстати, вѣсть пущаетъ;
Представшу на ухо: „теки, и рцы, вѣщаетъ,

„Коль

„Коль дѣтскїй полкъ Іулъ уже распорядилъ,
„И всадниковъ своихъ къ ристанью учредилъ:
„Въ честь дѣда своего да выступитъ предъ строемъ,
„И межь героями явитъ себя героемъ.
Съ театра уступить народу самъ веля
Ширитъ зеленыя для подвигу поля.
Несутся отроки равнообразнымъ хоромъ,
И блещутъ на коняхъ, отцевъ своихъ предъ взоромъ.
Созѣрцавая ихъ великолѣпный ходъ
Отъ удивленїя колеблется народъ.
Всѣ въ шлемахъ, всѣ въ вѣнкахъ, съ двумя въ рукѣ
Со легкимъ нѣкїе калчаномъ за плечами [копьями,
Красуяся текутъ во предлежащїй путь;
У всѣхъ отъ вый падетъ златая цѣпь на грудь.
Три спиры всадниковъ, и три вождя предъ ними
Перстъ топчутъ, воями гордящися своими.
Дванадесять числомъ во каждой спирѣ чадъ;
И вождь, и рядовый въ нихъ равно лѣпъ и младъ.
Прїамъ единыя предтеча красный спиры
По дѣду такъ зовомъ носившу честь порфиры,
Полита славнаго неоцѣненный плодъ,
Имущъ возвысити Италїанскїй родъ.
Ѳракїйскїй чермный конь, бодрясь подъ нимъ, топочетъ,
И послѣ пролетѣть, стрѣлы быстряе, хочетъ;

На переднихъ у коня колѣнахъ шерсть бѣла;
Звѣздой замѣчена середня часть чела.
Атисъ, Іуловъ другъ, вторымъ полкомъ предводитъ,
Атисъ, отъ коего Атіевъ родъ исходитъ.
Межь юношь красотой подобяся лунѣ,
Вождь третьяго Іулъ блистаетъ на конѣ
Рожденномъ въ области богатаго Сидона,
Кой дарствовала, въ знакъ любви ему Дидона.
А прочіе творятъ на тѣхъ свой конѣхъ вѣѣздъ,
Которыми снабдилъ на время ихъ Ацестъ.
Внеслися чада; къ нимъ Трояне взоры мещутъ,
И въ ободренье имъ руками громко плещутъ;
Во взглядахъ, въ станѣ тѣлъ и во движеньи ихъ
Всхищаясь познаютъ прапрадѣдовъ своихъ.
Когда въ очахъ отцовъ, средь восклицаній грома,
Объѣхали вокругъ всю площадь ипподрома:
Гортанью Перифантъ тутъ гласной воскрича,
Ко подвигу имъ знакъ далъ хлопаньемъ бича.
Они врозь мечутся раздѣльшись на три хора,
Но равну ступь брегутъ среди ристанья скора.
И вновь услыша знакъ, воспять коней вратятъ,
Уставя копія другъ на друга летятъ;
Отскокнутъ розомкнязь, и паки обратятся,
Разсыплются, и вновь другъ со другомъ слетятся;

Во круги плетучись нещетны межь собой
Движеньми истинный изображаютъ бой.
То въ бѣгъ пустясь свои противнымъ кажутъ плечи;
То съ копьями для ихъ, текутъ обратно, встрѣчи;
То вдругъ, составя миръ, недавные враги,
Несутъ согласные по поприщу шаги.
Какъ въ Критѣ Лавиринѳъ внутрь стѣнъ многочерто-
Стезь тысячи являлъ къ исходу невозможныхъ, [жныхъ
Гдѣ путникъ, коль свой взоръ въ примѣты ни впе-
Обманутъ завсегда стопы свои терялъ: [рялъ,
Такъ дѣти въ подвигѣ теченье преплетаютъ,
Другъ друга бѣгаютъ, другъ друга усрѣтаютъ;
Делфиновъ въ образѣ, которы по волнамъ
Играючи, ко всѣмъ кидаются странамъ.
По возведенiи Албанскихъ стѣнъ Асканiй
Во градъ сей, перьвый, внесъ обычай сихъ ристанiй,
И древнихъ празднеству Албанцовъ научилъ;
Албанскiй родъ своимъ то внукамъ поручилъ.
Отъ нихъ тѣ зрѣлища наслѣдилъ Римъ державный
И въ точности соблюлъ обрядъ толико давный.
Тѣ игры и поднесь онъ Троею зоветъ,
Потѣшныхъ сонмъ дѣтей, Троянскiй полкъ, словетъ.
Сiи позорища Еней тогда представилъ
И успшаго отца симъ память воспрославилъ.

Но щастье паки здѣсь нахмуренно чело
Троянскихъ на вождя пришельцевъ возвело.
Въ часы Анхизову творимой чести гробу,
Юнона древнюю еще питая злобу,
Еще жадая мстить Ириду отъ высотъ,
На Иліонскій шлетъ зломыслящая флотъ.
Во убыстреніе полета безпомѣшна
Ей вѣтра даруетъ дыханіе споспѣшна.
Она дугой цвѣты заявшей отъ лучей
Невидима снеслась въ мгновеніе очей.
На сонмъ людей и брегъ возведши быстрость взора
Флотъ видитъ въ пристани оставленъ безъ призора.
Троянки на брегу, особь пускали стонъ,
Оплакивающи въ Анхизѣ свой уронъ;
И слезны очи въ понтъ глубокій простирая
Обширности его не обрѣтали края.
„Увы! колико моръ, была всѣхъ обща рѣчь,
„Изнеможеннымъ намъ предостается течь!
„Почіемъ ли когда въ стѣнахъ мы нова града?
„Трясенье волнъ нести несносная досада.
Ирида умысломъ обильна ко вреду
Примѣшивается Троянокъ во среду.
Снемъ ризы радужны, видъ смертной показуетъ,
Въ Берою старицу себя преобразуетъ,

До-

Дориклову жену, которая вельми
Въ Троянкахъ славилась породой и дѣтьми.
„Увы! такъ мнимою вѣщанно къ нимъ Бероей,
„За чѣмъ отъ Грековъ мы не пали купно съ Троей?
„О родъ нещастливый, вкусившїй столько бѣдъ!
„На кую пагубу судьба тебя блюдетъ?
„По падшемъ отчествѣ седьмый ужь годъ въ исходѣ
„Какъ мы подвержены всегдашней непогодѣ
„Подъ разнымъ воздухомъ, по разныхъ морь волнамъ,
„По всѣмъ въ подсолнечной скитаемся странамъ,
„Со громами, съ дождьми, со грозными валами,
„Со неприступными борющеся скалами:
„Межь тѣмъ, какъ океянъ мы рвемся протещи,
„Дабы предѣла, насъ бѣгуща, досящи.
„Се островъ Ериксовъ; онъ нашъ, не чужеземный,
„Владычествуетъ въ немъ Ацестъ гостепрїемный:
„Енею что претитъ здѣсь городъ основать,
„И поселившимся спокойство даровать?
„О отчество! и вы вотще спасенны боги
„Изъ пламъ, чѣмъ наши въ пепелъ обращены чертоги!
„Такъ новой Трои намъ во вѣкъ не созидать,
„Ни Симоенда струй, ни Ксанѳа не видать?
„Дерзнемъ, и кончимъ вдругъ по свѣту странства
„Воздвигнемся, сожжемъ суда презлополучны! [скучны;

„Кас-

„Кассандра сей ночи мной видѣнна во снѣ
„Пылающу огнемъ вручая свѣточь мнѣ,
„Здѣсь Троя, здѣсь, рекла, вселитпся ваше племя:
„Сей гласъ ея свершить зоветъ насъ само время.
„Какъ мѣдлить, знаменья толико дивны зря?
„И се Нептуновы четыре олтаря;
„Самъ богъ насъ пламенемъ и мужествомъ снабжаетъ.
За симъ враждебную въ мигъ свѣточь похищаетъ,
И искры сыплющу въ рукѣ ея огню
Бросаетъ на суда горящую главню.
Троянки сицевымъ видѣньемъ изумленны,
И до единой всѣ боязнью стали плѣнны.
Тутъ Пирга, коей былъ ужь близокъ дней закатъ,
Пріаму многихъ толь взраститпельница чадъ,
„Не Тмарьскаго, речетъ, Дорикла то супруга,
„И не Бероя намъ во странствіи подруга.
„Всмотритесь въ ясные признаки въ ней Небесъ;
„Кій духъ, гласъ, поступь, зракъ, кій блескъ ея очесъ!
„Берою передъ симъ, съ недугомъ тяжкимъ въ тѣлѣ,
„Сама я видѣла лежащу на постелѣ,
„И сѣтующу, что единa лишь она
„Анхизу долгъ воздать судьбой исключена.
Троянки вержены въ сомнѣнья бѣдоносны,
При берегѣ на флотъ возводятъ очи злосны,

То-

Томясь раздумїемъ, въ Сицилїиль пребыть,
Или во царствїе обѣтованно плыть:
Какъ вдругъ развѣсивша богиня быстры крила
Прекрасною дугой вспять къ небу воспарила.
Восторженныя симъ Троянки чудесемъ
Подъемлютъ, обуявъ, вопль велїй сонмомъ всемъ;
Со олтарей огни, со горновъ похищаютъ,
Древъ сучья на суда и свѣточи бросаютъ.
Огня носящася на блескѣ скорыхъ крылъ
Жретъ весла, палубы и пестры кормы пылъ.
Евмелъ со пристани ко сонму театральну
О бѣдствїи судовъ приноситъ вѣсть печальну;
И каждый изъ сего безчисленна полка
Зритъ искры вьющися подъ черны облака.
Іулъ, какъ подвигъ текъ, не стирая поту,
Летитъ къ смятенному помощникъ перьвый флоту;
Ниже въ безпамятствѣ за нимъ несясь во слѣдъ
Довлѣютъ пѣстуны смягчить его полетъ.
„Кїй сей безумства вихрь, нещастные гражданки,
„Куда, гласитъ, куда, стремитеся, Троянки!
„Не Грековъ симъ огнемъ, не ихъ вы жжете флотъ,
„Вы собственныхъ надеждъ губите днесь оплотъ.
„Престаните отъ сихъ во мысляхъ волнованїй:
„Се я, Енеевъ сынъ, се вашъ при васъ Асканїй!

То рекши, на песокъ бросаетъ свой шеломъ
Кой трясся надъ его во подвигѣ челомъ.
Еней сопровожденъ народными толпами
И самъ на флотъ течетъ поспѣшными стопами.
Троянки стать страшась ему предъ очеса
Бѣгутъ и кроются въ ущелья и лѣса;
Раскаяваются, свое безумье видятъ,
И собственную жизнь стыдяся ненавидятъ;
Юнону изъ своихъ истрясшія сердецъ,
Опомнясь, познаютъ согражданъ наконецъ.
Утихло буйство женъ; но люта мочь пожара
Повсюду жрущаго погибель стелетъ жара;
Смоленая пенька подъ деревомъ сырымъ
Трещитъ не престая и шлетъ лѣнивый дымъ;
Прокрадываясь пылъ судовъ снѣдаетъ днища,
И цѣлы ихъ тѣла огню творятся пища.
Не силенъ утушить ни храбрый пламъ народъ,
Ни возливаемы потоки многи водъ.
Тутъ ризы на себѣ вождь Тевкрянъ раздирая
И благовѣрныя въ верьхъ руки простирая
„Зевсъ правящій, речетъ, долъ, воздухъ, океянъ!
„Когда не всѣхъ твоя объемлетъ казнь Троянъ,
„И призираеши ты милостивымъ окомъ
„На смертныхъ съ пагубнымъ сражающихся рокомъ:

„Во флотѣ пламень сей, О Творче, погаси,
„И отъ конечныя насъ гибели спаси.
„Или, коль виненъ я, прими твой громъ въ десницу,
„Рази, и срини мя во адскую темницу.
Едва прервалъ онъ гласъ, мгновенно бурный духъ
Надъ флотомъ облачилъ все небо тучей вкругъ;
Сквозь воздухъ молнїи необычайны блещутъ,
Отъ громовъ и поля и горъ верьхи трепещутъ;
Дыханьми южными проливный дождь сгущенъ,
Шумитъ изъ хлябей вдругъ небесныхъ низпущенъ;
Рѣкою облачной всѣ палубы покрыты,
Шипятъ и ель и дубъ средь пламъ водой умыты:
Доколѣ наконецъ изчезъ и дымъ и паръ
И вреденъ лишь судамъ четыремъ былъ пожаръ.
Еней толь горестнымъ разстроенъ приключеньемъ
И въ сердцѣ отягченъ великимъ попеченьемъ
Колеблется умомъ, въ Сицилїи ли сѣсть,
Иль, помня рокъ, себя въ Италїю пренесть.
Тутъ Навтїй, древенъ мужь, Минервы собесѣдникъ,
И истиннъ отъ нея преятыхъ проповѣдникъ,
Кой смертнымъ толковалъ и страшный гнѣвъ небесъ,
И токъ судебъ отъ ихъ завѣшенный очесъ,
„Богининъ сынъ, речетъ Енея утѣшая,
„Пойдемъ куда судьба насъ тянетъ, приглашая.

„Фортуна како насъ ни будетъ порѣвать,
„Нашъ долгъ терпѣніемъ надъ ней торжествовать.
„Въ Ацестѣ имаши ты друга веледушна;
„Совѣтуй съ нимъ: его душа тебѣ послушна.
„Излишню тяготу, оставшій сонмъ людей
„Со четырехъ огнемъ пожранныхъ кораблей,
„И кои скучили, при частомъ запинаньи,
„Послѣдовать тебѣ въ великомъ начинаньи,
„Согбенныхъ стариковъ, унылый женскій полъ,
„Могущій трепетать при всякой встрѣчѣ золъ,
„Всѣхъ слабыхъ, немощныхъ сбери въ толпу едину,
„И поручи сему небесъ всещедрыхъ сыну:
„Да стѣны новаго здѣсь града возведутъ,
„И имя оному царя сего дадутъ.
Еней хотя почерпъ отъ старчихъ духъ речені;
Но тысящью въ груди терзался попеченій.

Во колесницѣ ночь чрезъ звѣздныхъ твердь огней
Неслась на двоицѣ чернѣющихъ коней:
Анхизова душа слетя со неба въ долы
Въ Енеевъ слухъ сіи лить слышалась глаголы:
„О сынъ, кой живу мнѣ миляе жизни былъ,
„Мой сыне, Трои кой нещастьями прослылъ,
„Отъ спасшаго твой флотъ къ тебѣ я посланъ бога,
„Призрѣвша днесь на тя со высоты чертога.

„На

„На предложеніе ты старче согласись,
„Съ избраннымъ воинствомъ въ Италію внесись.
„Ты долженъ брань вести, всегдашнимъ въ ней похо-
„Со безбоязненнымъ и лютонравнымъ родомъ. [домъ,
„Но прежде рокъ велитъ во адъ тебѣ сойти,
„И чрезъ Аверна глубь искать ко мнѣ пути.
„Во преисподнюю, дражайшій сыне, сниди,
„И тамо твоего родителя ты види.
„Не въ тартарѣ межь злыхъ, обитель тамъ моя;
„Со лики праведныхъ, во Елисіи я.
„По принесеніи обильныхъ жертвъ Плутону
„Сивилла тя сведетъ во мрака область ону.
„Познаешь тамо, кихъ ты праотецъ племенъ,
„И кихъ, въ грядущи дни, создатель будешь стѣнъ.
„Теперь прости, уже свершила нощь полъ тока:
„Я солнцевыхъ коней пыхъ чую отъ востока.
Вѣщалъ, и абіе среди своихъ словесъ
Подобно аки дымъ на воздухъ онъ изчезъ.
„Куда, гласитъ Еней, куда отсель несешься?
„Кого бѣжиши? съ кѣмъ толь скоро растаешься?
„О горе! кая толь немилосерда мочь
„Тя гонитъ отъ моихъ объятій, Отче, прочь?
Вѣщая такъ, грядетъ немедлѣнно къ горнилу,
И спящую огня подъ пепломъ будитъ силу;

Великой Вестѣ въ даръ и отчества богамъ
Приноситъ съ вѣрою млины и фимїамъ.
Ацеста абїе со други призываетъ,
Гласъ отчїй имъ и власть Зевеса открываетъ;
И кое мнѣнье онъ въ семъ дѣлѣ имать самъ:
Ацестъ покорствуетъ ему и небесамъ.
Назначиваются для поселенья люди
И мужи и жены, ко славѣ хладны груди.
Оставшїе пловцы, не многое число,
Но коихъ мужество высоко возрасло,
Сердца готовыя на всякїя напасти,
Чинятъ судовъ огнемъ разрушенныя снасти.
Межь тѣмъ Еней воломъ влекущимъ острый плугъ
Начертаваетъ стѣнъ, гдѣ граду быть округъ;
Дѣля по жребїю для сонма кровы она,
„Се Троя вамъ, речетъ, се рѣки Илїона.
Установляетъ судъ, гражданскихъ чинъ расправъ,
Старѣйшихъ созовя имъ пишетъ книгу правъ:
Ацестъ соплеменнымъ народомъ веселится,
Который у него во царствїи селится.
На versѣ Ерикса встающа къ облакамъ
По семъ Идїйской въ честь Венерѣ зиждутъ храмъ;
Бугру Анхизовы скрывающему мощи
Назначенъ жрецъ, и съ нимъ священной зелень рощи.

Ужь девять пиру дней и жертвамъ истекло,
Спокойна глубина разстлалась какъ стекло;
Зоветъ во море флотъ отъ юга вѣтръ споспѣшный:
Услышался вдругъ вой по брегу безутѣшный.
Переселенные и ѣдущіе прочь
Объемлются взаимъ и плачутъ день и ночь.
Уже тѣ самые, которые недавно
Страшась угрюмыхъ морь на рокъ роптали явно,
Ужь даже нѣжный полъ сѣсть ради на суда,
И тяжесть всякаго выдерживать труда.
Еней болѣзнь ихъ душь словами укрочаетъ;
Самъ плача плачущихъ Ацесту поручаетъ.
По семъ, лишь только три, въ честь Ериксу, тельца,
По годамъ лишь млада заколется овца,
Сопутникамъ велитъ со якорей сниматись,
И другъ за другомъ въ понтъ отъ брега простиратись.
Въ теченьи сихъ минутъ въ оливномъ самъ вѣнкѣ,
Стоя на палубѣ, со чашею въ рукѣ,
Утробны части жертвъ во слано море мещетъ,
И чистое вино, потиръ исклоньши, плещетъ.
Благопоспѣшный вѣтръ дыхаетъ имъ во слѣдъ;
Гребя наперерывъ свой правятъ вдаль полетъ.
Межь тѣмъ воверженa въ велику думъ тревогу
Венера жалобу приноситъ моря къ богу:

„Юнона

„Юнона стелюща ко пагубѣ намъ путь,
„Несыта лютыми мучительствами грудь,
„Нептуне, нудитъ мя повсюду вопль пускати,
„Повсюду прибѣгать, и помощи искати.
„Въ ней гнѣва не кротитъ ни время, ни мольба,
„Ни власть Зевесова, ни самая судьба.
„Неудоволяся, во ярости десницы,
„Разрушить стѣны въ прахъ Фригїйскїя столицы;
„Народъ исторгшїйся изъ пламеней среды
„Терзати, мучити всеродными бѣды:
„Теперь, по нѣкоей невобразимой злости,
„Разсыпать Трои пеплъ и самы хощетъ кости.
„И вѣдаетъ о семъ едина лишь она,
„Что бѣшенству ея толикому вина.
„Я шлюся на тебя, какъ мнѣ она въ досаду,
„Предъ симъ, воздвигла вдругъ всю Ливскихъ водъ
„Смѣсила во одно долъ, небо и моря, [громаду;
„Монархомъ бурь себя безъ пользы подопря;
„Дерзнула бунтовать стихїи во пространствѣ,
„Котору ты въ своемъ объемлеши подданствѣ.
„Въ послѣдокъ бѣшенствомъ (зри, коль она нагла!)
„Троянокъ заразя Енеевъ флотъ сожгла;
„Принудила его, за скудостью преправы,
„Оставить спутниковъ внутрь чуждыя державы.

„По

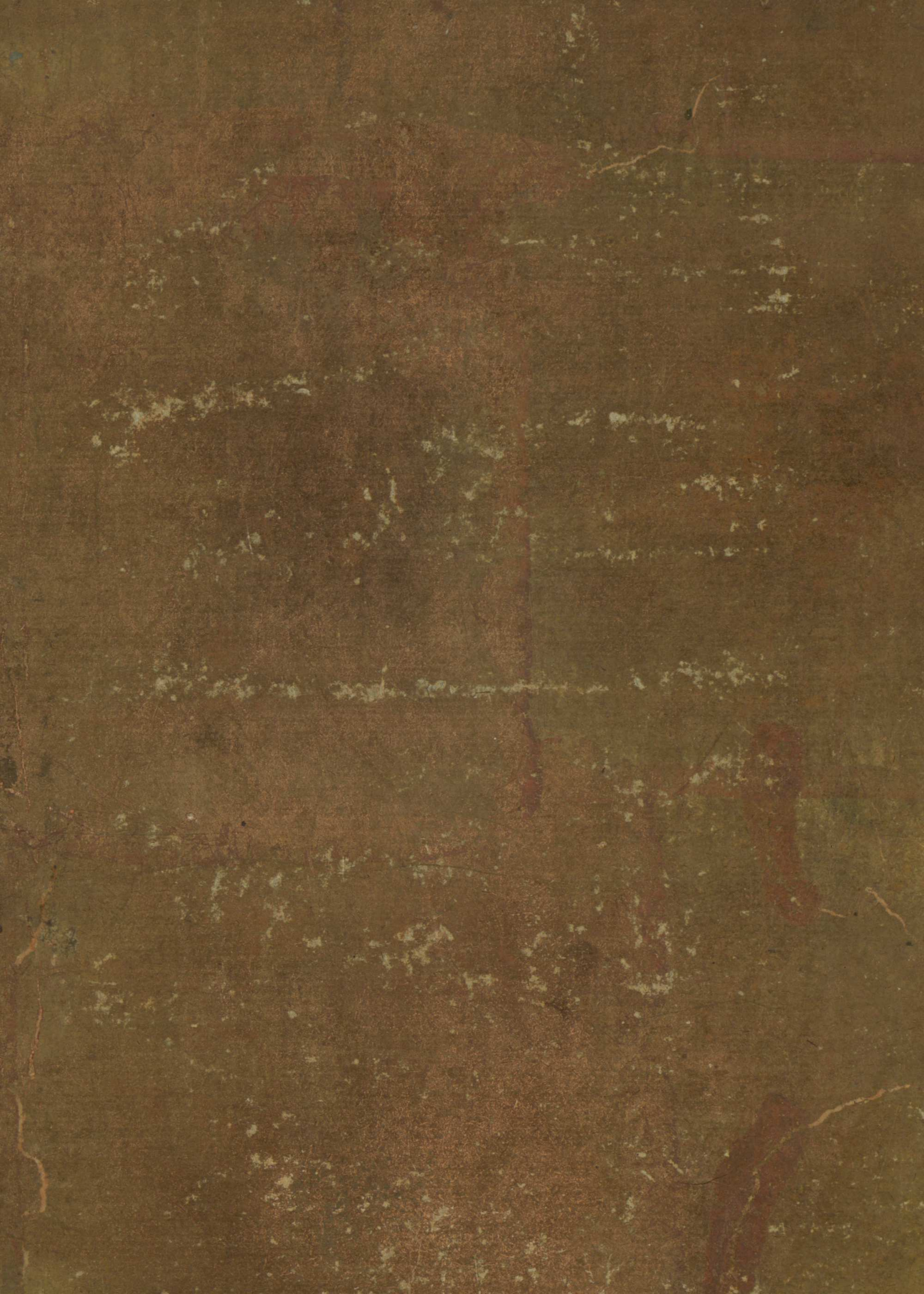
„Подаждь ему, Нептунъ, безвредный моремъ ходъ,
„Позволь коснутися Лаврентска Тибра водъ:
„Когда мое къ тебѣ моленїе законно,
„Коль Парки на сїе согласны безпрепонно.
Нептунъ отвѣтствуетъ: „бывъ моремъ рождена
„Не по достоинствуль Венера ты должна
„На область твоего надѣятися друга?
„И требуетъ того моя къ тебѣ заслуга.
„Я часто усмирялъ свирѣпость тучь и морь
„Енею твоему во облегченье горь;
„На сушѣ (Симоендъ и Ксанѳъ мнѣ въ томъ свидѣтель)
„Былъ такожде ему не меньшїй благодѣтель.
„Когда гоня враговъ, свирѣпый Ахиллесъ
„До Трои стѣнъ свое стремленїе пронесъ;
„Какъ воевъ тысячи имъ пали посѣченны,
„И рѣки трупами стонали отягченны;
„Окровавленный Ксанѳъ, ища своихъ дорогъ,
„Сгущенны въ понтъ струи едва вливати могъ:
„Съ неравной силою, съ покровомъ неба рознымъ,
„Енея сшибшася со симъ героемъ грознымъ
„Занесшимъ на него погибельный уразъ,
„Я, облакомъ покрывъ, отъ явна рока спасъ;
„Хотя тогдажь желалъ преступну рушить Трою
„Моею нѣкогда воздвигнуту рукою.

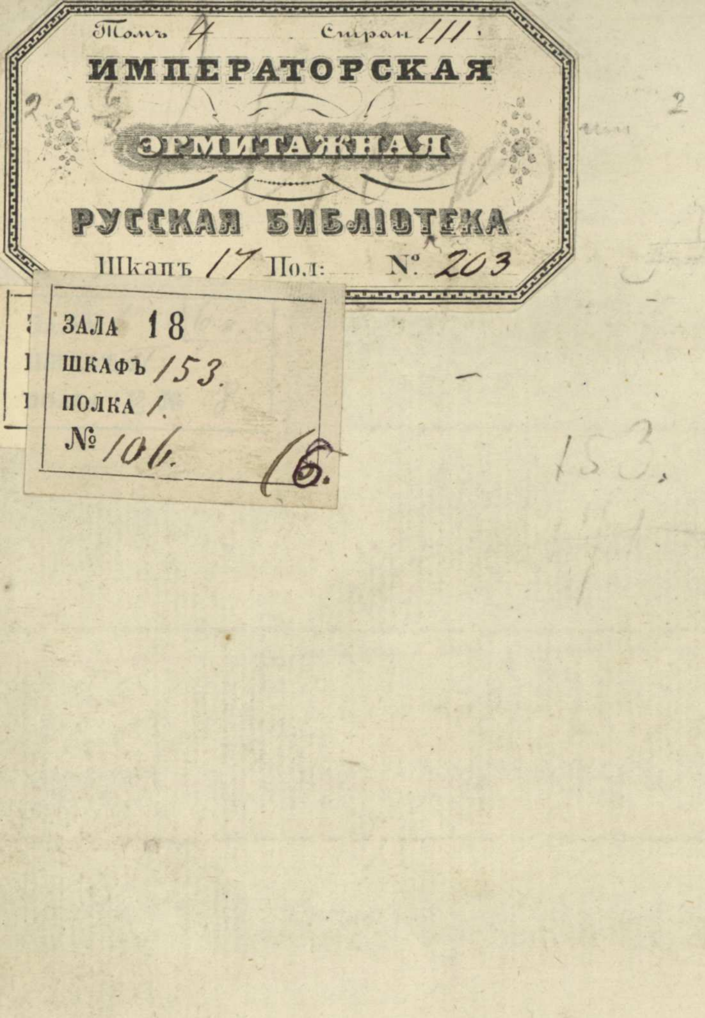
„Я тужe и поднесь храню къ нему прïязнь:
„Венера, отжени напрасную боязнь.
„Свершенье узришь ты желанïя безмѣрна;
„Безвреденъ внидетъ онъ въ пристанище Аверна.
„Единъ лишь возмется, единъ пучиной мужъ,
„Какъ очистительна премногихъ жертва душъ.
Разгнавъ Венерину бесѣдой сей кручину,
Впрягаетъ богъ коней во блещущу махину;
Вложа въ ихъ челюсти брозды родящи звукъ,
На выи изъ своихъ имъ слабитъ вожжи рукъ.
Брадатый царь пучинъ, съ трезубцемъ во десницѣ,
Летитъ въ лазоревой по морю колесницѣ.
Падутъ предъ нимъ валы; подъ быстротой колесъ
Понтъ стелется; бѣгутъ врозь облаки съ небесъ.
Спутьшествуютъ ему чудовищь разныхъ лики,
Выпрыгивающи вонъ киты превелики.
Съ десной его страны предревнïй Главка хоръ,
Тритоны, Палемонъ, и Форка весь соборъ:
Ѳетида съ шуея, Мелита, Панопея,
Сïона, Нисïя, Ѳалïя, Кимдокея.
При ведрѣ небеси и безмятежьи волнъ,
Еней спокойствïя и радованья полнъ
Велитъ пловцамъ къ труду усердны мышцы двигнуть,
Всѣ мачты на судахъ всѣ парусы воздвигнуть.

Мореходящи вдругъ, какъ дулъ въ то время вѣтръ,
Стремятся парусныхъ ко искошенью нѣдръ;
То такъ, то инако высоки райны ставятъ,
И по случившимся дыханьямъ путь свой правятъ.
Искусный Палинуръ напереди течетъ,
И за собой судовъ сгущенный сонмъ влечетъ.
Ужъ нощь разливъ свое повсюду полномочье
Превыспреннихъ небесъ достигла въ средоточье;
Пловцы отъ дневнаго труда изнемогли,
И жескихъ вдоль скамїй при веслахъ возлегли:
Сонъ легкїй съ высоты пустивыйся Еѳира
Расталкиваетъ мракъ пространство крывшїй мїра,
Крылами надъ тобой, Іазовъ сынъ, тряся,
Тебѣ невинну грезъ злощастїе неся.
Форванта образъ богъ и ростъ и рѣчь заемлетъ,
И сѣдши на корму вѣщати предпрїемлетъ:
„Пучина, Палинуръ, несетъ суда въ свой путь;
„Споспѣшный дышетъ вѣтръ; ты можеши заснуть.
„Прилягъ, и дай очамъ изнеможеннымъ льготу:
„Я кормчїй за тебя, и вождь на время флоту.
Но Палинуръ едва разъемлющь очеса
„Ты хощеши,'речетъ на божьи словеса,
„Чтобъ вовсе я забылъ опасность моря тиха,
„Ольстилсябъ ласкою чудовища толь лиха.

„Енея, ведромъ бывъ обманутый толь кратъ,
„Я вѣтрамъ ввѣрю ли виновнымъ многихъ тратъ?
Вѣщая то, къ рулю прильпенны держитъ длани,
И на небесны зритъ созвѣздья безпрестани.
Се богъ тряся сучецъ, кой въ Лиѳу погруженъ
И Стига силою снотворной былъ снабженъ,
Чело ево росой волшебной окропляетъ,
И съ сномъ борющися зѣницы усыпляетъ.
Лишь сладкая дрема разслабила его:
Морфей восхитивши нещастнаго сего
Со частїю кормы отторженной мгновенно
И со рулемъ стремглавъ бросаетъ въ море пѣнно.
Онъ къ общникамъ изъ волнъ безъ пользы вопїетъ:
Крылами машущь богъ къ еѳиру востаетъ.
Но флотъ Нептунова покрова удостоенъ
По морю вдаль летитъ безвреденъ и спокоенъ.
Уже ко каменнымъ онъ ближился буграмъ,
Ко обитаемымъ Сиренами горамъ,
Разбитыхъ кораблей заваленнымъ частями
И человѣчьими бѣлѣющимъ костями,
Пускаютъ кои шумъ далече отъ себя,
Громады волнъ объ нихъ ударенны дробя:
Какъ вождь Троянъ почулъ, себѣ къ велику горю,
Блужденье корабля, безъ кормчїя, по морю;

И правилъ онымъ самъ до разсвѣтанья дня,
Клеврета своего о пагубѣ стеня.
„Нещастный Палинуръ, почто, почто напрасно
„Ты столько уповалъ на понтъ и небо ясно.
„На незнакомый брегъ изверженный изъ влагъ,
„Ты ляжеши, увы! не погребенъ и нагъ.




Томъ 4 Стран 111.
ИМПЕРАТОРСКАЯ
ЭРМИТАЖНАЯ
РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА
Шкапъ 17 Пол: №. 203
ЗАЛА 18
ШКАФЪ 153.
ПОЛКА 1.
№ 106.
22.56
153. 1. 106.

ЕНЕЙ
ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА
ПУБЛІЯ ВИРГИЛІЯ МАРОНА.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приплывый въ Кумы Еней, посѣщаетъ Сивиллину пещеру, и по совершеніи обычнаго жертвоприношенія, вопрошаетъ Феба. Тамъ о наступающихъ опасностяхъ и окончаніи будущей войны извѣщается. По сожженіи обрѣтеннаго на брегу Мизенова трупа и сокрытіи пепла его на ближней горѣ, оттуду предвожденіемъ голубей, златой вѣтьви достизаетъ, которую сорвавъ и жертвами почтивъ боговъ Ада, Сивиллѣ путеводящей, отверстіемъ Аверна.

 схо-

сходитъ въ преисподнюю. Палинура, за лишенїемъ чести погребенїя, около Стигїйскихъ водъ скитающася обрѣтаетъ, котораго купно съ нимъ на онъ полъ водотечи преплыть желающаго Сивилла восящаетъ, утѣшая его надеждою тщегробїя. По семъ Еней преплывъ Стигъ, усыпленну Церберу снотворною снѣдїю, преходитъ мѣстами, гдѣ младенцы и по оклеветанїю на смерть осужденные мучатся; и достизаетъ жилища тѣхъ, которые отъ несносныя любьви сами себя умертвили. Тамо узря Дидону хощетъ предъ ней оправдиться; но она съ негодованїемъ отъ лица его убѣгаетъ. Продолжая путь, въ селенїи героевъ срѣтается съ искаженнымъ Деиѳобомъ, и отъ него о образѣ его смерти извѣщается. По томъ оставя въ лѣвѣ Тартаръ, поученный Сивиллою о мученїи беззаконниковъ, грядетъ къ чертогамъ Плутона и златую вѣтьвь при прагѣ двора его вонзаетъ. Оттолѣ къ жилищу блаженныхъ путешествуетъ, и отъ Мусея къ отцу своему препровождается, который пречисляя ему Албанскихъ и Римскихъ царей и нѣкоторыхъ знаменитыхъ Римлянъ въ возвеличенїи Юлїя Цесаря и Августа распространяется: и Маркелла, Октавїи сына, чрезвычайными хвалами до небесъ превозноситъ. Изъ Ада Еней

врата-

вратами изъ слоновой кости сотворенными вышедъ на свѣтъ, посѣщаетъ спутниковъ, и оставя Кумы простирается въ Каету.

* * *

Такъ плача, парусы на вѣтеръ воздвизаетъ,
Летитъ и вскорѣ Кумъ Евбейскихъ достизаетъ.
Въ мигъ котвы вержутся; скончавшіе свой бѣгъ
Суда кормами весь унизываютъ брегъ.
Сонмъ юношь, радостью воспламененны души,
Со кораблей на край Гесперской скачутъ суши.
Иные искры имъ потребнаго огня
Спѣшатъ извлечь изъ жилъ жестокаго кремня:
Другіе по лѣсамъ, звѣрей селенью, рыщутъ,
И перстомъ кажутъ, гдѣ какой источникъ сыщутъ.
Еней грядетъ во храмъ, который Аполлонъ
Опредѣлилъ себѣ въ превозвышенный тронъ;
И далѣе во мракъ ужасной паче мѣры
И таинственныя Сивиллиной пещеры,
Домъ дѣвы, кою самъ божественный пророкъ
Водохновя училъ вѣщать грядущій рокъ.
Ужь рощей шествуя цвѣтущей въ честь Гекатѣ
Ко храму ближутся сіяющу во златѣ.

Глаголютъ, что Дедалъ, ища спастись отъ рукъ
Миноя, ужасъ нань готовившаго мукъ,
Дерзнулъ себя крыламъ художественнымъ ввѣрить
И воздуха предѣлъ полетомъ страннымъ мѣрить.
Медвѣдицъ хладныхъ онъ достигнути хотѣлъ;
Въ послѣдокъ на скалу Халкїйску низлетѣлъ.
Въ семъ мѣстѣ посвятилъ крылѣ свои онъ Фебу,
И въ честь ему воздвигъ храмъ высящїйся къ небу.
На дверяхъ Андрогей рѣзьбой изображенъ
Въ томъ видѣ, како былъ въ Аѳинахъ пораженъ;
И Аѳинеане, О бѣдственныя пени!
На каждый годъ седьмь чадъ его платящи тѣни.
Во близости стоитъ той жребичный сосудъ,
Изъ коего былъ ихъ изъемлемъ смерти судъ.
На соотвѣтственномъ дверей пречудныхъ створѣ
Величественный Критъ лежитъ высокъ на морѣ.
Здѣсь волъ напечатлѣнъ зажегшїй студну страсть,
И плоти хитрая во Пасифаѣ сласть,
Ужасный Минотавръ состава двуобразна,
Изчадїе любви исполненной соблазна.
Тутъ видѣнъ Лавиринѳъ, чудесна храминъ смѣсь,
Неисходимое переплетенье стезь,
Изъ коего Дедалъ подвиженъ Арїадной
Жегомою огнемъ любови безотрадной

Ѳезея нитїю правительницей стопъ
Изъ заблудительныхъ на свѣтъ изводитъ тронъ.
И твой бы рокъ, Икаръ, здѣсь хитра длань вмѣстила:
Когда бы ей болѣзнь то сдѣлать допустила.
Двукратно тщился тя вырѣзывать отецъ;
Двукратно выпадалъ изъ рукъ его рѣзецъ.
Троянамъ вникнувшимъ въ изображенья злата:
Во провожденїи пришедшая Ахата,
Дейфоба, Главку дщерь, предвѣстница судебъ,
Гекатѣ и тебѣ служительница фебъ,
„Сеголь взыскуетъ долгъ, къ Енею восклицаетъ,
„Да ваянья твое днесь око созѣрцаетъ?
„Ты седмь тельцевъ ярма не знавшихъ николи
„И лучшихъ седмь овецъ не медля заколи.
Лишь только должныхъ жертвъ закланїе свершенно,
Троянъ въ святилище зоветъ превозвышенно.
Съ единыя страны Евбейская скала
Въ пещеру велїю изсѣчна была,
Изъ коея сквозь сто отверстїй страшны ревы
Пророчествующей гортань пускала дѣвы.
Приближили своихъ ко прагу стопы ногъ;
Какъ дѣва: „Вопрошай, се богъ мя полнитъ, богъ!
Гласящей тако ей, вдругъ страшная премѣна
Послѣдуетъ въ лицѣ, душевна знакъ въ ней плѣна.

Свя-

Священный разлился по быстрымъ огнь очамъ;
Распалися власы нестройно по плечамъ.
Дыханье начало въ груди ея спиратись,
И сердце зѣльностью восторга разширятись.
Еще, еще съ высотъ сильняй вдохновена
Во изступленїе всѣхъ чувствїй взорвана
Вздымается трясясь; сталъ ростъ ея возвышенъ,
И изъ гортани гласъ не человѣчїй слышенъ.
„Коснишь Еней, речетъ, коснишь притечь къ мольбѣ?
„Невходенъ безъ того сей грозный домъ тебѣ.
Сказавъ умолкла: страхъ взялъ мысль Троянъ въ ло-
Ихъ вождь съ смиренїемъ сїю лїетъ молитву: [витву,
„Великїй Фебъ, Троянъ поборникъ завсегда
„И облегчитель имъ болѣзней и труда;
„Стрѣлою острою Парида ополчивый,
„И Ахиллеса той сразити научивый!
„Подъ предводительствомъ, О Боже, я твоимъ
„Измѣрилъ странствїемъ толико морь своимъ;
„Проникъ въ далекїе Массильскїе народы,
„Въ края, гдѣ алчными мутятся Сиртьми воды.
„Се днесь достигли мы Италїи бреговъ
„Бѣжавшей прочь отъ насъ на цѣлы тьмы шаговъ.
„Поставь здѣсь предѣлъ той злобственной судьбинѣ,
„Которая гнала Троянскїй родъ понынѣ.

„Вы

„Вы горьни существа, низвергши Иліонъ,
„Высокой Фригіи гремящій славой тронъ!
„Ужь месть превозмогла; уже пощады время:
„Умилосердитесь, возставьте падше племя.
„И ты, О небеси пренепорочна дщерь,
„Къ познанью будущихъ отверста коей дверь!
„Какъ рокъ обѣтовалъ, даждь домы намъ устроить,
„Въ Латіи даждь боговъ блудящихъ упокоить.
„Я храмъ изъ мрамора Діанѣ изсѣку
„И Фебу, коему въ честь игры обреку.
„Тебѣ, пророчица, святилище поставлю,
„Въ которомъ положить гаданья не оставлю
„Реченны мнѣ тобой; и изберу мужей
„Истолкователей ихъ купно и стражей.
„Но не пиши стиховъ на листвіяхъ древесныхъ,
„Да не игралища дыханій поднебесныхъ
„Во разны въ воздухѣ разхитятся мѣста;
„Сама мнѣ ихъ воспой, и движь твои уста.
Онъ рекъ; но Фебову наитію упорна
Въ пещерѣ бѣгаетъ Сивилла непокорна,
И напрягается, не можноль какъ нибудь
Освободить свою отъ сильна бога грудь.
Тѣмъ паче онъ кротитъ исполненныя пѣны
Уста ея, и мысль, всѣ чувствія и члены:

Отверзлись вдругъ сто вратъ, и изъ пещреныхъ лонъ
Сквозь нихъ летитъ отвѣтъ пророчественный вонъ.
„О кончившій своихъ теченье бѣдъ на морѣ
„Но осужденный несть на сушѣ вяще горѣ!
„Въ Лавиній, несумнись, Троянскій внидетъ родъ:
„Но самъ онъ будетъ свой оплакивать приходъ.
„Я зрю сраженія, сраженія жестоки,
„И Тибровы кровьми багрѣющи потоки!
„Тамъ Ксанѳъ и Симоендъ, станъ Грековъ, плачь и плѣнъ
„Тамъ новый Ахиллесъ богинеюжъ рожденъ.
„Всегдашній бичь Троянъ, виновница ихъ стона,
„Всемѣстно тамо имъ сопутствуетъ Юнона.
„О како скорбный гласъ ты будешь возносить!
„У всѣхъ племенъ, градовъ, какъ помощи просить!
„Источникъ бѣдствій сихъ гостепріемна паки
„Супруга Тевкрянамъ, и чужестранны браки.
„Ты мужественно всѣ нещастія срѣтай;
„Великодушіемъ ихъ выше возлетай.
„Спасительна тебѣ въ сраженіяхъ ограда
„Пріидетъ, чаешь ли? отъ Греческаго града.
Сей полный таинства и ужаса отвѣтъ
Восторженна умомъ пророчица поетъ;
Пещеры мрачныя во внутренностяхъ воетъ,
И ясну истинну гаданій тьмою кроетъ.

Такъ

Такъ Фебъ явя надъ ней могущество свое
Тревожитъ, пламенитъ, неистовитъ ее!
Лишь думъ въ ней бунтъ утихъ, и бѣшенство языка:
„О дѣва! подступя къ ней рекъ Троянъ владыка,
„Не новы для меня болѣзни и труды;
„Заранье ополченъ на всѣ иду бѣды.
„О семъ единомъ лишь молю я дщерь господню:
„Когда, какъ слухъ течетъ, здѣсь сходъ во преисподню,
„И сонмъ угрюмыхъ влагъ, кой паче мѣры полнъ
„Раждаетъ Ахеронтъ своихъ разлитьемъ волнъ:
„Да зрѣньемъ наслаждусь родительскаго зрака,
„Отверзи мнѣ врата во глубь подземна мрака.
„Сквозь стрѣлы, огнь, мечи, сквозь разныхъ пагубъ
„На собственныхъ его я вынесъ раменахъ. [страхъ
„Дѣля со мною онъ рокъ Трои злополучный,
„По всѣмъ морямъ былъ мнѣ сопутникъ неразлучный.
„И старъ, болѣзненъ, дряхлъ, при всѣхъ station уронѣ силъ,
„Удары волнъ и бурь дыханія сносилъ.
„И онъ, О дѣва, онъ къ тебѣ мой путь направилъ
„И помощи твоей искати мя наставилъ;
„Умилосердися надъ сыномъ и отцемъ,
„И даждь другъ къ другу имъ бесѣдовать лицемъ.
„Ты можешь все: тебѣ Авернскую дубраву
„Геката не вотще подвергнула въ державу.

„Коль Цитры звонкїя пособїемъ Орфей
„Изъ ада могъ возвесть супруги тѣнь своей;
„Коль Поллуксъ братню смерть своею замѣняетъ,
„То живъ, то мертвъ, чреду толь кратно сохраняетъ;
„Молчу, что тожь возмогъ Ѳезей и Геркулесъ:
„И мнѣ доступенъ адъ; мнѣ праотецъ Зевесъ.
Онъ тако къ ней гласитъ, рукой олтарь объемля:
Сивилла вопреки вѣщати предпрїемля
„О плодъ боговъ, речетъ, въ адъ снити нѣсть труда:
„И день и ночь врата отворены туда.
„Въ томъ трудность, какъ изъ безднъ возникнути
„И паки созерцать лице небесъ прекрасныхъ. [ужасныхъ,
„Не многи Зевсовыхъ участники щедротъ,
„Парившїе горѣ любленїемъ добротъ,
„Герои, благъ творцы, рожденные богами
„Оттолѣ вышли въ свѣтъ обратными шагами.
„Намъ мрачну проницать дубраву надлежитъ,
„Кругъ коея Коцитъ излучистый лежитъ.
„Но ежели ты жаръ толь имаши безмѣрный,
„Два раза Стигъ преплыть, и видѣть Тартаръ черный;
„И начинанїя не можешь отмѣнить:
„Внемли, что перьвѣе ты долженъ учинить.
„Во лѣса густотѣ среди дубравы злачной,
„Въ прохладной глубинѣ долины тѣнью мрачной,

„Есть древо нѣкое со вѣтвїю златой;
„Царицѣ ада блескъ присвоенъ вѣтви той.
„Изъ смертныхъ ни единъ не снидетъ ко Плутону,
„Кто прежде не сорветъ со древа лозу ону.
„Обременя свою цвѣтущимъ златомъ длань
„Онъ долженъ несть сїю ко Прозерпинѣ дань.
„Едину вѣтвь сорвешь, другая израстаетъ,
„И тѣмъ же, разцвѣтя, металломъ вдругъ блистаетъ.
„Ища ея ты взоръ повсюду обноси;
„Обрѣтши не косни сорвать со древеси.
„Коль въ адъ тебѣ сойти назначено судьбою,
„Она, лишь тронеши, сама спадетъ собою:
„Въ противномъ случаѣ ни кая смертна мочь
„Не можетъ отдѣлить ее отъ древа прочь.
„Еще внимай; межъ тѣмъ какъ Промыслъ испытуешь
„И гласа отъ меня пророча ты взыскуешь,
„Твой другъ, не знаешь ахъ! лежа поверьхъ земли
„Непогребенъ сквернитъ всѣ трупомъ корабли.
„Препроводи скоряй во мѣсто ты покоя
„И подъ гробницею сокрой сего героя.
„Чернѣющихъ овновъ заклати ускори
„И очистительну зань жертву сотвори.
„Чрезъ то стезю себѣ проложишь въ адъ свободну,
„Во область дышущимъ творенїямъ невходну.

Рекла. Еней оставль пещеры грозной мракЪ,
ГрядетЪ вЪ унынїи потупя долу зракЪ.
О словесахЪ вЪ себѢ Сивиллы разсуждаетЪ;
ПолнЪ тѢхЪ же думЪ АхатЪ его сопровождаетЪ.
Во время шествїя бесѢдуютЪ взаимЪ,
И тщетно силятся умомЪ постичь своимЪ,
О смерти имЪ чїей пророчица вѢщала,
Чїе предать земли имЪ тѢло завѢщала.
ДостигнувЪ берега, О горе! зрятЪ, МизенЪ
ЛежитЪ поверьхЪ песка плачевно умерщвленЪ.
МизенЪ, ЕоловЪ сынЪ, кой громкою трубою
Удачнѣй всѢхЪ сердца воспламенялЪ ко бою.
ДругЪ Гектора, на всѢхЪ онЪ сѢчахЪ былЪ при немЪ,
И отличалЪ себя трубой и копїемЪ.
КакЪ сЪ кровью пролилЪ духЪ сей мужественный воинЪ;
МизенЪ ища, ктобЪ былЪ услугЪ его достоинЪ,
Вниманїе свое кЪ Енею приклонилЪ
И сЪ воинствомЪ его себя соединилЪ.
Но какЪ трубы своей онЪ гласЪ по морю шумный
Простря, морскихЪ боговЪ иззвалЪ на прю безумный:
ТритонЪ, коль можетЪ свѢтЪ повѢрити сему,
Трубленья вЪ мастерствѢ завидуя ему
СЪ кремнистаго бугра столкнувЪ его вЪ пучину
Волнами приключилЪ сопернику кончину.

О прекращенiи Трояне дружнихъ дней
Терзаются, слезятъ, но паче всѣхъ Еней.
По семъ Сивиллино веленье совершаютъ,
Огромный срубъ возвесть до облакъ поспѣшаютъ;
Текутъ въ дремучiе, укровъ звѣрей, лѣса,
И посѣцаемы въ низъ вержутъ древеса.
Здѣсь вязъ валится съ горъ лѣтъ множество не тронутъ,
Подъ остріемъ сѣкиръ тамъ дубъ и сосна стонутъ;
Тамъ ясень вѣтьвями трепещетъ пораженъ
И раздробляется на части, протяженъ.
Анхизовъ сынъ простря длань собственну въ работу
Тѣмъ будитъ ко труду въ сообщникахъ охоту.
И возводя на лѣсъ дремучiй очеса,
Скорбя сiи въ себѣ вѣщаетъ словеса:
„О естьлибъ оная въ сихъ рощахъ вѣтвь златая
„Предъ мой явилась взоръ на древѣ гдѣ блистая.
„Сивиллинъ гласъ не лживъ: мнѣ смерть, Мизенъ, твоя
„Преясный знакъ, увы, правдивости ея.
Едва онъ рекъ, съ высотъ два голубя слетѣли,
И порхнувъ мимо глазъ на мягкомъ лугѣ сѣли.
Птицъ матернихъ герой въ минуту познаетъ,
„О будьте мнѣ вожди, въ весельи вопiетъ,
„Да вашихъ крилъ полетъ туда себя склоняетъ;
„Гдѣ тучну землю вѣтвь златая осѣняетъ.

И

„И ты, О рождьшая, мнѣ въ помощь поспѣши
„При сицевомъ моей волненіи души.
То рекши, стопъ своихъ движенье прекращаетъ,
И голуби куда простругся, примѣчаетъ.
Они то сядутъ, кормъ пристойный обрѣтя,
То вспорхнутъ въ верьхъ опять, всегда въ виду летя.
Приближась къ устію зловоннаго Аверна
Парятъ на высоту; ихъ быстрость крилъ безмѣрна.
И низпустившися обратно съ небеси
Садятся онаго на версѣ древеси,
Злата на коемъ вѣтвь, при нѣжной зыби, блещетъ,
И разновидный цвѣтъ сквозь лѣторасли мещетъ.
Какъ въ рощахъ средь зимы Иксія листъ пустя
Желтѣетъ, къ дереву чужому прирости;
Заемля отъ него обилье нужна сока
Червленые плоды вьетъ окрестъ пня высока:
Таковъ на дубѣ былъ цвѣтуща злата блескъ
И вѣтромъ листвія колеблемаго трескъ.
Еней со жадностью превосходящей вѣру
Отторгши вѣтвь, несетъ къ Сивиллѣ во пещеру.
Межъ тѣмъ на берегѣ Трояне слезы льютъ,
И дружню трупу долгъ послѣдній воздаютъ.
Изъ певки жирныя и крѣпкихъ бревенъ дуба
Громаду страшнаго сооружаютъ сруба.

Въ немъ вѣтьвями бока переплетаетъ тисъ,
Сопереди стоитъ печальный кипарисъ.
Оружья блещущи, трофеевъ разныхъ виды
Превознесенныя верьхъ красятъ пирамиды.
Омывъ холодный трупъ кипящею водой
И мастїю натря подъемлютъ громкїй вой.
По плачѣ мертваго на ложѣ полагаютъ,
И покрывало нань багряно возвергаютъ.
Одни подклонь свои подъ тяжкїй одръ плеча,
Плачевный долгъ! грядутъ на срубъ его влеча:
Другїе, должную роднѣ явя досаду,
Со отвращеньемъ лицъ, жгутъ свѣточьми громаду.
По семъ во середу пылающихъ огней
Бросаютъ яствїй тукъ, и ладанъ и елей.
Какъ срубъ разрушился, и прахъ его сталъ тепелъ,
Сбираютъ кости въ немъ оставшїя и пепелъ,
И омовя виномъ къ священнику несутъ;
Священникъ Хориней влагаетъ ихъ въ сосудъ.
По семъ оливну вѣтвь грузя въ святую воду
Трекратное творитъ кропленїе народу,
И очищенїе, вкругъ ходя, подаетъ;
Ко успшему, прости, три раза вопїетъ.
Мужей Троянскихъ вождь, да друга воспрославитъ,
Великолѣпную надъ нимъ гробницу ставитъ;

На коей хитрою представлено рѣзьбой
Оружье и при томъ весло его съ трубой.
И мысъ, кой высится Троянца пепелъ кроя,
Во вѣки именемъ звучитъ сего героя.
Еней Мизеновымъ украся гробомъ долъ
Спѣшитъ исполнити пророчицы глаголъ.
Пещера есть въ горѣ глубока, преужасна,
Отвсюду черныхъ влагъ обтокомъ безопасна,
Приосѣненная сгущенныхъ тьмою древъ,
Широкїй кажуща и безобразный зѣвъ:
Чрезъ кою въ высотѣ парящїя пернаты
Не могутъ пролетѣть безъ жизней ихъ утраты.
Толико смрадные пары не престая
На воздуха предѣлъ шлютъ челюсти ея!
И Греки для сего зловонїя тлѣтворна
Жерлу сему даютъ названїе Аорна.
Со черными хребты четырехъ тутъ воловъ
Поставя жрица льетъ имъ вина межь роговъ.
Сорвавъ съ ихъ челъ руна по космѣ на сожженье,
Въ священный вержетъ огнь, какъ перьво приношенье.
И шлетъ моленїе Гекаты къ божеству,
Къ могущу въ небеси и въ адѣ существу.
Гортани жертвъ ножей пронзаются ударомъ,
И чаши полнятся текущей кровью съ паромъ.

Тамъ черну агницу Енеевъ острый мечь
Въ честь Ночи и Земли мгновенно нудитъ лечь.
Тебѣ, О области подземныя царица!
На жертву падаетъ безплодная телица.
Остатокъ ночи, въ честь Стигїйскаго царя,
Препровожденъ его въ куреньяхъ олтаря.
Тамъ тучные волы пылаютъ всесожженны;
Елеемъ нутры ихъ дымятся орошенны.
Лишь стала проникать въ мїръ утрення краса:
Долъ стонетъ, движутся вдругъ горы и лѣса;
Подъемлютъ окрестъ вой псы, челюсти разиня,
Предвѣстья грозныя, что близъ уже богиня.
,Непросвѣщенны, прочь! Сивилла вопїетъ,
„Въ сей таинственной вамъ дубравѣ мѣста нѣтъ.
„Съ мечемъ въ рукѣ, Еней, мнѣ въ адъ сопутникъ
„Мужайся, днесь нужна неустрашимость груди. [буди;
То рекши, рѣется въ пещеру, и Еней
Стремительной стопой послѣдуетъ за ней.
О боги правящи во преисподней сѣни,
Вы коихъ скипетру спокойны служатъ тѣни;
Хаосъ и Флегетонъ, далече шлющи мощь,
Мѣста, гдѣ царствуетъ безмолвїе и нощь!
Дозвольте мнѣ дѣла мной слышанны повѣдать
И покровенныя тьмой тайны проповѣдать.

Сивилла и Еней по ада пустотѣ,
Уединенные неслися въ темнотѣ:
Какъ путники въ лѣсу вкругъ зеленью одѣтомъ
Подъ недостаточнымъ луны блудящей свѣтомъ;
Когда навергнетъ Зевсъ на небо тьмы покровъ,
И черна ночь смѣситъ различіе цвѣтовъ.
При самыхъ челюстяхъ, при грозномъ входѣ ада,
Лежатъ рыданіе и мстительна Досада,
Болѣзни блѣдны, Гладъ вооружаяй зломъ,
Печалей Старость мать, сугорбленна, съ жезломъ.
Во рубахъ Скудость, Страхъ отецъ тревогъ всечасныхъ,
Дикообразный сонмъ призраковъ преужасныхъ.
Тамъ Смерть гонящая изъ свѣта смертныхъ вонъ;
Томитель членовъ Трудъ, и смерти сродникъ Сонъ.
Тамъ радованія, злы дщери сердца злосна.
Средь самыхъ вратъ сѣдитъ Война пагубоносна;
Въ затворахъ Фуріи заклепанны ревутъ,
Бросаются, и злясь желѣзны цепи рвутъ.
Кровавый тамъ раздоръ не внемля смысла гласу
Свирѣпствуетъ, главу трясущій зміевласу.
Среди сихъ Илимъ мѣстъ, богатый вѣтвьми пень,
Разширяся металъ велику окрестъ тѣнь.
Вѣщаютъ, будто онъ есть вѣчно Грезъ селенье:
На каждомъ тутъ листѣ почіетъ Сновидѣнье.

И сверьхъ призраковъ сихъ, у адовыхъ дверей
Толпится множество чудовищныхъ звѣрей;
Страшилища тѣлесъ уродливостью разны,
Центавры страшные, и Скиллы двуобразны;
Сторукій Бріарей, свистяща Гидра въ слухъ,
Химера пламенемъ дымящася вокругъ;
Медуза, Гарпіи незнающи отгона,
И тритѣлеснаго видъ грозный Геріона.
Еней страшася сихъ съ чудовищами встрѣчь
Противу оныхъ свой уставливаетъ мечь.
И естьлибъ не рекла Сивилла доброхотна,
Что все сіе ничто, какъ душъ толпа безплотна,
Онъ радъ бы съ остріемъ противу ихъ тещи,
И привидѣнія, свой тратя махъ, сѣщи.

Облекшись въ должную сопутники отвагу
На Ахеронтову отсель несутся влагу;
Вертяся и кипя гдѣ мутна хлябь шумитъ,
И съ ревомъ во Коцитъ свой черный илъ стремитъ.
Стражь адскихъ рѣкъ Харонъ и судна перевозна
Стоитъ нелѣпости и виду старецъ грозна.
Брада его длинна, всклокочена, бѣла;
Сверкаютъ пламенны глаза изъ подъ чела.
Подъ выей, стягнутыхъ во узолъ не искусно
Ризъ, вѣя, со плеча виситъ отрепье гнусно.

ОнЪ шестЪ употребя и парусЪ и весло
На онЪ превозитЪ полЪ извѣстно душъ число.
БогЪ кажущійся быть ужъ старЪ довольно лѣты:
Но блещутЪ многія вЪ немЪ бодрости примѣты.
Толпами мертвы брегЪ отягощаютЪ весь,
Цари, герои, чернь, и лѣтЪ и сановЪ смѣсь.
Супруги, матери, дѣвицы прежде брака
ВЪ жилище вѣчнаго низриновенны мрака;
Сыны, которыхЪ былЪ на погребальный срубЪ
ВЪ очахЪ отцовЪ взнесенЪ, во жертву пламамЪ, трупЪ:
Сгущенны, какЪ листы, которы, вЪ осень, долу
СЪ дубравныхЪ древЪ падутЪ, и кроютЪ землю голу;
Иль птицы вЪ воздухѣ, когда ихЪ тучи стадЪ
Во теплые края за море гонитЪ хладЪ.
Впреди стоящи, быть перевезенны просятЪ,
И длани кЪ берегу противному возносятЪ.
Угрюмый кормчій сихЪ сажаетЪ вЪ ладію;
ДругихЪ женетЪ, претя стояти на краю.
Еней подвигнутый толпы сея тревогой
„Повѣждь, О дѣва! рекЪ, что значитЪ сей толь многой
„При брегѣ тѣней сонмЪ? онЪ высишЪ всякій счетЪ.
„Что тако ихЪ кЪ сему урочищу влечетЪ?
„По что единымЪ плыть дано по водотечѣ;
„Гонимы прочія отЪ берега далече?

Ему священница исполненная дней :
„О истое небесъ отродїе, Еней !
„Съ Коцитомъ у тебя се Стигъ предъ очесами,
„Которымъ съ трепетомъ клянутся боги сами.
„Тѣ, коихъ не должна на брегѣ стать стопа,
„Суть нища, погребстись не могшая толпа.
„Превозчикъ той, Харонъ: носимы чрезъ пучину
„Суть тѣ, которые погребены по чину.
„Преправы смертнымъ нѣтъ на онъ потока полъ,
„Чьи кости не сокрылъ, покоя въ нѣдрѣ, долъ.
„Чрезъ цѣлыя сто лѣтъ нещастныхъ оныхъ души
„Скитаются вокругъ сея прибрежной суши.
„И на конецъ, когда сей долгїй выйдетъ срокъ,
„Преносятся на брегъ желанный чрезъ потокъ.
Еней зря сонмы душъ въ преправѣ безучастныхъ
Стоитъ, и въ думу падъ жалѣетъ о нещастныхъ.
Межъ нихъ се встрѣченъ имъ Левкасписъ и Оронтъ,
Которыхъ съ Ликяны пожралъ волнами понтъ,
Достойны жалости, унылы, томны оба,
Носимы по валамъ, лишенны чести гроба.
Вонъ вышедъ изъ среды безчисленной толпы
Се движетъ Палинуръ свои къ нему стопы;
Кой нощїю съ кормы на твердь взирая звѣздну
Противу Африки упалъ во слану бездну.

Еней коль скоро могъ сквозь огустѣвшїй мракъ
Печальный кормчїя различити призракъ,
„Кїй богъ, речетъ ему, къ великой намъ кручинѣ,
„Похитилъ тя отъ насъ и погрузилъ въ пучинѣ?
„Фебъ, кой въ отвѣтахъ мя ни разу не прельстилъ,
„Въ семъ случаѣ одномъ мнѣ ложь предвозвѣстилъ.
„Онъ пѣлъ, что вышнїя подъ кровомъ ты десницы
„Достигнешь невредимъ въ Авзонскїя границы;
„И я счелъ истиннымъ пророчество сїе.
„Но се днесь онаго какое сбытїе?
„Ни Фебъ, глаголетъ тѣнь, не рекъ тебѣ обмана,
„Ниже кїй богъ низвергъ мя въ волны океяна.
„Кормило, кое я безъ выпуску держалъ,
„И коимъ правя бѣгъ по влагѣ продолжалъ,
„По случаю, вернувъ я силой непомѣрной,
„Отторгъ, и вмѣстѣ съ нимъ упалъ во понтъ безмѣр-
„Клянусь морями, что не столько о себѣ [ной.
„Я тутъ вострепеталъ, колико о тебѣ:
„Чтобъ реберъ въ кораблѣ лишившемся кормила
„И купно кормчїя волна не преломила.
„Четыре ночи мя со юга бурный вѣтръ
„Носилъ по широтѣ угрюмой водныхъ нѣдръ.
„По утру, высота, куда я вскинутъ, вала
„Узрѣть Италїи мнѣ сушу даровала.

„И

„И я ужь къ берегу изнеможенный плылъ,
„Присталъ къ нему, и морь опасности избылъ:
„Какъ населяющи сей люты долъ невѣжды
„Отягощѣвшу мнѣ отъ мокрыя одежды
„И емлющусь холма за острые кремни,
„Корысти въ чаяньи, пресѣкли слезны дни.
„И тѣло днесь мое при брегѣ бездыханно
„Лежитъ, біенье волнъ и вѣтровъ безпрестанно.
„Для свѣта черплема съ небесной высоты
„И горня воздуха, которымъ дышешь ты,
„Для жизни твоея виновника драгаго,
„И спѣюща въ дарахъ Асканія младаго,
„Великодушный князь, отъ сихъ мя золъ изми,
„И путь ко пристани Велинской предприми.
„Я тамъ лежу; посыпь на трупъ мой мало персти;
„Ты можеши мнѣ дверь къ отрадѣ сей отверсти.
„Иль, ежель средство есть для льготы моея,
„Коль оное явитъ богиня мать твоя;
„(Не безъ особой, мню, Всевышнихъ ты пріязни
„Готовишися Стигъ преплыти безъ боязни)
„Простри нещастному свою ты руку мнѣ,
„И превези съ собой мя къ оной рѣкъ странѣ;
„Да принужденный жизнь въ заботѣ провлачити
„Спокойно возмогу, по смерти хоть, почити.

„Отколь въ тебѣ, разитъ Сивилла слухъ ево,
„Родилось, Палинуръ, нечестье сицево?
„Непогребенный ты дерзнеши Стигъ преплыти,
„И фуріями рѣкъ стрегомыхъ зритель быти;
„Противъ велѣнія все правящихъ боговъ
„Далекихъ достизать покусишься бреговъ?
„Умилостивить рокъ моленіемъ не мысли,
„И льготой золъ, что я повѣмъ тебѣ, сочисли.
„Вся окрестъ ко брегамъ прилегшая страна,
„Гдѣ твой носила трупъ свирѣпая волна,
„Небесныхъ знаменій трепещуща отъ страху
„Во должно твоему довлетворенье праху
„Достойную тебѣ гробницу соружитъ
„И жертвъ торжественныхъ тя честью ублажитъ.
„И мѣсто пепелъ твой имущее сокрыти
„Во вѣки Палинуръ въ потомкахъ будетъ слыти.
Симъ тѣнь спокоилась отъ чувствованья золъ,
Чрезъ соименный ей обрадованна долъ.

Вдаль шествіе свое пришельцы продолжаютъ,
И смѣлыхъ къ берегу ногъ стопы приближаютъ:
Какъ перевозчикъ ихъ завидя вдалекѣ
Безмолвнымъ лѣсомъ путь свой правящихъ къ рѣкѣ,
„Ктобъ ни былъ ты, кричитъ съ Стигійской съ гнѣвомъ
„Кой въемъ оружье къ намъ грядеши полнъ отваги, [влаги,

„Рцы,

„Рцы, что тебя влечетъ ко берегу сихъ водъ
„И дерзскій прекрати въ сіюжь минуту ходъ.
„Здѣсь мѣсто тѣней, сна, и дремотворной ночи,
„Не состоитъ въ моей, живыхъ возити, мочи.
„Я вскаялся, когда премченны были мной
„На онъ Ираклій полъ, Ѳезей, и Периѳой:
„Герои древности рожденные богами
„Побѣдоносные повсюду надъ врагами.
„Одинъ изъ нихъ цѣпьми стражь ада отягченъ
„Отъ ногъ Плутоновыхъ, трепещущь, былъ влаченъ:
„Другіе два вобще супругу мраковъ бога
„Дерзнули похищать насильно изъ чертога.
Тутъ дѣва во отвѣтъ: „смущатися престань:
„Здѣсь козней нѣтъ, и мечь изсунутъ не на брань.
„По насъ, да ада стражь трегубымъ лаетъ зѣвомъ
„И вѣчнымъ да страшитъ безплотныхъ тѣней ревомъ;
„Да заключа свою въ чертогѣ красоту
„Цереры дщерь хранитъ нетлѣнну чистоту.
„Еней оружіемъ и вѣрой препрославленъ
„Въ адъ сходитъ, къ рождьшему любовію направленъ.
„Когда толь хвальное намѣренье его
„Не сильно побѣдить упорства твоего:
„Такъ сей познай сучецъ (сіе ему сказуетъ
И изъ подъ ризы вѣтвь златую показуетъ.)

При созерцаньи той, богъ сердца гнѣвъ мягчитъ;
Вѣтвь блещетъ рокова! чудяся онъ молчитъ,
И поклоненїемъ чествуетъ даръ священный
По многихъ лѣтѣхъ вновь очамъ его явленный;
Спѣша пришельца несть Стигїйскихъ глубью волнъ
Кормой лазоревый ко брегу ставитъ челнъ;
Ряды сѣдящихъ душь долой съ скамїй сгоняетъ,
И судно все, прїять Енея, испраздняетъ.
Вздохнула легкая подъ грузомъ ладїя
Древесныхъ швами коръ обильный Стигъ пїя.
Харонъ съ сѣдальцами на онъ полъ судно правитъ,
И высадя въ тростникъ на топкїй илъ ихъ ставитъ,
[таръ вратъ,
Въ пещерѣ здѣсь Церберъ, стражь грозныхъ въ Тар-
Лежитъ, и полнитъ весь призѣвнымъ лаемъ адъ.
На толстой выи пса неложны знаки гнѣва,
Вздыманїе змїевъ, примѣтившая дѣва
Ядь вержетъ предъ него, котору медъ и макъ
И всякїй составлялъ ко сну клонящїй злакъ.
Онъ жадными тремя ту челюстьми глотаетъ,
И силы потерявъ безмѣрный хребтъ шатаетъ;
Зажмуривый глаза, валится долу, спитъ,
И вдоль пещеры всей, протягшися, храпитъ.
Чудовищу, врата Еревовы стрегущу,
Окованному сномъ и встати немогущу,

Вдаль шествуетъ Еней и мчится брегомъ водъ
По коимъ возбраненъ обратный тѣнямъ ходъ.

И се и плачь и вопль въ его приходятъ уши!
Рыдаютъ жалостно младенческія души,
Которыхъ люта смерть, до срока, изъ пеленъ,
Отъ матернихъ сосцевъ, похитила во плѣнъ.
Близъ оныхъ видимо тѣхъ сонмище нещастно
Которые на смерть осуждены пристрастно.
Здѣсь правый имъ мѣста опредѣляетъ судъ;
Миною порученъ ихъ жребїевъ сосудъ.
Зовя передъ себя онъ тѣни истязуетъ
Изслѣдуетъ ихъ жизнь, преступки испытуетъ.
По посѣщеньи сихъ герою передъ взоръ
Печальный предстаетъ самоубїйцъ соборъ,
Которы никого во жизни не обидя
Извергли души вонъ, сей свѣтъ возненавидя.
Съ коликой радостью желалибъ днесь они
Влачити бѣдственны подъ краснымъ небомъ дни:
Но рокъ препятствуетъ. Коцитъ, струи угрюмы
О выходѣ велятъ оставити всѣ думы;
Девятеричнымъ вкругъ извитьемъ мутныхъ влагъ
Стигъ держитъ пригвожденъ къ сему ихъ брегу шагъ.

Открытая страна во близости оттолѣ
Встрѣчается очамъ, зовома слезно поле,

Въ приосѣняющей гдѣ миртовъ густотѣ
Прохаживаются, уединяся, тѣ,
Которыхъ изсуша любовной пламень страсти
Принудилъ жалостно въ область тѣней пасти.
Досада, грусть, тоска терзавшая живыхъ
И по умертвіи сопровождаетъ ихъ.
Лаодамія тамъ, и Федра безотрадна
Со Пасифаею Прокриса, и Евадна,
И Ерифилинъ скорбь являющій призракъ
И кажущій въ груди меча сыновня знакъ;
И отрокъ нѣкогда, днесь вновь межъ женскимъ поломъ
Ценей обрѣтшійся, судбины произволомъ.

Межъ тѣней, коихъ въ сей заслала лѣсъ любовь,
Дидона странствуетъ точаща алу кровь;
Которую Еней межъ древъ ходящу встрѣтя,
И томну, жалостну едва сквозь миракъ примѣтя,
Подобно, кто бы зрѣлъ иль мнился зрѣть луну
При новомѣсячьи въ туманъ оболчену,
Во нѣжнѣйщей любви, средь горкихъ слезъ и стона
„Такъ истиненъ той слухъ, нещастна, рекъ, Дидона,
„Что ты въ отчаяньи вонзила мечь въ себя?
„И я, О горе, я во гробъ вогналъ тебя!
„Клянусь сіяньемъ звѣздъ, всевышня блескомъ трона,
„И всемъ, что свято есть во царствіи Плутона:

„Лю-

„Любови я твоей отнюдь не пренебрегъ;
„По принужденїю оставилъ милый брегъ.
„Тѣ горьни существа, мя кои нудятъ нынѣ
„По безобразной сей скитатися пустынѣ,
„Гдѣ вѣчно страшная владычествуетъ ночь,
„Отъ нѣдеръ мя твоихъ тогда отторгли прочь.
„И я не помышлялъ, чтобъ чрезъ мою разлуку
„Толь зѣльну приключить возмогъ тебѣ я муку.
„Постой, и отъ моихъ не сокрывайся глазъ,
„Постой, въ послѣднїй я на тя взираю разъ;
„Всемилостивою въ послѣднїй разъ судьбою
„Мнѣ днесь дозволено бесѣдовать съ тобою.
Симъ образомъ глася къ любовницѣ Еней
Пылъ гнѣва укротить слезами тщится въ ней.
Она привѣтственну невнемлюща глаголу,
Со потупленїемъ очей горящихъ долу,
Стоитъ недвижима, подобїемъ скалы,
Въ которую вотще со ревомъ бьютъ валы.
По семъ изо всея въ бѣгъ ринувшася мощи
Течетъ, враждебная, въ среду тѣнистой рощи,
Гдѣ первый дѣлитъ съ ней тоску ея супругъ,
Толь жаркїй, какъ она, любовникъ ей и другъ.
Состраждущїй Еней, съ жалѣньемъ и слезами,
Препровождаетъ тѣнь бѣгущую глазами.

И се съ пророчицей вдаль шествуя оттоль
Достигъ героями до населенныхъ поль;
Адраста блѣдна се, зритъ тамо и Тидея,
И препрославленна мечемъ Парѳенопея,
И Тевкрянъ, коихъ въ адъ кровавый Марсъ унесъ,
И кои стоили толь многихъ Троѣ слезъ.
Стоятъ отечества, предлиннымъ хоромъ, жертвы,
И нудятъ воздыхать Енея жива мертвы!
Тамъ кровь точащїй Главкъ, Медонтъ и Ѳерсилохъ,
Акамасъ, Геликонъ, и храбрый Архилохъ,
Цереринъ жрецъ Польпетъ, Идей на колесницѣ,
Держащїй и поднесь оружїе въ десницѣ.
Со всѣхъ его сторонъ тѣснитъ героевъ хоръ:
Ниже довольствуясь питати имъ свой взоръ,
Къ сотечественнику со радостью подходятъ,
За чѣмъ низшелъ во адъ, бесѣду съ нимъ заводятъ.
Но Еллины его увидѣвшїе зракъ,
И ополченїе блистающе сквозь мракъ,
Напуганные имъ при жизни сопостаты
Трепещутъ, велїимъ вновь ужасомъ объяты;
Бѣгутъ, какъ нѣкогда, спасая свой животъ,
Бѣжали отъ него ко берегу на флотъ.
Средь визга, трепетъ имъ гортани запираетъ,
Въ зїяющихъ устахъ ихъ голосъ умираетъ.

Во мѣстѣ семъ ему встрѣчаеися Дейфобъ,
Прïамовъ сынъ, кой палъ, жалчайшïй трупъ, во гробъ,
Имущïй знаки всѣ испытанной имъ муки,
Исколопъ зракъ, мечемъ отъяты обѣ руки,
Безчестно отсѣченъ и носъ и ушеса;
Видѣнье движуще на слезы очеса!
Стыдяся онъ, дрожа, и безобразье кроя,
Не смѣетъ выступить предъ сродника героя.
Еней царевича едва разпознаетъ,
Познавши, сицевый творитъ ему привѣтъ:
„О отрасль красная, плодъ Тевкра знаменитый,
„Дейфобъ, побѣдами во браняхъ именитый!
„Кïй варваръ толь тебя мучительски разилъ,
„И твой прекрасный ликъ толико исказилъ?
„Я слышалъ, что въ часы погибельной намъ ночи.
„Со Греками дерясь и выбився изъ мочи
„Окровавленный ты палъ труповъ на костеръ,
„Которыхъ собственной десницею ты стеръ.
„И я мой другу долгъ усопшему отправилъ,
„При Ретïи тебѣ тщегробïе поставилъ;
„Три раза тѣнь твою немолчнымъ гласомъ звалъ,
„Оружье тамъ твое и имя начерталъ.
„Костей не могъ обрѣсть, не могъ сокрыть во гробѣ,
„И заключить земли природныя въ утробѣ.

Тутъ князь: „ты дружбы долгъ мнѣ вполнѣ возвра-
„И Деифобовой все тѣни заплатилъ. [тилъ
„Мой рокъ и скверныя нечестїе Гелены
„Низринули мя въ адъ мои разсыпавъ члены.
„Она оставила сей въ вѣчну память знакъ,
„Свой коимъ наконецъ со мной вѣнчала бракъ.
„Ты помнишь (и сїе забыти како можно?)
„Во пагубну мы ночь коль радовались ложно:
„Когда, перескоча чрезъ гордыхъ стѣнъ упесъ,
„Во тяжкомъ чревѣ конь къ намъ воиновъ принесъ.
„Гелена въ сонмѣ женъ ведя притворны лики
„Творила громкїй шумъ, во честь Іакха, клики,
„И свѣточью въ рукѣ горящею тряся
„Давала Грекамъ знакъ, въ верьхъ ону вознося.
„А я, нещастный я, по томной дня тревогѣ,
„Ослабленный трудомъ возлегъ на одръ въ чертогѣ;
„Гдѣ чувствїя мои и члены взялъ въ полонъ
„Глубокїй, сладостный, подобный смерти сонъ.
„Но вѣрная межь тѣмъ жена моя не дремлетъ;
„Изъ подъ возглавїя, мнѣ спящу, мечь мой емлетъ,
„Выноситъ ружья вонъ, мнѣ строяща навѣтъ,
„И Менелая въ домъ, отверзши дверь, зоветъ:
„Ласкаясь, будетъ то презнатная услуга,
„Коль перьвому предастъ послѣдняго супруга.

„Такъ

„Такъ древнюю вину содѣланную вновь
„Заглядя, возвратитъ его къ себѣ любовь.
„Что больше? Менелай ворвясь мертвитъ мя сонна,
„И съ нимъ Еоловъ внукъ, душа пребезаконна.
„О боги, коль на месть васъ праведну зову,
„Карайте Грековъ вы за лютость сицеву.
„Но ты, Анхизовъ сынъ, рцы, кая тя причина
„Къ намъ жива занесла? свирѣпая пучина,
„Веленїе ль боговъ, иль инный случай кїй
„Принудилъ тя красу оставить тѣхъ стихїй,
„И снити во мѣста безсолнечны и мутны,
„Гдѣ царствуетъ печаль и страхи всеминутны?
Межь тѣмъ заря коней багрѣющихъ гоня
Простерла въ небѣ токъ за половину дня;
И время медлѣнья во тартарѣ урочно
На разглагольствїебъ утратилось безпрочно:
Но дѣва, „Ночь, рекла, скрываетъ дня красы;
„Во плачѣ суетномъ преводимъ мы часы.
„Взгляни, на мѣстѣ семъ начало двумъ дорогамъ;
„Десная пролегла къ Плутоновымъ чертогамъ,
„По коей въ Елисїй намъ нестись надлежитъ;
„А шуя къ тартару, мукъ зрѣлищу, лежитъ.
„Не бремени, князь рекъ, насъ, дѣва, грозной пѣней:
„Я сникну вспять во мракъ, и скроюся межь тѣней.

„Гряди, О честь Троян, гряди Анхизов сын!
„И лучших насладись, твой нежель друг, судбин.
Сїи слова Дейфоб прощаясь изрекает,
И от очей в толпу подвижниковcникает.
И се свой окрест вдруг возведши взор Еней
Зрит влѣвѣ под горой, навислых внутрь кремней,
Темничны зданїя широко изсѣченны
Тремя огромными стѣнами заключенны,
Круг коих флегетон, хлябь пламенна, ревет,
Крутится, вихрист, быстр, и с треском камни
Врат тяжких вереи из цѣльных Адамантов, [рвет.
Которых крѣпости ни сильна длань гигантов,
Ни горьних мощь богов во вѣк не потрясет;
Желѣзна башня свой высоко верьх несет,
И Тизифона кровь лїющая с одежды,
Невѣдуща смыкать свои дреманьем вѣжды,
Вкруг очи возводя в преддверїи сѣдит,
И вѣчный страж темниц, и днем и ночью бдит.
Там стоны, и бичей немолчные удары,
Звучанїя желѣз, и разны слышны кары.
Герой, почерпши сей толь зѣльный слухом шум,
Остановляется, и во смятеньи дум,
„За кїе роды вин, Сивиллу вопрошает,
„Так мучат здѣсь? чїй вопль весь воздух оглашает?

О вождь Троянъ! „речетъ пророчица ему,
„Злыхъ кромѣ, дверь сія невходна никому.
„Но какъ Геката мнѣ Авернску дебрь вручала
„О мщеньи неба къ злымъ сказать не премолчала.
„Въ семъ мѣстѣ Радаманѳъ господствуетъ, какъ царь;
„Онъ слушаетъ дѣла, казнитъ преступну тварь;
„Выводитъ въ свѣтъ вины, какія кто содѣялъ,
„И въ сердцѣ тщетную, что скрылъ ихъ, радость сѣялъ;
„Коснилъ грѣхи свои раскаяньемъ отерть,
„Пока во адъ его низвергла грозна смерть.
„По семъ немедлѣнно преступниковъ закона
„Бичуетъ, болю ихъ ругаясь, Тисифона,
„И мещуща змiевъ изъ шуей въ нихъ руки
„Въ пособiе зоветъ свирѣпыхъ сестръ полки.
И се со трескомъ вдругъ подобящемся грому
Разверзлися врата мучилищнаго дому!
„Ты зриши, кiй стрежетъ преддверiе призракъ;
„Уродливая тѣнь! пребезобразный зракъ!
„Лютяй сего Драконъ великiй за вратами
„Стоитъ зiющiй пятьюдесятью ртами.
„Самъ Тартаръ, коль извнѣ забралами ни твердъ,
„Сугубой мѣрою толико въ глубь простертъ,
„Колико отстоитъ отъ преисподня мiра
„Звѣздами пестрое пространствiе еѳира.

„Низринуты въ сїю перуномъ глубину
„Тамъ сынове Земли вращаются по дну.
„Колеблясь, движася, средь вѣчна безотрадья
„Ревутъ и стонутъ два Алоевы изчадья,
„Предпринимавшїе небесну твердь тряхнуть
„И трона съ высоты Юпитера сопхнуть.
„Тамъ грома Салмоней и молнїй подражатель
„Вздыхаетъ лютаго мученїя страдатель.
„На колесницу сей великолѣпну всѣдъ,
„Со пламенемъ въ рукѣ родящимъ слабый свѣтъ,
„Народа сквозь толпу, и даже во Елидѣ,
„Летѣлъ торжественно гремяща бога въ видѣ:
„Безумецъ! мыслившїй ногъ конскихъ черезъ стукъ
„Неподражаемый изобразити звукъ.
„Но Вышнїй на него въ надмѣньи семъ влекома
„Пустилъ изъ тучь ударъ стремительнаго грома;
„Не свѣточь шлющу дымъ и еле слышный трескъ,
„Межьоблачный перунъ, неложный молнїй блескъ;
„Пустилъ, и облача гремителя во пламень
„Низвергнулъ вихремъ въ адъ, летяща яко камень.
„Тамъ Титїосъ, Земли вседаровитой сынъ,
„Лежитъ растянутый на девять десятинъ.
„Въ немъ печень, вѣчная несыту пища врану,
„Клюющему его безъ отдыха тирану,

„Что

„Что когти острые въ великій нутръ вонзя
„Обильну карой плоть терзая и грызя
„Кровавые куски ртомъ алчущимъ глотаетъ;
„И печень вновь на казнь, средь казни, нарастаетъ.
„Вѣщатиль, какова Лапиѳянъ скорбь и стонъ?
„Какъ страждетъ Периѳой, и како Иксіонъ?
„Трясущася гора грозитъ на нихъ упасти,
„И падши раздробить на мѣлкія ихъ части.
„Иные возлежатъ, средь нѣгъ и лѣпоты,
„На ложахъ, блещутъ гдѣ подпоры золоты.
„Предъ ними питія и яствія различны
„Прельщаютъ вкусы ихъ ко роскошамъ привычны:
„Но Фурія крѣпчай связуя ихъ желѣзъ
„Претитъ касатися приманчивыхъ трапезъ. [часомъ
„Лишь къ снѣдямъ длань прострутъ, она ставъ тѣмъ же
„Ихъ свѣточью палитъ, и вопитъ громкимъ гласомъ.
„Тамъ всѣ, во жизни кто законъ ни нарушалъ;
„Ко братулъ своему кто злобою дышалъ,
„Иль руку на отца вознесъ неблагодаренъ;
„Законовѣдецъ, кто былъ сирому коваренъ;
„Скупой, въ себя лишь все глотавшее жерло,
(„Нещетны сихъ полки въ адъ злато заперло)
„Усѣкновенные въ главу прелюбодѣи;
„Изсунувшіе мечь на отечество злодѣи;

„Про-

„Проклятые владыкъ предатели раби,
„Всѣ должной казни ждутъ въ сей заперты хляби.
„Не вопрошай какимъ мученїямъ на вѣки
„Присуждены сїи преступны человѣки.
„Тотъ жерновъ катитъ въ верьхъ тяжелый на вѣсу;
„Другой вертится вкругъ прикованъ къ колесу.
„Сѣдитъ, и будетъ въ вѣкъ Ѳезей сидѣть злочасный
„Ко всѣмъ флигїйцамъ крикъ пуская велегласный:
„Учитеся моихъ примѣромъ вы оковъ
„Любити правоту и почитать боговъ.
Сей продалъ отчество за договорну плату
„Безцѣнной вольностью пожертвовавши злату,
„Сей мздою побужденъ законы подавалъ
„И оные за мзду вновь взяту отрѣшалъ.
„На запрещенные той браки покусился;
„Другой со дщерїю, безстудствуя, смѣсился.
„На зло ужасно всѣ дерзали въ свѣтѣ томъ,
„И насладилися злодѣйствїй ихъ плодомъ.
„Хотябъ имѣла я сто устъ, и сто языковъ,
„И не слабѣющїй отъ громкихъ голосъ криковъ,
„И къ выраженїю всѣбъ силы напрягла:
„Ни казней бы ни скверн изчислить не могла.
„Но вдаль, речетъ по семъ, вдаль спѣшны стопы
„Да нашему конца намѣренью достигнемъ. [двигнемъ

„Я тверды стѣны зрю Плутоновыхъ палатъ,
„Циклоповъ мастерство, и сводъ желѣзныхъ вратъ;
„Тѣхъ вратъ, при коихъ мы, покорствуя судбинѣ,
„Повѣсити сей даръ въ честь должны Прозерпинѣ.
Рекла. Текутъ сквозь мглу; стопа ихъ ногъ скора.
Приходятъ ко вратамъ Плутонова двора.
Еней свой чистою зракъ влагой орошаетъ,
И освященну вѣтвь при прагѣ водружаетъ.
Воздавъ богинѣ тьмы почтенїе сїе
Немедлѣнно оттоль вдаль шествїе свое
Стремятъ, и вносятся въ блаженны вертограды,
Въ мѣста исполненны веселья и прохлады;
Гдѣ зыблется Еѳиръ багрѣющїй безъ тучь,
Гдѣ лучшїй звѣзды блескъ, фебъ лучшїй мещетъ лучь.
Тѣ борются въ пескѣ; топча луга зелены
Геройскимъ подвигомъ свои заемлютъ члены.
Иные пляшутъ, сплетъ во красный станы ликъ,
Гортаньми пѣсненный на воздухъ шлюще кликъ.
Священникъ Ѳракїи, во длинной тамъ порфирѣ,
Поющимъ имъ, звучитъ на седмиструнной лирѣ,
То перстъ по ней, то вдругъ слонову движа кость:
Быстра ево рука, быстра бряцальна трость.
Тамъ Илъ и Ассаракъ, и основатель Трои
Дарданъ, рожденные во лучьши дни герои.

Вдали оружїя, забава ихъ десницъ,
И праздныхъ множество нещетно колесницъ.
Вкругъ копья тамъ стоятъ въ хребетъ земли вот-
И по лугамъ кони пасутся отрѣшенны. [ченны,
Любовь оружїя, мечей, щитовъ, броней
Военныхъ колесницъ и блещущихъ коней,
Котора сихъ вождей при жизни услаждала,
По смерти даже ихъ въ раю сопровождала.
Иные возлежа на ложѣ мягкихъ травъ,
Благоухающихъ подъ тѣнїю дубравъ,
За велелѣпными трапезами пируютъ
И громкїе поя пеаны ликовствуютъ;
Гдѣ въ очи блещетъ имъ, сквозь листвїя древесъ,
Падущїй Еридан въ лавровый съ верьху лѣсъ.
Въ сихъ рощахъ радость пьютъ тѣ воинства пред-
И вои, падшїе за отчество средь сѣчи; [течи
Жрецы радѣвшїе о званїи своемъ
И согласившїе ученье съ житїемъ;
Пїиты горняго послушны сыны неба
Отрыгнувы изъ устъ достойны пѣсни Феба;
Изобрѣтатели художествъ и наукъ
Обогатившы свѣтъ плодомъ ума и рукъ;
Безсмертны обществу явившїе заслуги,
Отцы отечествїй и человѣковъ други.

Всѣ

Всѣ сіи странствуютъ среди дубравныхъ нѣгъ
Съ убрусомъ, кругъ ихъ челъ, бѣлѣющимъ какъ снѣгъ.
Ко лику ихъ себя Сивилла пріобщаетъ
И паче прочихъ рѣчь къ Мусею обращаетъ,
Который множествомъ окрестныхъ душъ сожменъ
По высотѣ своихъ примѣтенъ былъ раменъ.
„Блаженныхъ сонме душъ, и ты пророче велій,
„Повѣждь, Анхизу гдѣ назначенъ домъ веселій.
„Сей праведникъ живыхъ сюда насъ къ вамъ привлекъ;
„Преплыта для него топь адскихъ нами рѣкъ.
Музей Сивиллѣ: „нѣсть жилищь у насъ извѣстныхъ;
„Мы въ рощахъ и лѣсахъ вселяемся прелестныхъ;
„По мягкимъ тихихъ водъ почіемъ берегамъ,
„И межь журчащихъ струй гуляемъ по лугамъ.
„Но, коль угодно, вы сію прейдите гору:
„Предстанетъ вашему стезя удобна взору.
То рекши, ихъ ведетъ горы на высоту
Съ которой окрестъ поль имъ кажетъ красоту.
Они оставль холма прекраснаго вершину
Въ преиспещренную спускаются равнину.
Анхизъ, по случаю, тогда на единѣ
Во зеленѣющей долины глубинѣ
Увеселялся душъ пресмотромъ отдѣленныхъ
На воплощеніе во свѣтъ опредѣленныхъ,

И внуковъ пречислялъ, за родомъ родъ, своихъ,
Судьбы мужей, талантъ, геройства, нравы ихъ.
И по лугу, кой цвѣлъ какъ бархатъ зеленѣя,
Увидѣлъ лишь къ себѣ грядущаго Енея,
Простря родительски объятія къ нему
И слезы по лицу точащій своему,
Въ весельи, какова́ въ немъ сердце не вмѣщаетъ,
„Такъ ты ко мнѣ пришелъ, пришелъ, ему вѣщаетъ,
„И вѣстна мнѣ твоя исполнь усердій грудь
„Толь бѣдственный во адъ преодолѣла путь!
„Ахъ, зрѣти моего возлюбленнаго сына
„И съ нимъ бесѣдовать мнѣ даруетъ судбина!
„Что сбудется сіе, я, числя дни, гадалъ
„И твой приходъ мое гаданье оправдалъ.
„О како ты влаченъ по морю и по суху!
„Какія твоему трясенья были духу!
„Колико о тебѣ я, сыне, трепеталъ;
„Чтобъ Карѳагенъ тебя въ теченьи не запялъ.
„Твоя, речетъ Еней, О Отче, тѣнь печальна
„Мнѣ часто явльшася, путьшествія толь дальна
„Причиною была; я сшелъ во мракъ земли
„Оставя на валахъ Тирренскихъ корабли.
„Дозволь рукѣ моей съ твоею сплестися,
„И во объятія сыновни попустися!

Такъ сердца въ теплотѣ глаголетъ ко отцу,
И слезы изъ очей катятся по лицу.
Три раза онъ призракъ объяти порывался,
Три раза средь его той дланей разсыпался;
Какъ вѣтеръ, коего не можно осязать,
Или мечта удобь могуща изчезать. [емлетъ
Межь тѣмъ въ юдоли дебрь онъ зрѣнїемъ объ-
И тихїй вѣтвей шумъ колеблющихся внемлетъ.
Лиѳїйскїй токъ катя сребристыя струи
Цвѣтущи тишиной кропитъ мѣста сїи.
Тамъ цѣлы племена жилища обрѣтаютъ
И окрестъ сихъ бреговъ безчисленны летаютъ:
Подобно пчелъ роямъ, которы для сотовъ,
Во ясный лѣта день, вїются кругъ цвѣтовъ;
Падутъ со жадностью на благовонны крины:
Шумятъ жужжаньми ихъ лугъ, рощи, и долины.
Еней чудящїйся видѣнїю сему,
Да стяжетъ свѣтъ, къ отцу обращься своему,
„Что знаменуютъ, рекъ, О Отче, оны воды?
„И кїе безъ числа ихъ полнятъ брегъ народы?
„Сїи суть души тѣ, речетъ Анхизъ въ отвѣтъ,
„Имѣя кои вновь родитися во свѣтъ
„Лиѳїйскихъ влагъ брега въ обитель присвояютъ,
„И всѣхъ суетъ себя забвеньми упояютъ.

„Давно я сихъ тебѣ желаю показать
„И славу моего потомства пресказать;
„Да по обрѣтенной Италїи удачѣ,
„Узря своихъ, ты тѣмъ возрадуешься паче.
„Возможноль, Отче мой, преемлетъ рѣчь Еней,
„Возникнутъ души въ мїръ, для тока новыхъ дней!
„И паки въ тѣлеса тяжелы возвратятся!
„Нещастны! чѣмъ онѣ толико въ жизни льстятся?
„Я сыне тя о всемъ подробно вразумлю,
„Ко просвѣщенью тя мой голосъ устремлю:
„Внимай. То рекши вновь гортань устроеваетъ,
И тайны естества по ряду открываетъ.
„Во первыхъ вѣждь, что долъ, моря и небеса,
„Луну и солнце, все что видятъ очеса,
„Что чувствамъ подлежитъ, всеобщїй духъ проходитъ,
„И цѣлу мїра связь въ движенїе приводитъ.
„Сїе начало есть словесныхъ, птицъ, звѣрей,
„И чудъ носящихся во глубинѣ морей.
„Всѣ души во врата входящи она мїра,
„Какъ искры отъ огня, родятся отъ Ефира.
„И естьли бы къ нимъ тлѣнъ земный не приросталъ,
„Въ природной красотѣ въ нихъ горнїйбъ огнь блисталъ.
„Но тяжку плоть нося подверженную праху,
„Работаютъ страстямъ, веселью, болю, страху.

„Какъ

„Какъ узницы во мракъ заключены тѣлесъ
„Не могутъ созѣрцать врожденныхъ имъ небесъ.
„И даже, какъ спадутъ вериги съ нихъ плотскія,
„Еще въ нихъ пятна знать грѣховности мірскія;
„Нещастны! на себѣ еще напечатлѣнъ
„Тотъ кажутъ, съ чѣмъ они уже разстались, тлѣнъ.
„И тако, да въ конецъ очистятся отъ скверны,
„Подъемлютъ муки ихъ виновностямъ сразмѣрны.
„Сіи на воздухѣ вися зарядомъ рядъ
„Преступковъ изъ себя вывѣтриваютъ ядъ;
„Иные въ быстрину грузятся многоводну,
„Или огнемъ женутъ вонъ гнусность инородну.
„Всякъ должну терпитъ казнь; и на конецъ когда
„Затмѣнье сгонитъ съ душъ мукъ долгая чреда,
„И существо лишь въ нихъ останется небесно,
„Еѳирнаго огня сіянье безпримѣсно:
„Избранный, малый сонмъ, мы входимъ въ Елисій,
„И благоденствуемъ средь райскихъ тамъ стихій.
„Истекшу же потомъ тысящелѣтню сроку,
„Богъ душъ полки зоветъ къ Лиѳійскому потоку,
„Да упоенныя забвеньемъ прежнихъ дѣлъ
„Воспрянутъ въ высоту и взыщутъ новыхъ тѣлъ.
Скончавъ глаголъ, велитъ пророчицѣ и сыну
Во слѣдъ за нимъ нестись шумящихъ душъ въ средину.

До-

Достигнувъ брега, ихъ возводитъ на бугоръ;
Да видятъ кажду тѣнь, какъ выступитъ за хоръ.
„Внимай теперь, речетъ, похвалъ Троянскихъ
„Въ Италіи отъ насъ изыдутъ кіе внуки, [звуки,
„Вожди могущіе честь нашу воскресить.
„Внимай, хощу тебѣ судьбу твою гласить.
„Се, зришь ли? князь стоитъ на скипетръ обопряся!
„По жребію, онъ въ міръ всѣхъ первѣе простряся,
„Во человѣческій тобой возникнетъ родъ,
„Отъ Италійскаго твой чрева поздный плодъ.
„Лавинія его изведши изъ дубравы,
„Отца преемниковъ Албанскія державы
„Посадитъ на престолъ. Онъ Сильвіемъ зовомъ
„Внесетъ наслѣдственно въ Албанскій имя домъ.
„Се Прокасъ близь него, краса племенъ Троянскихъ
„Каписъ и Нумиторъ, Герои чреслъ Дарданскихъ;
„И Сильвій по тебѣ глаголемый Еней,
„Кой вѣры теплотой и мужества броней
„Ко удивленію, какъ ты, весь свѣтъ подвигнетъ,
„Коль въ Албѣ скипетра когда либо достигнетъ.
„Воззри коль бодры суть сихъ юношей полки!
„Пріосѣняютъ какъ дубовы ихъ вѣнки!
„Сіи Номентъ, Габій, съ забралами Фидены,
„И Коллатинскія превозвышенны стѣны,

„Оплотъ

„Оплотъ Пометïя, и пышный Фавна градъ,
„Коранскихъ вознесутъ и Волскихъ твердь оградъ.
„Урочища сïи такъ будутъ нареченны,
„Днесь праздные бугры и долы безъименны.
„Имущь изыти въ свѣтъ единой изъ дщерей
„Влекущею свой родъ Пергама отъ царей,
„Сынъ Марсовъ, се Ромулъ, защитникъ славный дѣда,
„Предъидетъ коему во всѣхъ путяхъ побѣда.
„Взгляни, коль шлемъ его сановно опёренъ!
„Коль знаменьми небесъ онъ блещетъ озаренъ!
„Споспѣшествомъ его великïй Римъ державу
„Въ концы земны, до звѣздъ промчетъ геройства славу;
„Въ округѣ гордыхъ стѣнъ объиметъ седмь холмовъ,
„Подобящься своихъ обилïемъ сыновъ —
„Вѣнчанной башнями праматери царицѣ,
„Влекомой по градамъ Фригïйскимъ въ колесницѣ,
„И веселящейся, что плодъ ея толь многъ;
„Сынъ каждый житель звѣздъ, и внукъ и правнукъ богъ.
„Сюда теперь склони очей твоихъ воззрѣнье
„И Римлянъ виждь твое геройско поколѣнье.
„Здѣсь Кесарь, отраслей Іулихъ здѣсь краса,
„Которыхъ ждутъ къ себѣ разверсты небеса.
„Се вождь, тотъ вождь тебѣ толь кратъ предвозвѣщен-
Тотъ Августъ Кесарь, родъ Зевеса освященный, [ный,

„Кой вновь въ Италіи, во части міра той,
„Гдѣ царствовалъ Сатурнъ, возставитъ вѣкъ златой;
„За Гарамантскія и Индскія границы
„Прострешъ могущество владѣтельной десницы;
„И быстростью доколь неслыханныхъ побѣдъ
„За солнца протечетъ годищный въ небѣ слѣдъ,
„Гдѣ шаръ украшенный вкругъ звѣздными свѣщами
„Вертитъ Атлантъ держа безслабными плещами.
„И се грядетъ! грядетъ! . . и Каспій и Меотъ
„Трепещутъ внявъ его въ пророчествахъ приходъ!
„И Нила гордаго встревоженныя воды
„Бѣгутъ передъ лицемъ царя сего природы!
„Ни Геркулесъ, кой велъ съ чудовищами брань,
„Ловецъ низвергнувый металлоножну лань,
„Ериманѳійскихъ рощь отъ пагубы спаситель
„И лука крѣпостью злой Гидры ужаситель;
„Ниже средь пышныя тріумфа красоты
„На Тиграхъ ѣдущій Нисея съ высоты
„Индійскихъ царствій, Вакхъ, попратель знаменитой,
„Во виноградный листъ трясущь вожжей обвитой
„Возмогъ когда протечь толь много областей,
„Колико облетитъ побѣдоносецъ сей.
„И усумнимсяль мы доброту вдаль простерти,
„И ею дверь себѣ къ безсмертію отперти?

„Востань, и надъ враги, мой сыне, торжествуй!
„Востань, и вѣчну власть въ Италіи основуй!
„Но оный кто вѣнкомъ оливнымъ увязенной,
„Со утварью въ его объятіи священной?
„Власы его съ брадой бѣлѣющія зря
„Удобно познаю я Римскаго царя!
„Изъ малыя земли пришелецъ во велику
„Законодавца онъ явитъ въ себѣ владыку.
„Его преемникъ Туллъ, расторгнувъ тишину,
„Изъ Рима, въ шумѣ трубъ, изыдетъ на войну;
„Заснувшія сердца во праздности разбудитъ,
„И древнихъ вновь искать тріумфовъ ихъ принудитъ.
„По немъ тщеславный Анкъ свой міру вскроетъ блескъ,
„Котораго и днесь коль дмитъ народный плескъ!
„Желаеши ли зрѣть, гдѣ тотъ и тотъ Тарквиній?
„Се тѣни ихъ; се Брутъ отмститель ихъ безчиній!
„Кой перьвый низложа носителей порфиръ,
„Какъ Консулъ, на себя преиметъ честь сѣкиръ,
„И чадъ бунтующихъ монаршій родъ защитить
„За вольность общества на казнь велитъ похитить;
„Нещастный! изъ отца прейдетъ во судію.
„Какъ строгость поздный родъ ни приметъ въ немъ сію:
„Любовь къ отечеству и зѣльна жажда славы
„Преодолѣетъ въ немъ естественны уставы.

„Се Децїи вдали, се Друзы тамъ стоятъ
„И грозной ополченъ сѣкирою Торкватъ;
„И изъ среды Камиллъ убїйственныхъ металловъ
„Знамена Римскїя отъемлющїй у Галловъ!
„А оны тѣни двѣ, чьихъ равенъ блескъ мечей,
„Согласны тѣни здѣсь, во области ночей,
„Когда въ подсолнечну на шаръ земный воспрянутъ,
„Другъ на друга, увы, коликой бранью грянутъ!
„Съ Монека тесть, со Альпъ простретъ шумящїй токъ:
„Зять въ срѣтенье ему поставитъ весь востокъ.
„О чада, въ сицеву не погружайтесь злобу,
„Не обращайте силъ отечества въ утробу.
„Ты перьвый, черплющїй съ Олимпа горня дни,
„Ты, кровь моя, отъ стрѣлъ десницу изпраздни.
„Плѣнитель пышнаго Коринѳа и Ахеянъ
„Сей внидетъ въ Капитоль во славы блескъ одѣянъ;
„Сей рушитъ Аргъ и твердь Агамемнонихъ стѣнъ,
„И Ахиллесово влеча отродье въ плѣнъ
„Отмститъ Троянску кровь, тогдашнихъ ужасъ сра-
„И оскверненїе святыхъ Минервы храмовъ. [мовъ,
„Кто, Коссе, тя, кто тя, Катоне, премолчитъ?
„Кто племя Гракхово хвалой не отличитъ?
„Иль Сципїоновъ честь и стараго и юна,
„Два Африки бича, и два войны перуна?

„Тебя, Фабриціе, въ убожествѣ царя;
„Тебя, Серране, нивъ почтенна пахаря?
„При необъемлемомъ вождей толь многихъ счетѣ
„Куда мя, Фабіи, утруждьшася влечете?
„Се мужь, великій мужь, творить умѣющь брань,
„Спаситель отчества чрезъ косну къ сѣчѣ длань!
„Да инны медь ліютъ во виды имъ послушны,
„Искуствомъ мраморы животворятъ бездушны;
„Да блещутъ на судѣ талантомъ словеси
„И размѣряютъ звѣздъ теченье въ небеси:
„Вашъ долгъ, О римляне, владычествовать свѣтомъ;
„Всѣ должны состоять науки ваши въ етомъ:
„Народамъ мирные союзы предлагать;
„„Щадить покоршихся, кичливыхъ низлагать.
Такъ старецъ бытія Енею повѣствуетъ;
Чудящуся еще на тѣни указуетъ;
„Взгляни, речетъ, Маркеллъ коль въ вояхъ отмѣнитъ!
„Богатолѣпною корыстью знаменитъ,
„Онъ шествуетъ гордясь Архистратига саномъ
„И превышаетъ всѣхъ величественнымъ станомъ.
„Колеблющійся римъ сей воинъ подопретъ,
„Мятежный Карѳагенъ и Галловъ поперетъ,
„Противоборному отъяты исполину
„Оружья, третій плѣнъ, повѣситъ въ честь Квирину.

Тутъ видя юношу прекраснаго Еней
Блистающа мечемъ, одѣянна броней,
Но кой имущь чело прїосѣненно мракомъ
Вдоль поля шествовалъ, съ поникшимъ долу зракомъ,
„Кто, Отче, сей, речетъ, младый прекрасный князь
„Кой спутствуетъ вождю, такъ долу преклонясь?
„Не сынъ ли, отчїя преемникъ славы звуковъ,
„Иль нѣкїй изъ его побѣдоносныхъ внуковъ?
„Кїй окрестъ шумъ, кїй полкъ сопутствуетъ ему!
„Коль взрачностью вождю подобенъ онъ сему!
„Но черна ночь надъ нимъ крылѣ распространяетъ,
„И красоту его печалью осѣняетъ.
Анхизъ, въ отвѣтствїе Енеевыхъ рѣчей,
Со пролїянїемъ слезъ тока изъ очей,
„Не любопытствуй знать, О сынъ, гласитъ, любезной,
„Потомства твоего о тратѣ многослезной.
„Сего судьба небесъ покажетъ лишь на свѣтъ;
„И вскорѣ, вскорѣ вонъ изъ свѣта унесетъ.
„Надъ мѣру, боги, вамъ Римъ силенъ показался,
„Когда бы даромъ симъ онъ долго наслаждался.
„Коликїй Марсово воздвигнетъ поле стонъ!
„Коль тяжко поразитъ сей каждаго уронъ!
„И ты, О Тибръ, теча въ предписанны границы,
„Кїй выносъ узриши льясь мимо той гробницы!

„Отъ

„Отъ Иліона вождь не процвѣтетъ сицевъ;
„Латинскихъ такобъ кой возвеселилъ отцевъ;
„Ниже межъ римлянъ мужъ когда либо востанетъ,
„Которымъ гордый римъ хвалиться тако станетъ.
„О благочестіе! О правда древнихъ лѣтъ!
„Десница сильная рожденна для побѣдъ!
„Межъ пѣшеходцамиль онъ выступитъ на сѣчу,
„Иль всадникъ полетитъ противникамъ на встрѣчу:
„Куда ни понесетъ стремительны шаги,
„Вездѣ подъ нимъ падутъ отечества враги.
„Нещастный отрокъ! коль дарами ни обиленъ,
„Ахъ, ежели судьбу преторгнути ты силенъ;
„Ты рима красота, творецъ великихъ дѣлъ,
„Честь племени, вторый ты будеши Маркеллъ:
„Несите крины днесь и розы мнѣ румяны,
„Прекрасныя весны сокровища багряны:
„Да ими внука гробъ усыпавъ моего,
„Хоть сей, сей слабый долгъ воздамъ душѣ его.
Симъ образомъ Анхизъ Енея провождая
Всѣ зрѣлища ему пространна кажетъ рая.
Обшедый съ нимъ вокругъ прекрасныя поля
И славою его грядущей воспаля,
Въ послѣдокъ о войнѣ грозящей извѣствуетъ
Лаврентъ ему и градъ Латина повѣствуетъ;

Какъ

Какъ должно брань вести, и избѣгати бѣдъ,
Выдерживать труды, и достигать побѣдъ.
Двѣ имать двери Сонъ; едина дверь изъ рога,
Сквозь кою сбывчивымъ мечтаньямъ въ свѣтъ дорога.
Слонова чиста кость другія вещество;
Та ложны грезы шлетъ твореній въ естество.
Енея къ двери сей Анхизъ препровождаетъ
И оною его съ Сивиллой испускаетъ.
Изъ преисподнія возникнувый во свѣтъ
Зрѣть общниковъ драгихъ ко флоту онъ грядетъ;
И сушу, гдѣ стоялъ, немедлѣнно оставя,
Летитъ, ко пристани Каетской путь свой правя;
Достигшіе тоя крылаты корабли
На твердыхъ якоряхъ, вдоль берега, легли.